

ВЕСТНИК

ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО № 16 (116)
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА 2008

ISSN 1991-9751

СЕРИЯ

«ЛИНГВИСТИКА»

Выпуск 7

ПОСВЯЩАЕТСЯ
65- ЛЕТИЮ ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Редакционная коллегия:

д.филол.н., профессор **О.А. Турбина** (*отв. редактор*)
д.филол.н., проф. **Л.Г. Бабенко**, д.филол.н., проф. **Е.В. Харченко**,
д.филол.н., проф. **А.П. Чудинов**, к.филол.н., проф. **Т.Н. Хомутова**,
к.филол.н., доц. **С.С. Голубева**, к.филол.н., доц. **Е.А. Дамман**,
Е.С. Жеребятъева (*отв. секретарь*)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ

- КОЖАЕВА О.С. Сравнительно-типологические исследования на современном этапе развития лингвистики 3
- КУЗНЕЦОВА Л.В., КУЗНЕЦОВА Л.М. Теоретические вопросы сопоставительного изучения типологии видовременных систем..... 7
- ЧЕРНИКОВА Е.М. Заимствования теонимов и демонимов в индоевропейских языках.... 10

ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА

- БАБЕНКО Л.Г., ПОЛЗУНОВА М.В. Речевой поступок и речевой акт в структуре речевого жанра «Объяснение в любви» на материале художественного произведения Дж. Голсуорси «Сага о Фортсайтах» 13
- ВДОВИНА О.А. Лексико-грамматические особенности научного текста по международным отношениям в дидактике (контроль переводческих умений) 20

МИНЬЯР-БЕЛОРУЧЕВА А.П., ПЛОТНИКОВА А.В. Волшебное царство Дж.Р.Р. Толкиен и «Беовульф»	28
СЕРЕБРЯКОВА А.Ю. Лингвистические особенности текстов И. Канта	34
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ И КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА	
МИНЬЯР-БЕЛОРУЧЕВА А.П., ПЛОТНИКОВА А.В. Эволюция восприятия имени собственного в западноевропейской культуре	37
САЛИМОВА Р.М. Когнитивное описание модальности внутреннего монолога.....	42
ТУРБИНА О.А., ЗАХАРОВА Т.В. Отражение социальной значимости гостеприимства в русских поговорках	56
ЮНАКОВСКАЯ А.А. Лексикографический способ систематизации разговорного материала (на примере г. Омска)	54
ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА	
ШЕРЕМЕТЬЕВА С.О., ДЮМИН Н.Ю. Об универсальной платформе лингвистического программного обеспечения	60
ФРАЗЕОЛОГИЯ	
КАЗАКОВА Ю.В. Семантическая роль обстоятельственных наречий во фразеологизмах модального класса	65
ЗЕЛЕННЫЕ СТРАНИЦЫ	
БЛУВБЕРГ С.В. Специфические признаки современного немецкого протестантского проповеднического дискурса	69
ВАН НЕСС С.Р. Использование вторичной номинации при создании прозвищных наименований	74
КАМЫШЕВА О.С. Метафорическое обозначение музыки и музыкантов в художественной речи	78
КОЛТЫШЕВА С.Я. Шоу-бизнес как сфера-магнит для религиозной метафоры	83
КОРОБЕЙНИКОВА А.А. Внешний вид как составляющая поэтического образа мужчины (по данным лексической структуры лирических текстов А. Ахматовой и М. Цветаевой)	89
ТКАЧЕВА Л.Л. Технологии развития критического мышления	95
SUMMARY	97
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	99

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ

УДК 800 (075.8)
ББК 81я73

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ЛИНГВИСТИКИ

О.С. Кожаева

Данная статья содержит материалы по истории сравнительной типологии и описание современного состояния сравнительно-типологических исследований. Описываются возможности и необходимость использования сравнительно-типологического подхода при обучении преподавателей русского языка в современных условиях.

Ключевые слова: сравнительная типология, сравнительно-типологический подход, когнитивная лингвистика, методика обучения.

Сравнение как метод научного познания оправдал себя во многих науках. Лингвистика не является исключением. История сравнения языков начинается, по преданию, с «вавилонского смешения». Однако на каждом этапе развития лингвистики метод сравнительного изучения языков имеет свои особенности. Он базируется на теоретических основах лингвистики отдельно рассматриваемого периода. На данном этапе современные лингвистические исследования базируются на достижениях когнитивной лингвистики. Этот факт, естественно, влияет на современные методы сравнительного изучения языков. Задача, которую ставил перед собой автор в настоящей статье, заключается в том, чтобы осветить и проанализировать взаимосвязь наиболее значимых общетеоретических положений контрастивной и когнитивной лингвистики. Полученные данные могут быть эффективно использованы в прикладных лингводидактических целях, а именно в практике преподавания русского языка в современных условиях.

Изменения, происходящие в современной России, требуют дополнений некоторых положений методики преподавания русского языка, которые связаны с увеличением полиэтничного населения страны. Одним из путей в этом направлении, является разработка нового интегративного спецкурса для студентов филологических факультетов, будущих преподавателей русского языка. Такой курс, с одной стороны, поможет по-новому взглянуть на сравнительно-типологические исследования, проводимые ранее, с другой стороны, он вооружит студентов необходимыми знаниями для успешного преподавания русского языка в новых условиях.

Далее остановимся на некоторых теоретических положениях, которые были положены в основу разработанного интегративного курса.

На сегодняшнем этапе развития лингвистики, когнитивные исследования стали неотъемлемой частью современной лингвистической науки. В отличие от традиционной лингвистики, к которой мы относим контрастивную лингвистику, и которая, в основном, наблюдает, описывает, констатирует и классифицирует, когнитивная лингвистика выполняет объяснительную функцию.

Контрастивная лингвистика соединяет в себе сопоставительный и типологический анализ языков. Она представляет собой синхронно-сравнительный метод параллельного лингвистического описания и анализа двух и более языковых систем и подсистем с задачей выявления наиболее существенных расхождений, дифференцирующих признаков на фоне установленного базового сходства.

Необходимо уточнить принимаемый в данном исследовании терминологический аппарат, поскольку в теоретических работах сопоставительного характера до сих пор нет терминологического единства.

Типологические исследования предполагают выделение того общего, что представлено во всех языках. В исследовании термин «типология» будем определять как учение о типах языков, которые изучаются путем сопоставления, как отдельных уровней, подуровней и микросистем, так и систем отдельных языков в целом и групп языков. Принцип сравнения в лингвистике представлен методами внутриязыкового и межъязыкового сравнения.

Работавших в этом русле исследователей интересовали факты языка, носящие всеобщий языковой характер, отражающий определенные закономерности языковой структуры, свойственной всем языкам. Такие закономерности, общие для всех или для большинства языков, получили название языковых универсалий. Практической разработкой таких универсалий плодотворно зани-

мался известный специалист в области языковых универсалий Б.А. Успенский¹. Этот тип универсалий относится в большей степени к универсалиям, характеризующим язык в синхронном плане. Такие универсалии называются описательными или абсолютными.

Языковые универсалии, по мнению Б.А. Успенского, можно определять на основании непосредственного сравнения языков друг с другом, т.е. в терминах собственно лингвистических. В этом случае речь идет о лингвистической типологии².

Различные виды сравнения языковых систем проводились давно. Любые грамматики изучаемого второго языка, как и многие первые грамматики родного языка, писались на фоне сравнения, осознанного или бессознательного, с другим языком. Некоторые исследователи считают, что грамматика Панини латентно содержала элементы сопоставления санскрита с разговорными праkritами. Первые грамматики периода Возрождения писались фактически в сопоставлении с грамматиками греческого или латинского языка. Как справедливо по этому поводу отмечает В.Г. Гак, «сопоставительная лингвистика выросла из необходимости описания языков и из необходимости их преподавания»³. Соответственно имеются многочисленные исследования, в которых сопоставляются фонетические, морфологические, синтаксические и лексические подсистемы самых различных языков мира. В этом отношении особое место занимает отечественная лингвистика с точки зрения разработки методов описания, масштаба и объема исследований. Еще в 1904 году Ф.Ф. Фортунатов писал о необходимости использовать приемы сопоставления, сравнивая факты родного языка «со сходными в известном отношении, но представляющими вместе с тем также и существенные отличия, фактами иностранного языка, что дает преподавателю незаменимое средство разъяснять учащимся грамматические явления родного языка»⁴.

Возникновение контрастивной лингвистики как науки некоторые исследователи связывают с выходом книги Р. Ладо «Linguistics across Culture» 1957. Контрастивная лингвистика успешно разрабатывалась Пражской школой. В ее становлении большую роль сыграли основополагающие работы Ш. Бали, появившиеся в связи с необходимостью преподавания немецкого языка во франкоязычной аудитории. В нашей стране особую роль в становлении и развитии контрастивной лингвистики сыграли такие выдающиеся ученые как Л.В. Щерба и Е.Д. Поливанов.

Следует констатировать, что большинство языков народов бывшего СССР в той или иной мере сопоставлялись с русским языком и между собой. Классическим образцом таких исследований послужила работа Е.Д. Поливанова «Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком». Она, по словам самого Е.Д. Поливанова, считается

«дифференциальной грамматикой русского языка по отношению к узбекскому языку»⁵. Этот труд Е.Д. Поливанова оказал большое влияние на дальнейшее развитие сопоставления разнотипных языков.

Проводилось научное сопоставление системы русского языка с системами других языков мира, с английским, французским и немецким, которые и сейчас являются основными иностранными языками, изучаемыми в школах и вузах России. В последние три десятилетия проводилось сравнение отдельных национальных языков народов России и СССР с иностранными языками в теоретических и практических целях. Такие работы дали богатый практический материал для методики проведения сопоставительных исследований. Назовем наиболее значительные из них: Сравнительная грамматика русского и туркменского языков; Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков⁶. Сравнительная типология родного (татарского) и английского языков (Гатиатуллина, 1979); Сравнительная типология английского и тюркских языков (Буранов, 1983); Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков (Серебрянников, Гаджиева, 1986); Сопоставительный анализ лексико-грамматических систем английского, русского и якутского языков (Фомин, 1987). Выходили межвузовские сборники «Типология языков»⁷. Проводились также серьезные исследования в области теоретических основ ареальной лингвистики (Герценберг, 1974; Джураев, 1991; Серебрянников, 1973; Солнцев, 1984; Толстой, 1977)

В современной России сопоставительная русистика стала одним из традиционных разделов языкознания (см. Русский язык: исторические судьбы и современность). Сейчас продолжают проводиться сопоставительные исследования как русского языка с иностранными, так и сопоставления языков народов России (Протогенова, 1988; Фомин, 1987, 1998; Кожаева, 1991; Рахматова, 1997; Сердыкова, 1998; Даукаева, 2004; Исмаилова, 2004) и многие другие работы. Появились также работы по сравнительному изучению тюркских языков; Сравнительная грамматика восточноиранских языков (Эдельман, 1990); Сопоставительная грамматика кумыкского и русского языков (Ольмесов, 2000). Все они заслуживают пристального внимания и изучения, так как каждая работа вносит определенный вклад в теоретическую разработку сопоставительных исследований и методику преподавания.

В.Г. Гак отмечает, что термины «контрастивная грамматика» и «контрастивная лингвистика» импортированы из английского языка, а в отечественной лингвистике соответствующее направление языкового анализа называлось «сопоставление языков», «сопоставительная грамматика»⁸.

В предпринятом исследовании, считаем целесообразным, использовать как рабочий, термин

«сравнительная типология», так как он более понятен студентам, для обучения которых разрабатывался спецкурс.

Среди лингвистов обсуждался вопрос о различии сопоставительной (контрастивной) лингвистики и лингвистической типологии или об их взаимосвязи. Предметом сопоставительного анализа может быть отдельное явление, причем не обязательно в двух, может быть и в нескольких языках. Типологический анализ может охватывать большие разделы языка и даже структуру языка в целом. Задача лингвистической типологии – установление языкового типа (как типов существования того или иного элемента в различных языках, так и языковых типов в целом), для последующей классификации языков и выявления того, как вообще может быть устроен человеческий язык. Цель типологии как научного метода заключается в выделении признаков, характеризующих объект изучения, и в классификации этих признаков, а также самого объекта по совокупности выделенных признаков.

Термин «типология» сам по себе является неоднозначным. Например, С.Г. Шафиков выделяет четыре значения термина «типология», существующих в современном языкознании: 1) отрасль языкознания, в которой применяется типологический (сравнительный) метод; 2) метод типологического (сравнительного) изучения языков; 3) классификация языков; 4) классификация изучаемых языковых единиц⁹.

Цель типологии как научного метода заключается в выделении признаков, характеризующих объект изучения, и в классификации этих признаков, а также самого объекта по совокупности выделенных признаков. Совокупность же признаков, характерных для группы объектов, выделенных по совокупности некоторых признаков, называется типом. Как и типология, понятие «тип» универсально и применяется во всех науках, в том числе в лингвистической типологии. Тип понимается здесь обычно как совокупность некоторых языковых свойств или совокупность языков, обладающих ими¹⁰. Тип в узком значении термина, или тип языкового выражения (тип языкового элемента), – форма универсального или общего языкового явления¹¹. В этом смысле говорят о типах артикуляции звуков, о типах словосочетаний и предложений, о типах синтаксической связи и морфологического выражения и т.д. Каждая функция в языке может быть осуществлена разными способами, и эти способы выражения одного и того же «задания» образуют типы. Тип в широком значении термина, или языковой тип (тип языка), – это совокупность обобщенных особенностей языка в целом¹². В современной типологии классификация языков отходит на задний план, уступая место классификации типов как более общей цели лингвистической типологии, состоящей в характеристике языков.

Типологический (сравнительный) метод плодотворно использовался в контрастивной лингвистике (см., например, Дж. Гринберг, С.Д. Кацнельсон, Ю.В. Рождественский, Б.А. Успенский, А. Lehrer, Н. J. Sells и др.). Одним из ее разделов считается сравнительная типология языков (см., напр., В.Д. Аракин, В.Г. Гак, О. Духачек, А.А. Зеленецкий, П.Ф. Монахов и др.). Как указывалось, сравнительная типология сравнивает два, три или четыре языка с целью обнаружения в них сходств и различий (ср., например, «Сравнительную типологию английского и русского языков» В.Д. Аракина, «Сравнительную типологию французского и русского языков» В.Г. Гака, «Сравнительную типологию немецкого и русского языков» А.А. Зеленецкого, П.Ф. Монахова, а также «Сравнительную типологию английского и русского языков И.Г. Кошевой, Ю.А. Дубовского). В исследованиях по сравнительной типологии сопоставляет факты нескольких языков с целью обнаружения в них сходжений (изоморфизмов) и расхождений (алломорфизмов).

С точки зрения типологии и контрастивной лингвистики в каждом языке есть два вида свойств – алломорфические (индивидуальные) и изоморфические (общие). Первые приводят к типологической классификации языков благодаря существованию в языках индивидуальных черт, вторые – к выявлению универсальных черт (универсалий)¹³.

Для того чтобы определить изоморфические или алломорфические черты в нескольких языках, необходимо сравнить эти языки друг с другом или сопоставить один язык с другим. Научное описание языка, определение его типологии не будет носить всеобщего характера, если не будет использован эталон, с которым можно соизмерить или сопоставить любой известный науке язык. В научной литературе язык-эталон понимается в самом общем виде как язык описания систем или явлений сравниваемых естественных языков; при этом обычно указывается, что язык-эталон может быть как естественным, так и искусственным, представляя собой в последнем случае систему параметров или правил описания¹⁴.

В качестве языка-эталона Б.А. Успенский предлагал рассматривать аморфные языки, которые, как он полагал, имеют наиболее простую структуру и в которых наиболее четко и последовательно выражены общие для всех языков инвариантные отношения¹⁵. Однако в действительности аморфные языки, как показал Н.Н. Коротков, по своей структуре гораздо сложнее того идеала, к которому должен приближаться язык-эталон¹⁶. Поэтому в настоящее время делаются попытки сконструировать некую априорную систему языка, которая могла бы выступать как язык-эталон.

Представляется целесообразным разграничение понятия языка-эталона и метаязыка, поскольку это позволяет дифференцировать дедуктивный принцип научного аппарата описания и индук-

Лингвистическая типология

тивный принцип выделения фактического материала.

Задачи сопоставительной лингвистики – сравнение фактов двух или нескольких языков с целью обнаружения сходжений и расхождений. Это два взаимосвязанных подхода к изучению языкового материала. Их можно считать начальными ступенями иерархической системы изучения языковых особенностей отдельных языков или их групп. Такой подход к языковым фактам носит более описательный характер, рассматривая языки в синхронном срезе сходств и различий между ними, т.е. это изучение языковых структур.

Следующая ступень теоретического изучения языков, базируется на достижениях когнитивной лингвистики, на новых методах работы с лингвистическим материалом – выявление общих принципов, управляющих ментальными процессами. Задача когнитивной лингвистики – посредством постижения языка проникнуть в формы этих структур и описать существующие между ними и языком зависимости. В этом, по мнению Н.Н. Болдырева, заключается кардинальное отличие когнитивной лингвистики от традиционной¹⁷. Происходит пересмотр традиционных подходов к исследованию языков, т.е. меняется формат знаний.

В настоящее время в лингвистике наблюдается усиление роли языка в процессах познания мира. Изучаются процессы хранения и передачи информации от человека к человеку. По-новому осмысливается процесс категоризации. По справедливому замечанию ведущего отечественного когнитолога Е.С. Кубряковой, понимание «самых языковых категорий оказывается неким ключом к постижению природы языка»¹⁸. Вопросами категоризации сейчас занимается когнитивная семантика, выдвинувшая новое понимание категории как функции когниции.

Все вышесказанное приводит нас к констатации того факта, что лингвистические исследования носят сегодня междисциплинарный характер. Выстраивается иерархическая система, основанием которой служит сравнительная типология, а следующим ярусом является когнитивная лингвисти-

ка. Оба яруса представляют собой симбиоз и имеют непосредственный выход в методику преподавания, сокращая определенный пробел, существующий между методикой преподавания и новыми теоретическими разработками.

¹ Успенский Б.А. Проблемы универсалий в языкознании. В сб.: Новое в лингвистике. М., 1970, вып.V.

² Успенский Б.А. Структурная типология языков. М., 1965.

³ Гак В.Г. О контрастивной лингвистике. В сб. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика. М.: Прогресс, 1989, С. 5.

⁴ Фортунатов Ф.Ф. Сравнительное языкознание. Избранные труды. М., 1956.Т.1. С. 68.

⁵ Поливанов Е.Д. Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком. Ташкент, 1934.

⁶ Гурычева М.С. Катагощина Н.А. Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков. М., 1969.

⁷ Типология языков. Межвузовский сборник. Вып.1, Нукус, 1988.

⁸ Гак В.Г. Цит. соч. С. 6.

⁹ Шафиков С.Г. Языковые универсалии и проблемы лексической семантики. Уфа, 1998. С. 7.

¹⁰ Там же. С. 75.

¹¹ Гак В.Г. Цит. соч. С. 8.

¹² Там же.

¹³ Шайхмахин А.М. Некоторые принципы формализации семантики естественных языков. Автореф. дис...канд. фил.н. М., 1986.

¹⁴ Шафиков С.Г. Цит. соч. С. 110.

¹⁵ Успенский Б.А. Структурная типология языков. М., 1965. С. 132.

¹⁶ Коротков Н.Н. Структурная типология, язык-эталон и задачи общей теории языка // Лингвистическая типология и восточные языки. М., 1965. С. 41.

¹⁷ Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Тамбов, 2001. С. 12.

¹⁸ Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. М.,1997.

Поступила в редакцию 07 апреля 2008 г.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ТИПОЛОГИИ ВИДОВРЕМЕННЫХ СИСТЕМ

Л.В. Кузнецова, Л.М. Кузнецова

Широкое развитие сопоставительных и типологических исследований характерно для современного теоретического языкознания. Системность является одной из наиболее существенных объективных черт функционирования языка. Без решения проблемы системности грамматического строя языка невозможно научное сопоставление грамматического строя различных языков. Решение проблем сопоставительного характера важно для усовершенствования методики преподавания языков, для теории перевода, языковых контактов и т.д.

Ключевые слова: языкознание, грамматический строй языка, системность, глагол.

Одной из характерных черт современного теоретического языкознания является расширение сферы исследования грамматического строя различных языков в синхронном плане, широкое развитие сопоставительных и типологических исследований, поиски новых путей и методов анализа языковых систем, применение более строгих критериев к изучению внутренней, семантической стороны этих систем. Идея о том, что системность является одной из наиболее существенных объективных черт функционирования языка, находит своё подтверждение в результатах многочисленных конкретных работ, посвященных анализу языковых систем. Хотя, в настоящее время среди лингвистов существуют определённые расхождения относительно того, что следует понимать под системой в языке, имеются ли различия между системой и структурой, каковы конкретные исследовательские методы, которые могли бы служить надежной основой для более строгого анализа и систематизации языковых явлений.

В современной лингвистической литературе прочно утвердилось мнение о том, что поскольку язык весьма разнообразен и многогранен, проблема системности в языке не может пониматься прямолинейно и упрощенно. Хотя системность является объективной чертой языковой организации, её сущность различна в зависимости от того, с каким языковым «ярусом» мы имеем дело.

Без решения проблемы системности грамматического строя языка невозможно научное сопоставление грамматического строя различных языков, поскольку оно предполагает не сравнение отдельных, разрозненных фактов, а сопоставление целых систем, служащих в анализируемых языках сходным коммуникативным целям. В свою очередь решение проблем сопоставительного характера важно для усовершенствования методики преподавания языков, для теории перевода, языковых контактов и т. д.

В области сопоставительного исследования грамматического строя типологически различных языков, например, английского и русского, наибо-

лее реальным путем, как нам представляется, было бы начать с отдельных, относительно автономных систем, например, видовременных систем глагола современного английского и русского языков, которые в настоящее время уже исследованы достаточно подробно. В современной лингвистике имеется уже много различных описаний видовременных систем английского и русского глагола, причем каждое такое описание может рассматриваться нами как определенная модель, ставящая своей задачей раскрытие наиболее существенных черт функционирования этой системы. При этом вполне естественно, что не все эти модели окажутся одинаково приемлемыми для сопоставительного исследования. Своеобразие сопоставительных проблем заключается в том, что здесь единственно приемлемой основой для сопоставления может быть не внешняя, формальная, а внутренняя, т. е. значимая сторона языковых систем. Следовательно, само сопоставление может быть достаточно успешным лишь в том случае, если мы располагаем двусторонними описаниями видовременных систем современного английского и русского языков. Основная трудность при этом заключается в том, что при изучении значимой стороны видовременных систем должны быть выработаны определенные строгие критерии, на основе которых можно было бы более точно подойти к решению проблемы определения значений различных видовременных форм в том или ином контексте и тем самым предотвратить произвольное обращение с языковыми фактами.

Как известно, для исчерпывающего описания некоторого явления, в том числе и явления языка, для формализации описания, делающей трактовку данного явления более объективной, необходим список исходных понятий. Именно такой список обеспечивает адекватность описания, в особенности типологического, и позволяет одинаково оценивать родственные факты в разных языках при типологическом сопоставлении.

Безусловно, лингвистика не располагает «ораклом, могущим ответить, соответствует ли та или

иная гипотеза или теория «реальной картине языка» или не соответствует»¹. Именно поэтому в отношении грамматической категории, как и в решении многих других вопросов общей теории, нужно, видимо, исходить из того, что следует считать грамматической категорией, а не из того, чем она может или не может являться в том или ином языке. В языке, как знаковой системе, нет пустых элементов. Каждый элемент любого уровня языка является сигналом, значение которого определяет его место в системе. Учитывая тот факт, что наиболее общие понятия грамматической системы основаны именно на противопоставлениях (предложения личные / безличные; падежи именительный / косвенные и т. д.) наиболее адекватным приходится признать определение грамматической категории, исходящее из обязательного наличия оппозиции между, по крайней мере, двумя взаимоисключающими грамматическими значениями одного плана. Конечно, можно считать категориями и то, что большинством исследователей признается членами одной категории, т. е. отдельные времена, падежи и т. д. Однако и в этом случае определенные категории окажутся противопоставленными друг другу, образующими ряды оппозиций в рамках значения, более общего, чем значение каждого отдельного члена оппозиции.

В современном языкознании широко применяется рассмотрение грамматических оппозиций в свете учения об оппозициях грамматического плана, делаются попытки не только описать грамматические оппозиции в терминах грамматики, но и отыскать в каждой из них закономерности, приписываемые явлениям грамматического уровня. Такое приложение четко определенных однозначных терминов к изоморфным системам разных уровней несомненно способствует более объективному подходу к изучению закономерностей языка как системы. Тем более, что граммы, как единицы грамматического уровня, имеют важную общую характеристику: являются «коммуникативно значимыми единицами»². В противоположность членам фонологической корреляции, члены грамматической корреляции не обладают признаками, которые можно было бы представить экстралингвистически, в виде чисто физической субстанции. Материальная оболочка, в которой грамматическая категория реализуется в языке, является знаком какого-то десигната, который может и не иметь денотата в виде внеязыковой сущности³. Существование определенных грамматических форм, как членов категориальной оппозиции, обусловлено тем и только тем, что они имеют определенную характеристику в плане содержания. В отношении различия противочленов грамматической категории, его признаком будет являться сам элемент плана содержания, т. е. грамматическое значение. Дело, таким образом, заключается не столько в том, что объявить категорией (форму или ряд форм), сколько в том, что на уровне грам-

матических универсалий противопоставление значимостей, образующих систему, является эквивалентным. Самый принцип взаимоисключения противопоставленных друг другу форм, на котором основано принимаемое в современной лингвистике определение грамматической категории, принцип взаимоисключения в плане одного общего содержания вообще возможен лишь при условии наличия положительного значения у каждого из членов оппозиции. Действительно, на основании чего некоторые формы признаются членами одной оппозиции? Включение в систему грамматической категории формы, оставляющей невыраженным признак этой категории, разрушает все построение. Именно так, в частности, и обстоит дело с трактовкой рядом исследователей форм вида в системе английского глагола.

Принимая, в качестве исходной посылки, обязательное наличие противопоставленности форм по общему значению, ряд учёных определяют Continuous как форму, которая дает действию положительную характеристику процесса, конкретно протекающего в определённый момент времени, и, следовательно, обозначает незавершенное действие; форма же Simple не дает действию никакой особой характеристики. Поскольку общим значением категории вида эти авторы считают характер действия, получается, что форма Simple выпадает из системы, ибо, если признать нейтральность этой формы в отношении общего значения вида как категории, включение этой формы в видовую систему окажется лишённым основания. В результате исчезает представление и о самой системе, ибо форма Continuous оказывается изолированной, ничему не противопоставленной в плане общего значения категории. Тем самым снимается вопрос о системе видов в английском языке именно как системе, ибо система создается оппозициями.

Большую трудность представляет зачастую выбор надлежащего основания для сравнения членов грамматической оппозиции. Сравним, например, какие разные признаки кладутся отдельными исследователями в основу определения гиперпризнака категории вида: от лексического значения конкретного характера самого действия до всеобъемлющего значения общей направленности действия (Э. Кошмидер). Следует сказать, что выбор адекватного основания для сравнения, как критерия анализа любых соотношений, имеет большое значение и может вызвать затруднения не только при лингвистическом исследовании.

Одномерность грамматической оппозиции – это база для сравнения ее противочленов. При исследовании грамматических значений база для сравнения является всякий раз данной, она принимается за величину постоянную, тогда как основание для сравнения будет искомой переменной величиной. Однако здесь можно впасть в ошибку, приняв за основание для сравнения дифференциальные признаки отдельных форм.

Если принимать за основание для сравнения родственных оппозиций отдельные дифференциальные признаки грамматических форм в отдельных языках, то это лишь затруднит типологическое описание и типологическое сопоставление, например, представляется, что если вслед за А.В. Исаченко, считать общим значением категории числа значение нерасчлененности / расчлененности, то для языков, имеющих систему: единственное / двойственное / тройственное / множественное число, придется выбирать другое основание для сравнения, а отсюда и по-иному определять общее значение категории числа. Выделение набора дифференциальных признаков данного элемента грамматической системы языка – это первый уровень описания системы – классификация на уровне анализа. Выбор же надлежащего основания для сравнения, которое и будет общим значением данной грамматической категории как универсалии языка – это уже следующий уровень описания – уровень синтеза.

Именно то, что при установлении общего значения оппозиции исследователь исходит из какого-то одного дифференциального признака одной

из форм, и приводит к признанию обязательности бинарности, как принципа организации системы, и привативности, как основного характера взаимоотношения между элементами системы.

Представляется, однако, что на уровне синтеза признание обязательной бинарности, как ведущего принципа организации системы, налагает искусственные рамки на возможное разнообразие системы, так же как и рассмотрение целого ряда оппозиций как привативных не отражает подлинного характера взаимоотношения между членами этих оппозиций.

¹ Исаченко А.В. Бинарность, приватные оппозиции и грамматические значения // Вопросы языкознания, 1963. № 2. С. 44.

² Мухин А.М. Функциональные лингвистические единицы и методы структурного анализа языка // Вопросы языкознания, 1961. № 1. С. 85.

³ Шендельс Е.И. О грамматических значениях в плане содержания // Принципы научного анализа языка. М., 1959.

Поступила в редакцию 14 мая 2008 г.

ЗАИМСТВОВАНИЯ ТЕОНИМОВ И ДЕМОНИМОВ В ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Е.М. Черникова

Детально рассмотрены основные пути заимствований теонимов и демонимов в индоевропейских языках в диахроническом аспекте, а также исследовано взаимовлияние древних индоевропейских и семито-хамитских культур. Исследование затрагивает индоевропейские культуры, начиная со второго тысячелетия до н.э. и заканчивая началом второго тысячелетия н.э.

Ключевые слова: теоним, демоним, заимствование, индоевропейский, финикийский, древнегреческий, римский, древнеегипетский, иранский, индийский, русский, бог, религия, культура.

Заимствование теонимов и демонимов коснулось не только всех народов Средиземноморья, но и Евразии в целом. В середине I тыс. до н.э. возрастает культурное влияние Финикии. «Идея жизни и культ ее божеств, особенно Адониса, находит себе распространение за пределами Финикии и ее колоний. Божества юные и победившие смерть сопоставляются; их мистерии проникают в такие центры, как Афины, Александрия и другие»¹.

Некоторые теонимы и демонимы Древней Греции имеют четкие параллели в финикийской мифологии: финик. *Адон* – греч. *Адонис*; финик. *Тиннит (Пенэ Баал)* – греч. *Дидона (Цалам-Ваал, Саламбо)*; финик. *Пуам* (бог-карлик, досл. «бог молотка») – греч. *Пигмей* («бог с кулак») и др. Заимствуя богов, греки заимствовали и всё, что было с ними связано: мифы, ритуалы и обряды, запреты и суеверия. Стоит отметить, что многие кровавые ритуалы финикийцев были «переосмыслены» греками, но, по-видимому, запрет на произнесение теонимов сохранился без изменений. Большая часть богов с отрицательными чертами (разрушители, боги подземного царства и др.) не называются демонимами, а потому к ним применяется запрет на произнесение имени бога.

В эпоху эллинизма происходит смешение культур Древнего Египта и Греции, а затем и Рима. «Многочисленные памятники, по мере удаления от фараоновского времени, все более и более обнаруживают двойные имена, а также греков и затем римлян, молящихся египетским богам и исповедующих местную религию»². Появляется двойное греко-египетское написание теонимов (*Дионис-Осирис; Имхотеп Асклетий, Зевс Серапис*); «даже в официальном розеттском декрете имена богов в греческой версии приводятся то в египетской, то в греческой форме (*Гефест* вместо *Птах*, *Гермес* вместо *Тот*)»³. При Птолемее I даже вводится специальный греко-египетский бог *Серапис*, «первоначально имевший целью дать богатопокровителя новой столице – Александрии и вместе с тем, согласно египетским представлениям, для династии Птолемеев и вообще их государства»⁴.

Многие греческие боги названы по функции, которую они выполняют (персонификация абстрактных понятий), или же имеют множество эпитетов, заменяющих истинное имя во время религиозных обрядов: *Зевс* (Ζεύς «светлое небо»); *Гера* (*Нра «охранительница», «госпожа»); *Аид* (*Αΐδης, Αΐδης «безвидный», «невидный», «ужасный»); *Арес* (*Αρης, его эпитеты: «сильный», «огромный», «быстрый», «беснующийся», «вредоносный», «вероломный», «губитель людей», «разрушитель городов», «запятнанный кровью»).

Отметим, что Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванов возводят греческое Θεός к индоевропейскому корню

« *d[h]eu-H/s- ~ *d[h]u-H/s-

с первоначальным значением «дуть», «выдыхать», «задышаться»; «удуше», «дух», «дыхание»⁵. Возможно, это связано с обожествлением ветра у индоевропейцев.

Римляне, в свою очередь, практически полностью заимствуют греческий пантеон (12 основных богов, так называемые Олимпийцы), но наделяют богов другими, своими именами: греч. *Зевс* – рим. *Юпитер*, греч. *Гера* – рим. *Юнона*, греч. *Афродита* – рим. *Венера*, греч. *Гермес* – рим. *Меркурий*, греч. *Аполлон* – рим. *Аполлон*, греч. *Арес* – рим. *Марс*, греч. *Аид* – рим. *Плутон* и др. У римлян также встречается запрет на произнесение истинного имени бога, который сохраняется не только у жрецов, но и простых людей.

Контакты Рима с Сирией, Египтом и Персией значительно повлияли на мировоззрение римского общества: «В Риме оплакивали Адониса, плясали в честь Балмаркоды, в Остии справляли морской маюмский праздник Марны; Адад из Баальбека-Гелиополя почитался под именем Jupiter Heliopolitanus (Юпитера Гелиопольского), Малахбелль Пальмирский встречается и в Риме, и в Нумидии, и в Дакии»⁶. «Зевс в Египте отождествлялся с местным богом Аммоном, Аполлон – с Гором. В Пелопоннесе Аполлон отождествлялся со старым пелопоннесским богом Иакинфием»⁷.

Императоры Рима сирийского происхождения (Элагабал и Аврелиан) пытались насадить в импе-

рии культ *Solis invicti* (Солнца Непобедимого). Этому во многом способствовал семитский культ с «тенденцией к солнечному или небесному монотеизму. Ваал небесный, бог высочайший, бог вечный – эпитеты, чередующиеся для верховного семитического божества с такими, как «всемогущий», владыка вселенной, непобедимый и т. п.»⁸.

Запрет на произнесение демонимов не зафиксирован, что может быть связано, как и в Греции, с отсутствием персонифицированных демонимов.

Многочисленные контакты людей, населявших Малую Азию и бассейн Средиземноморья, во втором – первом тысячелетии до н.э. затрудняют поиски мифологии-источника табу на произнесение теонимов, в связи с этим мы не можем с достоверностью утверждать, из какой мифологии римляне могли заимствовать табу на теонимы. Можно предположить, что с большей вероятностью источником запрета могла быть греческая мифология, подвергшаяся сильному влиянию финикийской (где уже существовало табу на произнесение теонимов), а не этрусская мифология (в которой нет данных о табуировании теонимов).

В 2–1 тыс. до н.э. отмечаются также контакты семито-хамитов и индоевропейцев, что, несомненно, вело к многочисленным заимствованиям теонимов и демонимов. Примерами подобных контактов могут служить хетто-арамейские культурно-политические образования, индо-иранские боги *Индра* и *Митра* у митанни⁹, упоминание имени *Митры* в египетских источниках. Некоторые исследователи связывают семитский теоним *Ištar* с «индоевропейским *ster- «звезда» (греч. ἀστὴρ, лат. stella < *ster-la, гот. stairno), собственно «неподвижное тело»»¹⁰.

Однако мы не обнаруживаем данных о заимствовании табу на истинное имя бога или дьявола. Мы не можем предположить, кто оказывал большее влияние, индоевропейцы или семито-хамиты. Отсутствие данных о заимствовании табу может говорить о том, что табу уже существовало у обеих групп народов, или же о том, что индоевропейцы не заимствовали культы у семито-хамитов. Можно также предположить географическую близость прародин семито-хамитов и индоевропейцев с постоянными контактами в самом начале зарождения мифологий этих народов. Факты тем не менее подтверждают первую и третью гипотезу. Так, в древней Индии существовали многочисленные запреты на произнесение имени бога, которые отразились в Ведах. И в настоящее время нам известны имена индийских богов и демонов только в эвфемизированном варианте, а именно в виде эпитетов. Например, теонимы: *Вишвакарман* (др.-инд. букв. «Творец всего»), *Аджа Экапад* (др.-инд. букв. «одноногий козел»), *Адити* («несвязанность», «безграничность») и др. Демонимы: *Шива* (др.-инд. букв. «благой», «приносящий счастье»), *Мара* (др.-инд. букв. «убивающий», «уничто-

жающий»), *Кришна* (др.- инд. Kṛṣṇa букв. «черный», «темный», «темно-синий») и др.

Следы эвфемизации встречаются также и в Авесте. Авестийский (иранский) теоним *Ахура Мазда* (букв. «Господь Премудрый») был эвфемизирован и с течением времени был переосмыслен в новое имя собственное *Ормузд*.

Религии Вед (Индия) и Авесты (Иран) определенно относятся к одному первоисточнику, их родство не вызывает сомнений: «верховное семибожие; борьба за власть во вселенной двух родственных, но враждующих группировок богов; драконоборство; низведение на землю небесных вод, две посмертные дороги души, чудесный мост в загробный мир, охраняемый собаками, и др.»¹¹.

Однако индийские боги в Иране переосмысливаются в демонов (дэвы), индийские демоны-асуры становятся богами *Ахурами*. И в Индии иранские боги ахуры считаются демонами, а демоны-дэвы являются духами добра. С. А. Токарев считает это «отзвуком межплеменной борьбы среди арийцев»¹².

Подобное инвертное отображение пантеона с сохранением основных положений религии не может не наводить на мысли о раннем отделении малой группы «еретиков» от основной массы верующих с последующим отселением на отдаленные территории. Именно благодаря инвертности религий Вед и Авесты эвфемизация теонимов могла распространиться и на демонимы, почитаемые «соседями» в качестве богов.

Интересно, что не все иранские племена переосмыслили индийских богов в демонов. Например, касситы (Западный Иран) заимствовали культы богов «Ригведы» (*Сурья*, *Митра*, *Индра*, *Варуна* и др.) без изменений.

Нельзя отрицать и взаимовлияние Ирана и семитских народов. «Иран дважды оказал могущественное религиозное воздействие на весь Запад. Культ древнего иранского бога света – Митры, хотя и подвергшийся влиянию вавилонского богословия и малоазийских представлений, победоносно шествовал на Запад еще с эпохи усиленного синкретизма в начале эллинистической поры, но особенно – в римское время, начиная с Каппадокии и Понта, распространяясь сначала среди военной аристократии персидского происхождения, потом в основном среди солдат во всей западной половине Римской империи, привлекая к себе сердца тем характером деятельности благочестия и энергичного служения правде, верности и культуре, которые были обусловлены иранским дуализмом»¹³.

Иранские теонимы и антропонимы упоминаются в ассирийских текстах времен Саргона II. При Ахеменидах широко распространился культ богини плодородия «Ардвисуры Анахиты, полностью соответствовавшей Иштар, Астарте, Афродите и т. п. и имевшей тот же характер... О заимствовании его у семитов определенно говорит Геродот»¹⁴.

На территорию Древней Руси табуирование теонимов и демонимов проникает вместе с христианством из Византии, наличие запрета на произнесение имени бога у дохристианских славян зафиксировано не было. Исключение, возможно, составляют эпитетообразные теонимы (*Ярило*, *Яровит*) соотносимые с богами праславянского пантеона (*Мать сыра земля*), так как «в основе этих имен – старые эпитеты соответствующих божеств»¹⁵. Показательны также имена низших божеств: *Правда*, *Кривда*, *Доля*, *Смерть*. Возможными следами эвфемизации в праславянской религии можно считать такие теонимы и демонимы, как *Белобог*, *Чернобог*, *Дажьбог* и др., содержащие в составе имени часть «бог».

Русский апеллатив бог некоторые ученые возводят к авестийскому *baṇa-* и древнеперсидскому *bagā-*¹⁶ или же к древнеиндийскому *bhagas* «одаряющий», «уделяющий» и иранскому *baṇa* «наделяющий», «господин»¹⁷.

По мнению А. Мейе, «славянские языки, так же, как и индоиранские, имеют слово богъ, скр. *bhágah*, зенд. *bagō*, обозначающее «долю, богатство»; они сохранили это значение в производном богать и в сложении *ou-*богъ «бедный», а также, несомненно, в имени древнерусского бога Дажьбогъ «дай богатство». Это слово, которое в санскрите обозначает обожествленное богатство, в древнеперсидском языке служит общим именем «бога» – *bagā*. В том же значении оно существовало в иранском языке северо-запада, у мидян, а также встречается в северном иранском языке (согдийск. *Baṇ-*); славянские языки, в отличие от балтийских, сохраняющих **deiwo-*: др.-прус. *deiwas*, лит. *dėvas*, латыш. *dēvs*, представляют, как и иранские языки, богъ в значении «бога», а следы слова *dīv здесь сомнительны»¹⁸.

В любом случае индо-иранское влияние на славянскую мифологию привело к созданию в славянской мифологии эпитетообразных теонимов, которые перешли в демонимы с распространением христианства.

Вера в магическую силу имени была не только в перечисленных выше религиях индоевропейцев, подобную веру мы встречаем также у скифов и сарматов. В германо-скандинавской мифологии

она выражалась в создании кеннингов (иносказаний) и эпитетов, замещающих истинные имена богов.

¹ Тураев Б. А. История Древнего Востока. Минск.: Харвест, 2002. С. 633.

² Там же.

³ Там же. С. 659.

⁴ Там же.

⁵ Гамкрелидзе, Т. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. 2. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси, Издательство Тбилисского университета, 1984. С. 466.

⁶ Тураев Б. А. Цит соч. С. 713.

⁷ Суперанская, А. В. Имя – через века и страны. М., Наука, 1990. С. 26.

⁸ Тураев Б. А. Цит соч. С. 713.

⁹ Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.: Едиториал УРСС, 2002. С. 88.

¹⁰ Красухин К. Г. Введение в индоевропейское языкознание: Курс лекций: Учеб. Пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений М.: Издательский центр «Академия», 2004. С. 299.

¹¹ Брагинский И. С. Иранская мифология. Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 2000. Т. 1. С. 561.

¹² Токарев С. А. Ранние формы религии М.: Политиздат, 1990. С. 356.

¹³ Тураев Б. А. Цит соч. С. 743.

¹⁴ Там же. С. 558.

¹⁵ Иванов В. В. Славянская мифология. Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 2000. Т. 2. С. 450.

¹⁶ Порциг В. Членение индоевропейской языковой области. Пер. с нем., под ред. и с предисл. А. В. Десницкой. Изд. 2-е, исправл. М.: Едиториал УРСС, 2003. С. 249.

¹⁷ Широков О. С. Языковедение: введение в науку о языках / под ред. А. А. Волкова. М.: «Добросвет», 2003. С. 557.

¹⁸ Мейе, А. Общеславянский язык. Пер. с фр., общ. ред. С. Б. Бернштейна. М.: Изд. группа «Прогресс», 2000. С. 406.

Поступила в редакцию 23 мая 2008 г.

ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА

УДК 8208

РЕЧЕВОЙ ПОСТУПОК И РЕЧЕВОЙ АКТ В СТРУКТУРЕ РЕЧЕВОГО ЖАНРА «ОБЪЯСНЕНИЕ В ЛЮБВИ» НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДЖОНА ГОЛСУОРСИ «САГА О ФОРСАЙТАХ»

Л.Г. Бабенко, М.В. Ползунова

Статья посвящена исследованию различия в интерпретации дискурса, которое выявляется из сопоставления описательного потенциала речевого акта и речевого поступка. Это различие иллюстрируется на примере диалога, взятого из художественного произведения Джон Голсуорси «Сага о Форсайтах». При анализе дискурса в теории речевых актов используется классификация Джона Серля. А при интерпретации дискурса с точки зрения речевых поступков – классификация, предложенная И.Н. Борисовой.

Ключевые слова: речевой акт, речевой поступок.

Последнее время проблеме описания дискурса уделяется большое внимание. Дискурс анализируется и интерпретируется с различных сторон. Так, например, социопрагматическое описание дискурса – это рассмотрение дискурса в терминах речевых актов и речевых событий, а также анализ собственно языковых его свойств и релевантных экстралингвистических факторов. Данная статья посвящена изучению различия в интерпретации дискурса, выявляющегося из сопоставления описательного потенциала речевого акта и речевого поступка в структуре речевого жанра «объяснение в любви».

И.Н. Борисова считает, речевое поведение в структурном плане можно рассматривать как линейную синтагматическую последовательность речевых поступков. По ее мнению, свойства речевого поведения характеризуют и каждый отдельный речевой поступок¹.

Единственной функционально ориентированной теорией, способной в лингвистике конкурировать с концепцией речевого поведения, является теория речевых актов. Однако анализ разговорного материала показывает ее недостаточную объяснительную силу, так как по мнению М.Л. Макарова и Д. Франка, речевой акт – это лишь потенциальная единица речевого общения, не учитывающая ситуативный и социальный контекст текущего коммуникативного события, полифункциональность речевого поступка². Критикуя игнорирование коммуникативной функции В. Гумбольдом и фоссерианцами, М.М. Бахтин писал, что у них «язык рассматривается с точки зрения говорящего, как бы одного говорящего без необходимого отношения к другим участникам речевого общения. Если роль другого и учитывается, то как роль слушателя, который только пассивно понимает говорящего».

По мнению М.М.Бахтина, любой поступок, в том числе и речевой, есть, с одной стороны, глубоко личностный единичный акт осознания, а с другой стороны, акт деятельности, помещенный в современный ему контекст культуры и социальной жизни. Поступок – это единство «между содержанием-смыслом данного акта деятельности и исторической действительностью его бытия, его действительно единственной переживаемостью».

Мы разделяем точку зрения И.Н. Борисовой, что изъятый из контекста речевой поступок не может быть однозначно интерпретирован, поскольку его коммуникативный смысл intersubjectively, он определяется не только иллюзией высказывания, но всем контекстом и жанром коммуникативного события: мотивирующими состояниями участников общения, их коммуникативными целями и способами их языкового воплощения. Таким образом, можно сделать вывод, что речевой поступок контекстуален, причем эта контекстуальность тройкового характера. Во-первых, каждый поступок включен в последовательность других речевых поступков и поэтому синтагматически детерминирован внутренним контекстом речевого поведения. Во-вторых, конкретный прагматический смысл речевого поступка зависит от всего социально-коммуникативного ситуативного контекста речевого поведения, следовательно, он социально детерминирован. В третьих, поскольку речевой поступок вербален, его форма определяется нормами, правилами, закономерностями речевого поведения и употреблением языка.

Понятия речевого поступка и речевого акта являются различными способами описания речевых действий и по объему и степени абстракции не совпадают: смысл речевого поступка психологичен и межсубъектен, речевой поступок кон-

кретно адресован и контекстуален. Иллокутивная сила речевого акта не всегда совпадает с интерсубъектным коммуникативным смыслом речевого поступка в конкретной интеракции, поскольку сущность общения состоит не в одностороннем взаимодействии говорящего и слушающего, а в сложном коммуникативном взаимодействии двух личностей.

Проиллюстрируем различие в интерпретации дискурса, выявляющееся из сопоставления описательного потенциала речевого акта и речевого поступка на примере диалога, взятого из художественного произведения Джона Голсуорси «Сага о Форсайтах». При анализе дискурса в теории речевых актов будем опираться на классификацию Дж. Серля, в которой он выделяет речевые акты на основе их иллокутивной силы (репрезентативы, рогативы, комиссивы, директивны). А при интерпретации дискурса с точки зрения речевых поступков воспользуемся типологией речевых поступков, предложенной И.Н. Борисовой. Итак, коммуникативная ситуация имеет место в детской комнате между Ирен и ее маленьким сыном Джоном: ночью ему приснился страшный сон, он проснулся и закричал.

Покажем, как выглядит описание речевых действий партнеров по коммуникации в этом диалоге в терминах речевых актов (Pa) и речевых поступков (Pп). Сначала проиллюстрируем реплики матери маленького Джона Ирен:

1. *Darling, darling!*

В теории речевых актов иллокутивная сила, выраженная данным высказыванием, интерпретируется вне контекста как экспрессив.

Прагматический смысл этого высказывания как речевого поступка – прийти сыну на помощь, коммуникативный смысл – успокоить ребенка, разбудить его. Данный речевой поступок является монофункциональным, выполняет эмоционально-экспрессивную функцию, которая выражается в маркированной эмоциональной окраске и экспрессивности средств ее языкового выражения (повтор- *Darling, darling!*). Анализируемый речевой поступок является иницирующим, а по обязательности, предсказуемости перлокутивного эффекта облигаторно вынуждающим. По типу согласования в интеракции – гармонизирующим, в конструктивном отношении – некомпозитивным, простым. По принципу сходства коммуникативного смысла этот речевой поступок можно расценить как экспрессив-социатив.

3. *It's all right, treasure. You are awake now. There! There! It's nothing!*

С точки зрения теории речевых актов это высказывание можно квалифицировать как сложный речевой акт и описать иллокутивную функцию каждой реплики в отдельности:

экспрессив-репрезентатив + репрезентатив + экспрессив + экспрессив + экспрессив.

Прагматический смысл данного речевого поступка – успокоить, утешить сына. По количеству выражаемых функций этот речевой поступок полифункциональный, так как представляет собой последовательность из 5-ти монофункциональных речевых поступков: экспрессив-эмотив (*It's all right, treasure* – эмоциональное заверение сына в отсутствии опасности) + репрезентатив-экспликатив

(*You are awake now* – констатация физического состояния, бодрствование) + экспрессив-эмотив + экспрессив-эмотив (*There! There!* – эмоциональное утешение сына) + экспрессив-эмотив (*It's nothing!* – эмоциональное подтверждение первоначального заверения в отсутствии опасности). Интегральная функция реплики-высказывания как цепочки речевых поступков – эмоционально-оценочная, которая выражается в маркированной эмоциональной окраске интенции и экспрессивности средств ее языкового выражения (метафора-*treasure*; повтор – *There! There!*). По месту в интеракции этот речевой поступок является реактивным, по обязательности, предсказуемости перлокутивного эффекта – факультативно вынуждающим, по типу согласования в интеракции – гармонизирующим. По принципу сходства коммуникативного смысла-репрезентатив-экспликатив.

5. *It was the moonlight, sweetheart, coming on your face.*

С точки зрения теории речевого акта, который, как мы уже отмечали выше, описывает иллокутивную функцию высказывания – это репрезентатив.

Прагматический смысл данного высказывания как речевого поступка – успокоить сына, разъяснить, убедить в безопасности обстановки, следовательно, коммуникативный смысл – Ирен продолжает стоять на позиции убеждения, аргументирует, приводит доказательство. Данный поступок является полифункциональным, выполняет функцию информативную, которая манифестируется содержанием пропозиций высказываний (*It was the moonlight... coming on your face*), и эмоционально-экспрессивную, которая выражается в эмоциональной окраске интенции через нежное обращение к сыну (*sweetheart*); а также реактивным, гармонизирующим, некомпозитивным. По принципу сходства коммуникативного смысла этот речевой поступок представляет собой репрезентатив-экспликатив.

7. *Not to sleep in, John. Who let it in? Did you draw the curtains?*

Это фразу с точки зрения теории речевых актов можно описать как сложный речевой акт, по своей иллокутивной силе представляющий собой цепочку простых речевых актов, которые классифицируются как репрезентатив+рогатив+рогатив.

Рассмотрим это высказывание с позиции теории речевого поведения. Прагматический смысл этого речевого поступка – успокоить, утешить сына. Коммуникативный смысл высказывания –

уточнение общего утверждения, выражение интереса через уточняющий вопрос, тогда по принципу сходства коммуникативного смысла этот речевой поступок не что иное, как репрезентатив-экспликатив + репрезентатив-рогатив + репрезентатив-рогатив. Реплика-высказывание Ирен представляет собой последовательность из 3-х монофункциональных речевых поступков: репрезентатив-экспликатив (*Not to sleep in, John* – уточнение общего утверждения) + репрезентатив-рогатив (*Who let it in?* – выражение интереса через уточняющий вопрос) + репрезентатив-рогатив (*Did you draw the curtains?* – выражение интереса через уточняющий вопрос). Интегральная функция реплики-высказывания как цепочки речевых поступков – информативная. По месту в интеракции этот речевой поступок является реактивным, облигаторно вынуждающим, гармонизирующим, экспрессивно нейтральным, композитивным.

10. *Well, John, what can you expect if you eat macaroons after you've gone to bed?*

С точки зрения теории речевых актов этот речевой акт классифицируется как рогатив.

В теории речевого поведения прагматический смысл данного речевого поступка – разъяснить сыну причину его психологического состояния, закономерность последствий. Коммуникативный смысл – Ирен выражает интерес, объясняет сыну неправильность его действий через уточняющий вопрос. Этот речевой поступок является реактивным, гармонизирующим, факультативно вынуждающим, некомпозитивным, экспрессивно-нейтральным. По типу коммуникативного смысла данный речевой поступок мы опишем как репрезентатив-рогатив.

12. *My ducky, it's only just eleven now.*

По своей иллюкутивной функции этот речевой акт является репрезентативом.

Прагматический смысл этого речевого поступка – утешить сына, уточнить время. Коммуникативный смысл – Ирен уточняет время, ласково обращаясь к своему маленькому сыну. Этот речевой поступок является реактивным, монофункциональным, выполняющим информативную функцию, гармонизирующим, факультативно вынуждающим, экспрессивно маркированным (обращение к ребенку передается с помощью метафоры «*My ducky*»), некомпозитивным.

14. *No tonight.*

Эту реплику как речевой акт представим как репрезентатив.

С позиции теории речевого поведения прагматический смысл данного речевого поступка – ответить сыну. Коммуникативный смысл – Ирен отвечает сыну отрицанием. Данный речевой поступок является некомпозитивным, реактивным, монофункциональным (информативная функция), гармонизирующим, экспрессивно маркированным, так как структурная неполнота такого предложения *No tonight* коммуникативно обусловлена и

восстанавливается из ближайшего контекста. Причем именно пропуск понятных из контекста слов делает такую конструкцию более динамичной, содержательно емкой и, следовательно, более экспрессивной. По типу коммуникативного смысла этот речевой поступок можно квалифицировать как репрезентатив (ответ на вопрос отрицанием).

16. *If you wish, my precious.*

В теории речевых актов этот высказывание – репрезентатив.

Прагматический смысл этого высказывания с точки зрения теории речевого поведения – ответить сыну. Коммуникативный смысл – Ирен отвечает, выражая согласие. Этот речевой поступок является реактивным, монофункциональным (информативная функция), факультативно вынуждающим, гармонизирующим, экспрессивно маркированным (нежное обращение к сыну *my precious*). По типу коммуникативного смысла этот речевой поступок – репрезентатив (ответ на вопрос).

18. *It's my hair, darling.*

В теории речевых актов это высказывание расценивается как репрезентатив.

Прагматический смысл этого речевого поступка – объяснить причину восхищения сына. Коммуникативный смысл – Ирен уточняет причину восхищения Джона. Данный речевой поступок является реактивным, некомпозитивным, монофункциональным (информативная функция), гармонизирующим, экспрессивно маркированным (ласковое обращение к сыну *darling*). По типу коммуникативного смысла этот речевой поступок является репрезентативом-экспликативом (объяснение).

21. *The left side.*

В теории речевых актов это высказывание классифицируется как репрезентатив.

Прагматический смысл данного речевого поступка – ответить сыну. Коммуникативный смысл – Ирен отвечает, уточняя. По количеству выражаемых функций этот речевой поступок монофункциональный (информативная функция), реактивный, факультативно вынуждающий, гармонизирующий, некомпозитивный, экспрессивно маркированный, так как ответ Ирен автор передает при помощи эллиптической конструкции *The left side*, которая делает данное высказывание более емким, содержательным. По типу коммуникативного смысла этот речевой поступок является репрезентативом (ответ на вопрос).

24. *Nothing, but the moon and your imagination heated up. You mustn't get so excited, John!*

В теории речевых актов это высказывание классифицируется как репрезентатив.

Проанализируем данную реплику с точки зрения речевого поведения. Прагматический смысл этого речевого поступка – еще раз объяснить сыну причину его психологического состояния, подтвердить вышеизложенный факт, призвать сына успокоиться.

Лингвистическая типология

Коммуникативный смысл – Ирен отвечает подтверждением, призывает сына успокоиться. По количеству выражаемых функций этот речевой поступок является полифункциональным, так как выполняет информативную, модально-оценочную, интенциональную и эмоционально-экспрессивную функции. Интегральная функция этого речевого поступка – модально-оценочная. По месту в интеракции данный речевой поступок является реактивным. По типу согласования в интеракции – гармонизирующим. По обязательности, предсказуемости перлокутивного эффекта – факультативно вынуждающим. По степени выраженности экспрессивной функции – экспрессивно маркированный, так как эта реплика-высказывание представлена параллельной конструкцией *but the moon and your imagination heated up*; метафорой *your imagination heated up*; эллипсисом *Nothing, but the moon and your imagination*; восклицательным предложением *You mustn't get so excited, John!* Все эти стилистические средства в комплексе в данном контексте оказывают сильное эмоциональное воздействие. По типу коммуникативного смысла этот речевой поступок относится к репрезентативу-экспликативу.

27. *Darling, I have to plait my hair.*

С точки зрения теории речевых актов этот речевой акт – репрезентатив.

Прагматический смысл этого речевого поступка с точки зрения речевого поведения – аргументировать отказ немедленно выполнить просьбу сына. Коммуникативный смысл – Ирен аргументирует. Этот речевой поступок является монофункциональным (информативная функция), реактивным, факультативно вынуждающим, некомпозитивным, гармонизирующим (Ирен объясняет, почему она не может выполнить просьбу сына немедленно *I have to plait my hair*), экспрессивно маркированным (посредством нежного обращения к сыну *Darling*). По типу коммуникативного смысла этот речевой поступок – репрезентатив-экспликатив.

30. *Very well, my love, I'll come.*

Эту реплику с точки зрения речевых актов можно классифицировать как репрезентатив.

Прагматический смысл данного речевого поступка – удовлетворить просьбу сына, согласиться. Коммуникативный смысл – Ирен соглашается с сыном, дает обещание. По количеству выражаемых функций этот речевой поступок монофункциональный (интенциональная функция), реактивный, гармонизирующий, факультативно вынуждающий, экспрессивно маркированный (посредством нежного обращения к сыну *my love*). По типу коммуникативного смысла этот речевой поступок является репрезентативом.

Как видим из вышеизложенного, иллюкутивная сила речевого акта не всегда совпадает с интерсубъектным коммуникативным смыслом речевого поступка в конкретной интеракции (в нашем

случае полностью совпадают иллюкутивная сила речевого акта и коммуникативный смысл речевого поступка в репликах 14, 16, 21, 30), так как сущность общения состоит не в одностороннем взаимодействии говорящего и слушающего, а в сложном коммуникативном взаимодействии двух личностей: Ирен и ее маленького сына.

Сейчас рассмотрим реплики маленького Джона с точки зрения теории речевых актов и теории речевого поведения.

1. *Oh! Oh!*

С точки зрения теории речевых актов – это экспрессив.

Прагматический смысл данного речевого поступка – привлечь внимание матери. Коммуникативный смысл речевого поступка – ребенок выражает испуг, старается привлечь внимание матери, ищет поддержки. Этот речевой поступок является монофункциональным (интенциональная функция), облигаторно вынуждающим, дисгармонизирующим, некомпозитивным, экспрессивно маркированным (повтор *Oh! Oh!*). По типу коммуникативного смысла этот речевой поступок является экспрессивом-эмотивом, т.к. выражает испуг, страх ребенка.

4. *Oh! Oh!*

С точки зрения теории речевых актов это экспрессив.

Прагматический смысл этого речевого поступка – выразить беспокойство, привлечь к себе внимание. Коммуникативный смысл – ребенок выражает устойчивое психологическое состояние, задаваемое условием сильного испуга. Данный речевой поступок является монофункциональным (интенциональная функция). По месту в интеракции этот речевой поступок является инициирующим, облигаторно вынуждающим, дисгармонизирующим, некомпозитивным, экспрессивно маркированным (передается посредством повтора и параллельной конструкции *Oh! Oh!*). По типу коммуникативного смысла этот речевой поступок – волонтив-директив.

6. *You said it was beautiful. Oh!*

С точки зрения теории речевых актов этот сложный речевой акт представляет собой репрезентатив+экспрессив.

Прагматический смысл этого речевого поведения – выразить недоумение. Коммуникативный смысл – ребенок выражает недоумение, продолжает пребывать в психологическом состоянии, задаваемом условием испуга и тревожности. Этот речевой поступок является полифункциональным (модально-оценочная и эмоционально-экспрессивная функции), реактивным, факультативно вынуждающим, некомпозитивным, экспрессивно маркированным (*Oh!*). По типу коммуникативного смысла этот речевой поступок является репрезентативом-репродуктивом + коммуникативным регулятивом.

8. *I wanted to see the time; I-I looked out? I-I heard you playing, mum; I-I ate my macaroon.*

С точки зрения теории речевых актов это репрезентатив.

Прагматический смысл этого речевого поступка – ответить, объяснить причину своего психологического состояния. Коммуникативный смысл – ребенок отвечает, уточняя; восстанавливает последовательность событий, находясь в психологическом состоянии, задаваемом условием тревожности. Этот речевой поступок является реактивным, полифункциональным (информативная и эмоционально-экспрессивная функции), факультативно вынуждающим, композитивным, экспрессивно маркированным (параллельная конструкция *I wanted ... I-I looked out... I-I heard... I-I ate...*, усиленная анафорическим подлежащим). По типу коммуникативного смысла этот речевой поступок репрезентатив-экспликатив (объяснение).

9. *Mother Lee went round in me and got all fiery.*

С точки зрения теории речевых актов – это репрезентатив.

Прагматический смысл данного речевого поступка – рассказать о причине испуга, вызвавшей такое психологическое состояние. Коммуникативный смысл этого речевого поступка – маленький Джон аргументирует свое психологическое состояние. Данный речевой поступок является иницирующим, облигаторно вынуждающим, монофункциональным (информативная функция), экспрессивно маркированный (стилистический прием аллюзии *Mother Lee went round in me and got all fiery*). По типу коммуникативного смысла – это репрезентатив-дескриптив.

11. *Only one, mum; it made ever so more beautiful. I was waiting for you – I nearly thought it was tomorrow.*

С точки зрения теории речевых актов этот сложный речевой акт классифицируется как репрезентатив.

Прагматический смысл этого высказывания с точки зрения теории речевого поведения – объяснить причину своего поступка. Коммуникативный смысл – ребенок аргументирует свои действия, выражает свое собственное мнение, продолжает развивать тему. По количеству выражаемых функций этот речевой поступок является монофункциональным (информативная функция), реактивным, гармонизирующим, факультативно вынуждающим, композитивным, состоящим из серии синтагматически связанных простых речевых поступков, объединенных общей коммуникативной функцией и единой функцией относительно других речевых поступков (в данном случае это нарратив), экспрессивно маркированным (эллиптическая конструкция *Only one, mum*; эпитет *ever so more beautiful*; гипербола *I nearly thought it was tomorrow*). По типу коммуникативного смысла этот речевой поступок является репрезентативом-экспликативом.

13. *Mum, is Daddy in your room?*

С точки зрения теории речевых актов этот речевой акт – рогатив.

Прагматический смысл данного речевого поступка с точки зрения теории речевого поведения – привлечь внимание матери к новой теме. Коммуникативный смысл – маленький Джон выражает интерес, привлекает внимание матери к новой теме, что свидетельствует о его спокойном психологическом состоянии. Данный речевой поступок является монофункциональным (информативная функция), иницирующим, облигаторно вынуждающим, некомпозитивным, экспрессивно нейтральным. По типу коммуникативного смысла этот речевой поступок представляет собой репрезентатив-рогатив (запрос информации).

15. *Can I come?*

Этот речевой акт классифицируется как рогатив.

Прагматический смысл данного речевого поступка – желание быть с матерью. Коммуникативный смысл – ребенок выражает интерес через уточняющий вопрос. Этот речевой поступок монофункциональный (информативная функция), иницирующий, облигаторно вынуждающий, экспрессивно нейтральный. По типу коммуникативного смысла данный речевой поступок можно классифицировать как репрезентатив-рогатив.

17. *You look different, Mum; ever so younger.*

С точки зрения теории речевых актов – это репрезентатив.

Прагматический смысл – выразить свою симпатию к матери.

Коммуникативный смысл – маленький Джон выражает свое отношение к непривычной внешности матери. Этот речевой поступок является монофункциональным (эмоционально-оценочная функция), иницирующим, гармонизирующим, экспрессивно маркированным (эпитет *ever so younger*), что свидетельствует о спокойном психологическом состоянии ребенка. По типу коммуникативного смысла это валюатив-вердиктив (комплимент).

19. *I like it, I like you best of all like this.*

В теории речевых актов это экспрессив-репрезентатив.

Прагматический смысл данного речевого поступка – выразить свою любовь к матери.

Коммуникативный смысл – ребенок эмоционально выражает свою любовь к матери. Этот речевой поступок является реактивным, монофункциональным (эмоционально-экспрессивная функция), некомпозитивным, гармонизирующим, экспрессивно маркированным (синтаксический параллелизм дополняется и усиливается параллелизмом лексическим *I like it, I like you ...*, здесь ярким показателем параллельной связи выступает анафора, точнее анафорическое сказуемое *like*). По типу коммуникативного смысла этот речевой поступок представляет собой вердиктив-валюатив.

20. *Which side of the bed do you like, Mum?*

В теории речевых актов это рогатив.

Прагматический смысл данного речевого поступка – привлечь внимание матери к новой теме. Коммуникативный смысл – Джон выражает интерес через уточняющий вопрос. Этот речевой поступок является иницирующим, облигаторно вынуждающим, некомпозитивным, монофункциональным (информативная функция), экспрессивно нейтральным. По типу коммуникативного смысла – репрезентативом-рогативом.

22. *All right.*

Как речевой акт это высказывание является репрезентативом.

Прагматический смысл данного речевого поступка – согласиться. Коммуникативный смысл – ребенок выражает согласие. Рассматриваемый речевой поступок является реактивным, факультативно вынуждающим, гармонизирующим, монофункциональным (информативная функция), некомпозитивным, экспрессивно нейтральным. По типу коммуникативного смысла – репрезентативом.

23. *It wasn't anything, really, was it?*

В теории речевых актов эта реплика классифицируется как экспрессив-рогатив.

Прагматический смысл этого речевого поступка с точки зрения теории речевого поведения – оправдать свое недавнее психологическое состояние, задаваемое условием испуга. Коммуникативный смысл – ребенок эмоционально выражает интерес через уточняющий вопрос, требуя первоначальных заверений матери. Данный речевой поступок является полифункциональным (информативная и эмоционально экспрессивно эмоциональная функции), иницирующим, облигаторно вынуждающим, некомпозитивным, экспрессивно маркированным (усиленный грамматически разделительным вопросом *It wasn't anything..., was it?* и лексически *really*). По типу коммуникативного смысла этот речевой поступок является репрезентативом-рогативом.

25. *I wasn't afraid, really, of course.*

С точки зрения теории речевых актов – это экспрессив.

Прагматический смысл данного речевого поступка – оправдаться перед матерью. Коммуникативный смысл – ребенок эмоционально выражает свое предшествующее состояние, задаваемое условием оправдания. Данный речевой поступок является полифункциональным (модально-оценочная, интенциональная, эмоционально-экспрессивная функции), реактивным, факультативно вынуждающим, некомпозитивным, экспрессивно маркированным (лексически *really, of course*). По типу коммуникативного смысла – вердиктив-валлоатив.

26. *Oh! Mum, do hurry up!*

С точки зрения теории речевых актов – это экспрессив-директив.

Прагматический смысл речевого поступка в теории речевого поведения – уговорить мать лечь, почувствовать ее защиту. Коммуникативный смысл – ребенок эмоционально выражает просьбу к матери. Этот речевой поступок является полифункциональным (интенциональная и эмоционально-экспрессивная функции), иницирующим, облигаторно вынуждающим, некомпозитивным, экспрессивно маркированным (экспрессивное междометие *Oh* с восклицательным знаком вынесено в начало реплики, вспомогательный глагол *do* выполняет функцию усиления). Все вышеизложенное позволяет сделать вывод, что по типу коммуникативного смысла этот речевой поступок является директивом.

28. *Oh! Not to-night. You'll only have to unplait it again tomorrow. I'm sleepy now; if you don't come, I shan't be sleepy soon.*

С точки зрения теории речевых актов этот сложный речевой акт представляет собой экспрессив + репрезентатив + репрезентатив.

В теории речевого поведения этот речевой поступок также является сложным, состоящим из нескольких простых речевых поступков. Прагматический смысл этого сложного речевого поступка – повторить просьбу, отрицающую предшествующее утверждение. Коммуникативный смысл этого сложного речевого поступка – ребенок эмоционально выражает просьбу к матери, аргументирует свою позицию, констатирует свое физическое состояние, ставит условие. По количеству выражаемых функций речевой поступок является полифункциональным, где имеют место все четыре функции (информативная, интенциональная, модально-оценочная, эмоционально-экспрессивная). Анализируемый речевой поступок является реактивным, факультативно вынуждающим, гармонизирующим, экспрессивно маркированным (эмоциональный возглас *Oh!*, эллиптическая конструкция *Not to-night*, параллельная конструкция *I'm sleepy now....I shan't be sleepy soon*). В конструктивном отношении этот речевой поступок композитивный, представляющий собой серию синтагматически связанных простых речевых поступков, объединенных общей коммуникативной функцией – желанием быть поскорее с матерью. Все выше изложенное позволяет заключить, что по типу коммуникативного смысла этот сложный речевой поступок следует рассматривать как экспликатив.

29. *Do come, Mum; I'm waiting.*

С точки зрения теории речевых актов данное высказывание классифицируется как экспрессив-директив.

Прагматический смысл этой реплики как речевого поступка – еще раз привлечь внимание матери к нему, поддержать свои позиции, изложенные в ряде предыдущих высказываний. Коммуникативный смысл – ребенок эмоционально выражает повторную просьбу к матери. Рассматриваемый речевой поступок является монофункциональным

(экспрессивно-эмоциональная функция), инициирующим, облигаторно вынуждающим, некомпозитивным, экспрессивно маркированным (вспомогательный глагол *do* выполняет функцию усиления). По типу коммуникативного смысла этот речевой поступок является директивом (побуждение адресата к действию).

31. *It's nice, isn't it?*

С точки зрения теории речевых актов это высказывание – экспрессив-рогатив. Прагматический смысл этого речевого поступка – выразить свое эмоциональное состояние. Коммуникативный смысл – Джон эмоционально выражает свое отношение к окружающей обстановке и своему психологическому состоянию. По количеству функций этот речевой поступок монофункциональный (эмоционально-экспрессивная функция), по месту в интеракции – реактивный, по типу согласования в интеракции – гармонизирующий, в конструктивном отношении – некомпозитивный, по степени выраженности экспрессивной функции – экспрессивно маркированный (констатирует свое отношение к окружающей обстановке через разделительный вопрос *It's nice, isn't it?*). По типу коммуникативного смысла – это экспрессив-рогатив.

Из всего вышеизложенного можно заключить, что Ирен очень любит своего маленького сына. Почти все ее речевые поступки являются гармонизирующими, факультативно вынуждающими, экспрессивно маркированными. Выражение симпатии и ее любви имеет место в ситуации утешения сына, а также при непосредственном общении с ним, особенно в обращениях (*Darling, darling; treasure; sweetheart; my ducky; darling; my love*). Чувства матери передаются прямо, непосредственно, однословно – речевыми клише, но данные клише очень разнообразны. Любовь Ирен к своему сыну безусловна: она любит его уже потому, что он – ее ребенок. Ирен олицетворяет природу и безусловность в любви, она чувствует свое дитя. Ирен умеет с ним общаться, понимает своего ребенка, а главное, общается с удовольствием. Все это позволяет сделать вывод о том, что Ирен чуткая, любящая мать. Заметим, что чувства сына выражаются более полноценно, в логически построенной речевой ситуации (*You look different, mum; ever so younger; I like it, I like you best of all like this*), либо косвенно, в характеристике окружающей обста-

новки (*It's nice, isn't it?*). Если еще раз взглянуть на коммуникативные партии маленького Джона, можно заметить, что по нарастающей они становятся более гармонизирующими, факультативно вынуждающими, что свидетельствует о чувстве глубокой привязанности к матери, о желании быть рядом с нею, доставить ей удовольствие, восхититься ее красотой. Говорящим не нужно много слов, чтобы понимать друг друга и испытывать удовольствие от общения. Все это подтверждает мысль о том, что Ирен и ее маленький сын Джон очень любят друг друга.

Проведенный нами анализ дискурса с точки зрения речевого поступка и речевого акта в структуре речевого жанра «объяснение в любви», в данном случае «объяснение в любви матери и ребенка», позволяет сделать вывод, что иллокутивная сила речевого акта полностью совпадает с коммуникативным смыслом речевого поступка только в двух репликах 22 и 31, а в остальных высказываниях они разнятся. Анализ показывает, что речевой акт не дает представления о социально-коммуникативном содержании конкретного речевого действия, о его направленности к адресату, о связи речевых действий в интеракции и более широком коммуникативном контексте. Интерпретация же речевых действий в терминах речевых поступков более конкретна, в ней абстрактный речевой акт приобретает ситуативно и контекстно обусловленный коммуникативный смысл, мотивированность и адресованность. Мы считаем, что именно поэтому описание дискурса как речевого поведения более точно отражает реалии непринужденного общения, чем описание дискурса в терминах теории речевых актов.

¹ Борисова И.Н. Замысел разговорного диалога в структуре коммуникации // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург, 2002.

² Макаров М.Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. Тверь, 1998. С. 200. Франк Д. Семь грехов прагматики: Тезисы о теории речевых актов, анализе речевого общения, лингвистике и риторике // Новое в зарубеж. лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 367.

Поступила в редакцию 14 мая 2008 г.

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАУЧНОГО ТЕКСТА ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ОТНОШЕНИЯМ В ДИДАКТИКЕ (КОНТРОЛЬ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ УМЕНИЙ)

О.А. Вдовина

Предпринята попытка связать результаты лингвистического анализа научного текста по международным отношениям, исходя из его лексико-грамматической специфики, с практикой преподавания английского языка студентам, обучающимся по направлению государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования «Международные отношения» – тестированием. Особое внимание уделяется тестовым заданиям, при составлении которых была учтена языковая специфика текстов рассматриваемого регистра.

Ключевые слова: тексты по международным отношениям, лингвистический анализ, лексико-грамматические особенности, язык для специальных целей, регистр, перевод, тестирование.

В эпоху стремительного развития международных отношений профессиональная языковая подготовка студентов – будущих специалистов в области международных отношений приобретает особое значение. Высокий уровень владения иностранным языком, а именно английским, является визитной карточкой специалиста в области международных отношений, языковая подготовка которого имеет свои особенности, так как она должна быть ориентирована на тот комплекс навыков и умений, который будет востребован в профессиональной деятельности. Специалисту в области международных отношений необходимо в первую очередь овладеть способами и навыками перевода, так как его профессиональная деятельность часто строится на собственном изложении зарубежных материалов, которое должно быть выполнено на высоком профессиональном уровне с учетом норм языка изложения. В исследовании «Языковые особенности научного текста по международным отношениям»¹ была выявлена языковая специфика научных текстов по международным отношениям на лексическом (специфика научного и терминологического слоев) и грамматическом (особенности словообразования, видо-временные и синтаксические свойства) уровнях. Попытка связать результаты лингвистического анализа текстов конкретного регистра, исходя из их лексико-грамматической специфики, с практикой преподавания английского языка, а именно тестированием, – представляет симбиоз науки и практики. Рассмотрим предложения на перевод с русского языка на английский, включенные в тестовые задания, при составлении которых была учтена языковая специфика научных текстов по международным отношениям.

1. Социал-демократия не является таким связным и систематизированным философским учением, как, к примеру, классический либерализм.

Она скорее представляет собой попытку объединить идеи свободного рынка и государства, найти компромисс между капитализмом и социальным равенством для построения государства всеобщего благосостояния.

Social democracy does not constitute such a coherent and systematic philosophy as, say, classical liberalism. (it lacks the theoretical coherence and system of, say, classical liberalism.) It is rather an attempt to marry the (free) market and the state, and to strike a balance / to strike / to come to / to reach a compromise between capitalism and social equality in order to build the welfare state.

2. Визит позволил провести дружественный обмен мнениями по актуальным международным проблемам. The visit permitted to hold a friendly exchange of views on topical international problems.

3. Либерализм как самостоятельное идеологическое течение сформировался в конце XVII – начале XVIII вв. Связав свободу личности и индивидуализм с уважением основополагающих прав человека, а также с системой частной собственности, либералы положили в основу своей концепции идеалы свободной конкуренции, рынка и предпринимательства.

Liberalism emerged / developed as a distinctive ideology in the late seventeenth century and early eighteenth century. Regarding individual freedom / personal liberty, individualism and respect for basic human rights as the central pillars of their ideology liberals place their faith in free competition, the market and entrepreneurialism. Embracing the ideals of / Combining individual freedom and individualism with respect for fundamental human rights liberalism is underpinned by / is based on / is committed to / is premised on / draws (up)on / relies heavily on ...

4. Все члены ООН имеют право принимать участие в обсуждении и определении политики организации.

All UN members have the right to take part in discussing and formulating the policy of the organization.

5. Политические идеологии представляют собой системы политических убеждений и сложившихся традиций. Каждый из «-измов» (либерализм, консерватизм, фашизм и т. д.) предлагает свое объяснение существующего строя / порядка в форме мировоззрения, а также стремится сплотить общество с целью реализации интересов какой-либо определенной группы.

Political ideologies are systems / sets of political creeds/ ideas/ beliefs and established traditions / customs. Each of the «-isms» (liberalism, conservatism, socialism, fascism, and so on) offers its own account of the existing order in the form of a «world view» and seeks to generate social cohesion to help a particular group achieve its goals.

6. Согласно Уставу ООН, главная ответственность за поддержание мира возлагается на Совет Безопасности ООН.

Under the UN Charter, the Security Council is responsible for maintaining peace.

7. Обе стороны выражают уверенность, что визит и состоявшиеся переговоры являются новым крупным вкладом в дальнейшее развитие дружбы и всестороннего сотрудничества между нашими двумя странами.

Both sides express their confidence that the visit and the talks that took place constitute a new major contribution to the further development of friendship and all-round cooperation between our two countries.

8. Экологические («зеленые») идеологии появились в конце двадцатого века как реакция на ускорение темпов экономического развития. Многие из них тесно связаны с «традиционными» идеологиями. Например, эконоконсерватизм сочетает главные ценности консервативной мысли со стремлением сохранить окружающую среду.

Ecologism / environmentalism («Greens») emerged in the late twentieth century as a reaction against the growing pace of economic change. Many of its brands have / constitute / establish a close link / links with / are linked with conventional ideologies. For instance, ecoconservatism links the cause / desire of conservation to the major / core values / principles of conservative ideology / thought / conservatism.

9. Страны-участницы обязуются выполнять решения Совета Безопасности, а последний обладает необходимыми инструментами для того, чтобы обеспечить выполнение решений.

Member-countries accept the obligation to carry out the decisions of the Security Council and the Security Council possesses the necessary instruments to enforce the decisions.

10. Известно, что целью ООН является сохранение всеобщего мира, защита прав человека и осуществление сотрудничества в разрешении проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера.

The UN aim is known to maintain world peace, to promote the respect for human rights and to cooperate in solving economic, social, cultural and humanitarian problems.

Предложения направлены прежде всего на создание и закрепление навыков перевода единиц текста разных уровней, отражающих специфику словоупотребления в данном регистре.

Техника тестирования и правильное составление тестовых заданий являются основополагающими лингводидактическими проблемами. Оценивая знания специалиста по международным отношениям посредством тестирования, необходимо правильно подобрать тип теста, учесть количество времени, необходимое для выполнения задания, разработать систему определения критерия для выставления балла или оценки. От того, насколько квалифицированно подобран материал и разработана система критериев оценки, напрямую зависит качество подготовки специалиста в области международных отношений.

Роль перевода в области «Международные отношения» трудно переоценить. Перевод текста вообще и научного текста по международным отношениям в частности – индивидуален. При переводе рассматриваемых текстов было установлено, что в научных текстах по международным отношениям существует большой пласт лексико-грамматических явлений, имеющий устойчивые эквиваленты в родном языке. Понятие «эквивалентность перевода» обозначает относительную общность перевода и оригинала при отсутствии их тождества. В соответствии со значениями терминов «эквивалентность» и «адекватность» адекватный перевод включает определенную степень эквивалентности, но эквивалентный перевод может и не быть адекватным². Степень эквивалентности может быть достаточно объективно определена путем сопоставления текста перевода с оригиналом. В некоторых случаях для успеха межъязыковой коммуникации достижение максимальной эквивалентности оказывается необязательным, а иногда и нежелательным. В этой связи возникла необходимость во введении оценочного термина «адекватность перевода», обозначающего соответствие текста перевода тексту оригинала, то есть точная передача содержания английского текста на русский язык с максимальным сохранением стилистических особенностей оригинала.

Соотношение эквивалентности и адекватности в каждом акте перевода определяется выбором стратегии, который переводчик делает на основе учета ряда факторов, составляющих переводческую ситуацию. Из числа этих факторов наибольшее значение имеет цель перевода, тип переводимого текста и характер предполагаемого реципиента. В нашем случае выбор стратегии определяется учетом языковой специфики текстов по международным отношениям на лексическом и грамматическом уровнях.

Лингвистика текста

Осуществляя межъязыковую коммуникацию, специалист по международным отношениям должен ставить перед собой следующие задачи:

- обеспечить адекватное понимание реципиентом передаваемой информации;
- добиться определенного коммуникативного эффекта, создать у реципиента желаемое эмоциональное отношение к передаваемой информации, вызвать у него соответствующие ассоциации;
- побудить реципиента к каким-то конкретным действиям, вызвать у него определенную реакцию;
- достичь «экстрапереводческого» результата, решить идеологические, политические задачи, не связанные с адекватным воспроизведением оригинала³.

Еще на ранних этапах переводческой деятельности в ней проявились две разные тенденции:

- перевод, основанный на тенденции к дословному воспроизведению языка оригинала – в ущерб смыслу целого, в ущерб языку, на который текст переводится;
- перевод, основанный на стремлении отразить «дух», смысл подлинника и специфику требования своего языка⁴.

Первая из них характерна для перевода Библии. Вторая тенденция наблюдается в сочинениях светского характера, в том числе и в научных текстах по международным отношениям. Переводчик может как сохранять эмоциональный настрой и стилистическую окраску текста, так и трансформировать их. Приступая к переводу научных текстов по международным отношениям, следует помнить несколько принципов, которые были изложены в книге А.Тайтлера «Принципы перевода», так как они актуальным по-прежнему:

- перевод должен полностью передавать идеи оригинала;
- стиль и манера изложения перевода должны быть такими же, как и в оригинале;
- перевод должен читаться так же легко, как и оригинальное произведение⁵.

Стремлением максимально полно передать сущность международных отношений, а также потребностью оптимизации учебного процесса студентов, обучающихся по направлению Государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования «Международные отношения», обусловлена необходимость тщательного изучения закономерностей перевода грамматических форм. При переводе сколь угодно распространенного предложения редко совпадают порядок слов и их число, а также их грамматические формы. В связи с этим возникла необходимость в обобщении наблюдений при работе с материалом, который используется в работе со студентами, обучающимися в Институте международных отношений, для выработки у них первичных навыков перевода. В научных текстах по

международным отношениям доминирует информация, содержащая сообщение о фактах как реальных, так и прогнозируемых. Их перевод всегда сопряжен с наличием барьеров, от преодоления которых зависит качество перевода.

Письменный перевод научных текстов по международным отношениям должен быть научно осмыслен, что не ведет к ограничению свободы переводчика. Научный подход к переводу позволяет, опираясь на описание наблюдаемых фактов, добиться эквивалентного соотношения между подлинником и переводом. Задача достижения грамматической эквивалентности при переводе решается благодаря тому, что, несмотря на все различия в языковой концептуализации действительности, сознание людей едино и отображает происходящее в действительности более-менее сопоставимым образом. Поэтому преодоление трудностей перевода становится хотя и сложной, но разрешимой задачей.

Следует отметить, что личные глагольные формы в меньшей степени вызывают сложности при переводе, поскольку имеют однотипный эквивалент в языке перевода. Особые трудности при переводе возникают в том случае, когда грамматическая форма языка оригинала не находит эквивалентных грамматических средств выражения в языке перевода. Прежде всего это связано с тем, что английский и русский языки принадлежат к разным языковым системам. Принадлежность к аналитическим языкам означает, что в них имеются специализированные грамматические показатели, но эти показатели, в отличие от синтетических, являются самостоятельными словами, а не морфемами. Грамматические значения в аналитических языках выражаются синтаксически (с помощью разного рода конструкций), а в морфологически элементарных словах необходимости не возникает.

Укажем на важнейшие системные признаки аналитического языка, каким является английский, в самом общем плане, и сравним их с синтетическим языком, каким является русский язык. В аналитических языках в предложении, как правило, выдерживается прямой и строго определенный порядок слов:

*If the Politburo, the Cabinet, or the President makes a decision, the probability is high that it will be implemented through the government machinery*⁶. // Если Политбюро, Кабинет министров или Президент принимают решение, то велика вероятность, что с помощью государственного аппарата оно будет проведено в жизнь⁷.

Данный пример иллюстрирует, что строго определенный порядок слов, свойственный аналитическим языкам, зачастую переводится на русский язык, который принадлежит к группе синтетических языков, с помощью свободного порядка слов. Таким образом, английскому предложению с прямым порядком слов *it will be implemented through*

the government machinery соответствовало с помощью государственного аппарата оно будет проведено в жизнь, которое начинается с определения, а не с подлежащего в сочетании со сказуемым.

Фиксированный порядок слов в английском языке является объективно-языковым предикативным свойством предложения, что придает определенную значимость сознательному нарушению порядка, принятого нормами языка структуры предложения. Это дает возможность специалисту по международным отношениям выделить значимую, с его точки зрения, информацию. Измененный порядок слов обращает на себя внимание на фоне закрепленной в языке последовательности компонентов строя предложения и служит средством эмоционального воздействия на читателя или, по меньшей мере, средством концентрации его внимания. Нарушение традиционного прямого порядка слов в повествовательном предложении в английском языке выглядит как нечто необычное, как выразительное стилистическое средство:

*And along with group prejudice comes group conflict*⁸. // *А с групповыми предрассудками приходят и групповые конфликты*⁹.

Центр высказывания, то есть то новое, о чем сообщается в предложении, в русском языке, как правило, находится в конце предложения. В данном случае английское предложение также содержит несвойственный аналитическим языкам непрямой порядок слов, в котором подлежащее *group conflict* было поставлено в конец предложения для того, чтобы выделить его, сконцентрировать внимание читателя на нем и подчеркнуть возникновение групповых конфликтов как следствие существования групповых предрассудков, а не наоборот. При переводе на русский язык был использован свойственный синтетическим языкам свободный порядок слов, то есть был осуществлен дословный перевод английского предложения. Стилистическое средство, подразумевающее использование подлежащего не в начале предложения, а в конце, в русском языке достаточно обычное явление, особенно если есть необходимость усилить его. В синтетических языках отношения определяются внутри самого слова с помощью флексий, поэтому это соотношенное уже с другими членами предложения слово и может стоять почти в любом месте предложения. Аналитизм же в развитии языка выражается в закреплении за словом определенного места в предложении и вместе с тем в стирании теряющих свою непосредственную необходимость морфологических признаков слова.

Буквальный перевод научного текста по международным отношениям в формально-грамматическом отношении во многих случаях невозможен из-за коллокационных особенностей разных языков и отсутствия формальных соответствий. Согласно классификации А.В. Федорова,

существует три основных типа грамматического расхождения. «Первый случай – когда в языке подлинника встречается элемент, которому нет формально-грамматического соответствия в языке перевода»¹⁰. На примере английского и русского языков это расхождение иллюстрирует наличие артикля в английском языке и его отсутствие в русском.

Второй случай – когда в языке, на который осуществляется перевод, есть элементы, не имеющие формального соответствия в языке, с которого осуществляется перевод. Например, отсутствие вида глагола в английском языке и его присутствие в русском языке¹¹:

In the mid-1950s, Gunnar Myrdal called the world's attention to the apparent fact that the rich nations of the world were getting richer, absolutely and relatively, at a faster rate than the poorer nations. «On the whole,» he argued, «in recent decades the economic inequalities between developed and undeveloped countries have been increasing». // *В середине 50-х Гуннар Мюрдаль привлек внимание всего мира к тому очевидному факту, что богатые страны мира богатеют, абсолютно и относительно, быстрее, чем бедные страны. «В целом, – утверждал он, – в последние десятилетия экономическое неравенство между развитыми и слаборазвитыми странами увеличивалось».*

Хотя некоторые ученые считают, что совершенная форма английского глагола соответствует совершенному виду русского глагола, нельзя все ситуации переводить, исходя из соответствия: совершенная форма – совершенный вид / несовершенная форма – несовершенный вид. Данный пример иллюстрирует это. Переводчик В.Р. Рокицкий перевел глагол *called the world's attention* в Past Simple русским глаголом совершенного вида *привлек внимание*, а не *привлекал внимание*, исходя из контекста. Перевод же *he argued* полностью соответствовал форме английского глагола – *утверждал он*.

Третий случай – когда в обоих языках есть грамматические элементы, формально соответствующие друг другу, но отличающиеся по выполняемым функциям¹². Это, например, перевод, при котором осуществляется переход от одной части речи к другой.

«Among the laws that rule human societies,» he observed, «there is one which seems to be more precise and clear than all others. If men are to remain civilized or to become so, the art of associating together must grow and improve in the same ratio in which the equality of conditions is increased». // *«Среди законов, регулирующих жизнь человеческих обществ, – писал Токвиль, – есть один, который представляется более неукоснительным и четким, чем другие. Если люди хотят оставаться цивилизованными или становиться таковыми, искусство совместной жизни должно возрас-*

Лингвистика текста

тать и совершенствоваться пропорционально росту политического равенства».

В первом предложении английский глагол *to rule* в Present Simple был переведен причастием регулирующих, а не законы, которые регулируют, а во втором предложении *the art of associating* герундий *associating* был переведен с помощью существительного с прилагательным совместная жизнь.

Достижение переводческой эквивалентности, то есть «адекватности перевода», несмотря на расхождения в системах двух языков, требует от переводчика умения произвести многочисленные и качественно разнообразные преобразования – переводческие трансформации – так, чтобы текст перевода наиболее полно передавал информацию, содержащуюся в исходном тексте, соблюдая нормы языка перевода. С помощью трансформаций нивелируются лексико-грамматические различия языков, относящихся к разным системам. «Приемы логического мышления, с помощью которых мы раскрываем значение иноязычного слова в контексте и находим ему русское соответствие, не совпадающее со словарным, принято называть лексическими трансформациями. Хотя не всегда можно четко классифицировать каждый пример перевода из-за переплетения категорий, в общем можно выделить семь разновидностей лексических трансформаций: дифференциация значений, конкретизация значений, генерализация значений, смысловое развитие, антонимический перевод, целостное преобразование, компенсация потерь в процессе перевода»¹³. Под грамматической трансформацией понимается изменение структуры предложения при переводе с одного языка для передачи его смысла в другом – это переход от обратного порядка слов к прямому; замена пассивных конструкций активными; переход от односоставных предложений к полным; замена исходного подлежащего; переход от одной части речи к другой; замена сложных синтаксических конструкций простыми¹⁴. В процессе переводческой деятельности трансформации чаще всего бывают смешанного типа, то есть носят сложный, комплексный характер.

Политические изменения постоянно вызывают появление новых номенклатурных образований, аббревиатур, а также новых понятий в терминологии, которая составляет информационное ядро трехслойного лексического состава научных текстов по международным отношениям. Как и научный слой научных текстов по международным отношениям, терминологический представлен различными типами узуальных словосочетаний, которые подразделяются на лексические (N+N: *evil empire* – империя зла, *security dilemma* – дилемма безопасности, *weapons trade* – торговля вооружениями, *arms limitation and reduction* – ограничение и сокращение вооружений, *suicide-bomber* – террорист-камикадзе и N+of+N: *limita-*

tion of the arms race – ограничение гонки вооружения, *measures of trust* – меры доверия, *demonstration of power* – демонстрация силы, *maintenance of international peace and security* – поддержание международного мира и безопасности, *redivision of the world* – передел мира, *the countries of the third world* – страны третьего мира) и синтаксические, которые в свою очередь подразделяются на атрибутивные (*international terrorism* – международный терроризм, *military terrorism* – военный терроризм, *political terrorism* – политический терроризм, *peaceful development* – мирное развитие, *coercive diplomacy* – силовая дипломатия, *military operation* – силовая операция, *coercive approach* – силовой подход, *good offices* – добрые услуги, *collective security* – коллективная безопасность, *nuclear weapons* – ядерное оружие, *bipolar concept* – биполярная концепция, *bureaucratic politics* – бюрократическая политика, *flexible response* – гибкий ответ, *horizontal escalation* – горизонтальная эскалация, *final act* – заключительный акт, *foreign aid* – иностранная помощь, *international amnesty* – международная амнистия, *international regime* – международный режим, *nuclear war* – ядерная война, *nuclear winter* – ядерная зима, *nuclear umbrella* – ядерный зонтик, *ideological war* – идеологическая война, *just war* – справедливая война, *cold war* – холодная война, *bilateral treaty* – двусторонний договор), глагольные (*to conclude a treaty* – заключать договор, *to sign a treaty* – подписывать договор, *to renew an agreement* – возобновлять договор, *to wage war* – вести войну, *to declare war* – объявлять войну, *to pursue a policy* – проводить политику, *to dissolve a treaty* – расторгать договор, *to implement a treaty* – выполнять договор, *to launch war* – начинать войну). Иногда полилексемные термины могут переводиться монолексемными (*secret service* – разведка), и монолексемные – полилексемными (*to covenant* – заключать соглашение, *covenant* – отдельная статья договора, *extradition* – выдача преступников, *groupthink* – групповое мышление, *peace research* – исследование проблем мира).

Термины и номенклатурные образования области, функционирующие в области международных отношений, привязаны к конкретной научной дисциплине, при переводе которых необходимо сделать выбор между устоявшимся эквивалентом и окказиональным эквивалентом.

Использование устоявшегося эквивалента является самым простым решением (*equality of states* – равенство государств, *territorial integrity* – территориальная целостность, *international order* – международный порядок, *to wage war* – вести войну, *to declare war* – объявлять войну, *the principle of national sovereignty* – принцип национального суверенитета, *statesmen* – государственные деятели, *nation state* – национальное государство).

Окказиональные эквиваленты применяются при отсутствии устоявшихся эквивалентов

(bandwagoning – примыкание к сильному, следование за сильным; sub-Saharan Africa (countries) – Африка «ниже» Сахары, субсахарские страны, страны к югу от Сахары.

*Within China bandwagoning appears to have been far more important compared with balancing than was the case in Europe*¹⁵. // В отличие от Европы в истории самого Китая следование за сильным, как представляется, является куда более значимым по сравнению с политикой противодействия¹⁶. или

*Presumably the restoration of a more clearly defined structure of authority after 1978 also restored bandwagoning as the prevailing pattern of political behaviour*¹⁷. // По-видимому, восстановление после 1978 года более четкой структуры власти также привело и к восстановлению линии на «примыкание к сильному» в качестве наиболее распространенного образчика политического поведения¹⁸.

Данные примеры подтверждают, что неологизм *bandwagoning* еще не имеет устоявшегося эквивалента и в одном и том же тексте был переведен по-разному: следование за сильным и примыкание к сильному, то есть с помощью окказионального эквивалента. Или «*Throughout Africa tribal identities are pervasive and intense, but Africans are also increasingly developing a sense of African identity, and conceivably Sub-Saharan Africa could cohere into a distinct civilization, with South Africa possibly being its core state*»¹⁹. // Во всей Африке еще сильна племенная идентификация, но в среде африканцев быстро возрастает чувство африканской идентификации, и, по-видимому, Африка «ниже» Сахары (субсахарская) может стать отдельной цивилизацией, вероятно, с ЮАР в роли стержневого государства²⁰.

Когда в одном из языков, на который осуществляется перевод, нет прямого эквивалента для того или иного общественно-политического явления, то это явление можно описать, создать неологизм, калькировать или просто передать в транслитерации, транскрипции. Примерами калькирования являются hot spot – горячая точка, cold war – холодная война, brain drain – утечка мозгов, arms race – гонка вооружений, nuclear winter – ядерная зима, cod war – тресковая война.

*Western civilization has become a security zone; intra-West wars, apart from an occasional Cod War, are virtually unthinkable*²¹. // Западная цивилизация становится зоной безопасности; войны внутри Запада, не считая случающихся изредка тресковых войн, практически немислимы²².

Термины-реалии связаны с внеязыковой действительностью и передаются на другой язык транслитерацией, транскрипцией или в их исходном написании, то есть без морфологических изменений. Прием транслитерации представляет собой передачу английского слова на русский язык путем воспроизведения его графической формы, то есть буквенного состава: fundamental-

ism – фундаментализм, racism – расизм, satellite – сателлит.

*Chinese expansion could also become military if China decided that it should attempt to reclaim Mongolia, which the Russians detached from China after World War I and which was for decades a Soviet satellite*²³. // Китайская экспансия способна превратиться в военную, если Китай решит, что ему следует попытаться вернуть Монголию, которую русские отделили от Китая после Первой мировой войны и которая эти десятилетия была советским сателлитом²⁴.

Транскрипционный способ передачи английских слов и словосочетаний заключается в передаче русскими буквами их звукового облика, а не буквенного состава: impeachment – импичмент, establishment – истеблишмент, и широко применяется при переводе неологизмов: linkage – линкидж, delinkage – делинкидж.

*This pattern was particularly noticeable with respect to China, which responded to the U.S. delinkage of MFN status by a new and intensive round of human rights violations*²⁵. // Подобное было особенно заметно в отношениях с Китаем, который на «делинкидж» статуса наибольшего благоприятствования ответил новым раундом нарушений прав человека²⁶.

«Транслитерация, как и транскрипция хороши тем, что позволяют передать звуковой или графический облик слова и не приводят к увеличению объема текста. Недостаток же их заключается в том, что на первых порах они могут быть непонятны носителям принимающего языка, особенно если контекст или ситуация не выявляют их значения». Транслитерация, транскрипция стали распространенными средствами перевода при становлении лексики так называемого времени перестройки. Сначала появились такие понятия, как *openness, restructuring*, а затем появились *glasnost, perestroika*, которые впоследствии уже не переводились. Эти термины отражают отдельный отрезок действительности прошлого, являясь связующим звеном между прошлым и будущим (*glasnost – гласность, Bolsheviks – большевики, impeachment – импичмент*). Они представляют трудности для переводчика своей формой, лексическими, фонетическими, морфологическими особенностями, сложностью словообразования и сочетаемости, а также механизмом поведения в качестве заимствованных слов. Приемы транслитерации и транскрипции сравнительно редко применяются раздельно, чаще практикуется сочетание обоих приемов.

Необходимо также выделить в отдельную группу термины-реалии, которые передаются транслитерацией, транскрипцией или калькированием в сочетании с толкованием (*derzhavniki (strong state supporters) – державники – сторонники государя, near abroad – the republics of the former Soviet Union – ближнее зарубежье – республики бывшего Советского Союза*).

Толкование – описание определенного явления – используется в том случае, если устоявшийся или окказиональный эквиваленты отсутствуют в языке перевода или неизвестны переводчику (английский термин *landslide* невозможно перевести одним словом, и соответственно он нуждается в толковании – *победа на выборах подавляющим большинством голосов*; русский термин *администрирование* – *the abuse of administrative power or authoritarianism* – также сохраняет необходимость в расшифровке). Толкование, или разъяснительный перевод, раскрывает значение и специфику реалии. В отличие от перечисленных выше приемов, толкование почти всегда приводит к расширению объема текста, и в этом его недостаток²⁷. Данный прием относится к наименее распространенным в научных текстах по международным отношениям.

Номенклатурные названия также составляют очень важный пласт, необходимый для отражения культуры. По мере того как возникали те или иные явления на международной арене, они сразу закрепились во всех культурах, получали международную огласку и имели отражение в соответствующих номенклатурных образованиях. Для их перевода необходимо обладать большой эрудицией. По значению первых составляющих их компонентов лексические соединения делятся на лексические соединения с именем нарицательным, прилагательным, числительным и именем собственным.

1. К первой группе относятся номенклатурные образования, первым компонентом которых является имя нарицательное: *Victory Day* – День Победы, *Armistice Day* – День заключения перемирия, *League of Nations* – Лига Наций, *February Revolution* – Февральская революция, *Non-alignment movement* – Движение неприсоединения.

2. Ко второй группе относятся номенклатурные образования, первым компонентом которых является прилагательное: *Green Movement* – движение зеленых, *Great Depression* – Великая депрессия, *Continental Blockade* – Континентальная блокада, *Holly Alliance* – Священный союз, *Revolutionary Party* – Революционная партия, *Social Democratic Party* – Социал-демократическая партия.

3. К третьей группе относятся номенклатурные образования, первым компонентом которых является числительное: *Thirty Years' War* – Тридцатилетняя война, *Seven Years' War* – Семилетняя война, *World War I* – Первая мировая война, *World War II* – Вторая мировая война, *Triple Alliance* – Тройственный союз.

4. К четвертой группе относятся номенклатурные образования, первым компонентом которых является имя собственное, обозначающее

• собственное имя исторической личности: *Code Napoleon* – Кодекс Наполеона, *Napoleonic Wars* – Наполеоновские войны, *Kellogg – Briand*

Pact – пакт Бриана–Келлога, *Molotov – Ribbentrop Pact* – пакт Риббентропа – Молотова, *Tanaky memorandum* – меморандум Танаки, *Reagan administration* – Рейгановская администрация, *Monroe Doctrine* – Доктрина Монро, *anti-Hitler / anti-Hitlerite coalition* – антигитлеровская коалиция, *Churchill's Speech* – Фултонская речь Черчилля.

• географическое название: *Treaty of Utrecht* – Утрехтский мир, *The Treaty of Westphalia* – Вестфальский мир, *Concert of Europe* – Европейский концерт, *Peace of Versailles* – Версальский мир, *Congress of Berlin* – Берлинский конгресс, *Congress of Vienna* – Венский конгресс, *Crimean War* – Крымская война, *The Hague Peace conferences* – Гаагские мирные конференции, *Washington Conference* – Вашингтонская конференция, *Munich agreement* – Мюнхенское соглашение, *Locarno conference* – Локарнская конференция, *Teheran conference* – Тегеранская конференция, *Warsaw Treaty / Pact* – Варшавский договор, *Schengen Agreements* – Шенгенские соглашения, *Camp Davis Accords* – Кэмп-Дэвидские соглашения, *Manhattan Project* – Проект «Манхэттен».

• название наций: *Russian-Japanese War* – Русско-японская война, *Spanish-American War* – Испано-американская война.

Английскому языку в настоящий период свойственно, как никогда ранее, создавать разные аббревиатуры и акронимы. Те, которые уже закрепились в русском языке, не вызывают сложностей при переводе (*NATO*, *US*, *UK*, *UN*). Однако мы то и дело встречаемся со сложными образованиями, например *ASEAN* – Association of South East Asian Nations – Ассоциация Государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), и трудности возникают при переводе именно таких аббревиатур. Такие соединения, как правило, образованы из начальных букв соответствующих английских слов, которые не будут соответствовать буквам и словам в русском переводе. Многие английские и американские сокращения имеют эквиваленты в русском языке, которые и следует использовать при их переводе, причем необходимо иметь в виду, что эти эквиваленты либо являются сокращением русского названия соответствующей организации (*Council for Mutual Economic Assistance* (*COMECON* / *Comecon* / *CMEA* / *CAME*) – Совет Экономической Взаимопомощи (СЭВ), *New International Economic Order* (*NIEO*) – Новый международный экономический порядок (НМЭП), *Transnational Corporations* – Транснациональные корпорации (ТНК), *International Monetary Fund* (*IMF*) – Международный валютный фонд (МВФ); *World Trade Organization* (*WTO*) – Всемирная торговая организация (ВТО), *United Nations* (*UN*) – Организация Объединенных Наций (ООН), *military-industrial complex* (*MIC*) – военно-промышленный комплекс (ВПК), *World Health Organization* (*WHO*) – Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), *Western European* (*WEU*) – Западно-

Европейский Союз (ЗЕС), European Convention of Human Rights (ECHR) – Европейская конвенция по правам человека (ЕКПЧ), Organisation / Conference on Security and Cooperation in Europe (OSCE) – Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ / СБСЕ), Commonwealth of Independent States (CIS) – Содружество Независимых Государств (СНГ), International Atomic Energy Agency (IAEA) – Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ), Treaty on the Nonproliferation Nuclear Weapons (NTP) – Договор по нераспространению ядерного оружия (ДНЯО), Intercontinental Ballistic Missile (ICBM) – межконтинентальная баллистическая ракета (МБР), Strategic Arms Limitation Treaty / Talks (SALT) – Договор об / переговоры по ограничению/ ограничению стратегических вооружений (ОСВ); Anti-Ballistic Missile (ABM) – противоракетная оборона (ПРО)), либо русскими буквами воспроизводят иностранные сокращения (North Atlantic Treaty Organization (NATO) – Организация Североатлантического договора (НАТО), Organization of Petroleum Exporting Countries (ОПЕК) – Организация стран – экспортеров нефти (ОПЕК), Association of South East Asian Nations (ASEAN) – Ассоциация Государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), The North American Free Trade Agreement (НАФТА) – Северо-Американская зона свободной торговли (НАФТА), General Agreement on Tariffs and Trade (ГАТТ) – Генеральное соглашение о тарифах и торговле (ГАТТ)). Последние расшифровываются в соответствии с полным русским названием.

Интересными являются те аббревиатуры, которые имеют несколько вариантов прочтения – Соединенные Штаты Америки (США), Союз Советских Социалистических Республик (СССР), Центральное разведывательное управление (ЦРУ) – The United States of America (USA) – ЮэсЭй, The Union of Soviet Socialist republics (USSR) – ЮэсЭсА; the Central Intelligence Agency / (CIA) – СиАйЭй. Однако в научных текстах по международным отношениям транскрипционный способ передачи этих аббревиатур отсутствует.

Важно отметить, что термины номенклатурные образования, функционирующие в научных текстах по международным отношениям, многочисленны, неоднородны по своему составу и многоплановы. Установление их роли и функции, а также способы их перевода требуют дальнейшего исследования.

Таким образом, для текстов научного функционального стиля характерны разноуровневые единицы перевода, которые могут быть как общенаучными, так и терминологическими. К наиболее распространенным лексическим переводческим приемам, используемым при переводе терминов и номенклатурных образований, относятся:

транслитерация, транскрипция, толкование, калькирование. При переводе общеупотребительных глаголов и служебных частей речи на первый план выходит их фразеологическая связанность, так как они обрастают в научных текстах по международным отношениям фразеологией, специфической для этой области интеллектуальной деятельности.

Эквивалентность перевода достигается благодаря трансформации. Устойчивые межъязыковые замены наряду с контекстуальными, которые образуются в процессе перевода в зависимости от контекста, то есть окказиональные, являются двумя основными видами лексических и грамматических трансформаций. Грамматические приемы перевода сводятся к замене, генерализации, конкретизации, добавлению, опущению и перестановке.

¹ Вдовина О.А. Языковые особенности научного текста по международным отношениям (на материале английского языка). Дис. канд. филол. наук, 2007.

² Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. Изд-во «ЭТС», 2004. С. 113.

³ Там же.

⁴ Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). 2002. С. 34.

⁵ Комиссаров В.Н. Цит. соч. С. 181.

⁶ Huntington S.P. Political Order in Changing Societies. 1996.

⁷ Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М., 2004. С. 2.

⁸ Huntington S.P. Цит. соч. С. 39.

⁹ Хантингтон С. Цит. соч. С. 57.

¹⁰ Федоров А.В. Цит. соч. С. 240.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 240.

¹³ Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. М.: Р. Валент, 2004. С. 45.

¹⁴ Миньяр-Белоручев Р.К. Теория и методы перевода. М.: Московский Лицей, 1996.

¹⁵ Huntington S.P. Цит. соч. С. 234.

¹⁶ Хантингтон С. Цит. соч. С. 374.

¹⁷ Huntington S.P. Цит. соч. С. 234.

¹⁸ Хантингтон С. Цит. соч. С. 375.

¹⁹ Huntington S.P. Цит. соч. С. 47.

²⁰ Хантингтон С. Цит. соч. С. 43.

²¹ Huntington S.P. Цит. соч. С. 302.

²² Хантингтон С. Цит. соч. С. 497.

²³ Huntington S.P. Цит. соч. С. 243.

²⁴ Хантингтон С. Цит. соч. С. 391.

²⁵ Huntington S.P. Цит. соч. С. 227.

²⁶ Хантингтон С. Цит. соч. С. 362.

²⁷ Рецкер Я.И. Цит. соч.

Поступила в редакцию 12 апреля 2008 г.

ВОЛШЕБНОЕ ЦАРСТВО ДЖ.Р.Р. ТОЛКИЕН И «БЕОВУЛЬФ»

А.П. Миньяр-Белоручева, А.В. Плотникова

Рассматривается влияние древнеанглийских эпических произведений таких, как: «Беовульф», «Прорицания Вэльвы», «Младшая Эдда» на роман Дж. Р.Р.Толкиена «Властелин колец».

Ключевые слова: параллельные сюжеты, ономастические аналогии, вертикальный контекст, мифологические и литературные аллюзии.

Понятийная сфера определенной области знания представляет собой совокупность всех понятий данной области знания.

Дж.Р.Р. Толкиена в романе «Властелин колец» для придания своему произведению особого колорита, похожего на мир древних саг и легенд, употребляет как исторические реалии, например, названия одежды, оружия, государственное устройство, социальные отношения, и т.д., так и большое количество слов, содержащих да. корни (to slay).

Историческая номенклатура также представляет большой интерес для писателей жанра фэнтези. У Толкиена большое значение имеют имена всех персонажей: их описанию и объяснению он посвятил несколько аппендиксов в романе «Властелин колец» и статью «Guide to the Names in *The Lord of the Rings*». При их создании Толкиен использовал модели номинации, которые существовали в Англии в Средние века.

В своей трилогии Толкиен воссоздает древние формы повествования, такие как сага, эпос, хроника и даже сказка. Он помещает своих героев в произведение, совмещающие и себе черты всех вышеперечисленных литературных жанров, и создает, таким образом, свой собственный миф, свой мир, который ничем не отличается от мира реального, и в котором есть своя предыстория (создание Middle-earth), своя история (история Ши́ра, история колец), своя мифология, свои языки. Совместив все эти жанры, Толкиен совершил почти невозможное: он создал произведение такое же эпически великое как «Беовульф», и такое же достоверное как старинные хроники, с главными человеческими ценностями, которые можно найти в исландских сагах.

Будучи профессором английского языка и средневековой литературы, Толкиен был признанным экспертом в области мифологических миров прошлого – грозного мира «Беовульфа», мрачного и жестокого космоса «Прорицания Вэльвы», холодного и страшного царства «Младшей Эдды».

Несомненно, что все они, в той или иной степени, повлияли на его собственное воображение, помогли ему создать свой миф, стали элементами его собственного волшебного мира – мира Middle-earth, который, несмотря на свою новизну, тем не менее, традиционен. Черпая силу из источников

древней литературы, Толкиен из наследия мёртвой и часто непонятной для современного читателя литературы создал волшебное царство, где древность и приметы прошлого можно встретить на каждом шагу: в пространственных намёках на события, произошедшие в незапамятные времена и приведшие к сегодняшним трагедиям и опасностям (такие как история Саурана, история путешествия Бильбо и находки кольца, легенды Эльфов и др.); история хоббитов, Энтов, Рохана и др.; песни и легенды, рассказываемые на протяжении всего путешествия Фродо и его друзей.

В статье «On the Fairy Tales» Толкиен пишет, что в хорошей сказке должны быть особые настроение и сила, которые дают нам ощущение дистанции. В романе «Властелин Колец» Толкиен создаёт подобный эффект удалённости, вплетая в повествование смутные отголоски прошлого. Читая роман, мы как бы открываем дверь в другой мир, в другую реальность. Особая атмосфера приключения, обилие деталей создают невероятный по своей убедительности мир фантазии и вымысла, в который хочется возвращаться снова и снова.

Для того, чтобы создать такой удивительный, новый, и в то же время древний, отдалённый от нас на недостижимое расстояние, мир Толкиен использует разные литературные приёмы: такие как кеннинги, сюжетные переключки с «Беовульфом» и другими произведениями западно-германского эпоса, государственные структуры, характерные для раннего средневековья (королевства, свободные города, а также административная единица, которая до сих пор сохранилась в Англии – the Shire), детально выписанные социальные отношения между правителями и их подчинёнными и др.

На протяжении всего повествования нам встречаются реалии средневековой действительности: наиболее чётко это видно в описании одежды и оружия героев, характерных для VI–XI вв. (например, плащи, кольчуги, длинные платья, а также луки и стрелы, копыя, короткие мечи с широкими клинками и др.).

В предисловии к «Властелину Колец» Толкиен пишет: «...I cordially dislike allegory in all its manifestations...I much prefer history, true or feigned, with its varied applicability to the thought and experience of readers;...» но признаёт, что: «An author can-

not of course remain wholly unaffected by his experience, but the ways in which a story-germ uses the soil of experience are extremely complex...». Вполне закономерно, что в своем романе Толкиен использовал все свои знания, накопленные за время изучения древних языков и литературы.

Все прочитанное наложило свой отпечаток на автора и наиболее сильное влияние оказала поэма «Беовульф».

Параллели с сюжетом «Беовульфа» можно найти на протяжении всего повествования трилогии «Властелин Колец». Например, уже в прологе говорится о том, что Бильбо, как и Беовульф в своей последней битве, победил дракона, охранявшего несметные богатства.

По мере развития сюжета, количество аллюзий, а иногда и прямых цитат из «Беовульфа» увеличивается. Так главный отрицательный персонаж «Властелина Колец», Саурон, очень похож на Гренделя. В романе он и его помощники приходят из Мордора, самого страшного места в Средиземье, и совершают свои злодеяния по ночам, до его появления народы Средиземья долгое время жили тихо и счастливо. Эти черты сближают его с Гренделем: «Thus the men of this court lived in blessedness and joy, until one creature, a fiend from hell, began to work evil. Grendel was the name of that grim newcomer; he was renowned as a prowler in the borderlands, one whose realm was the moors, and the marshes his impregnable retreats. For along time this outcast wretch had made his house in the regions where monsters dwell, ever since the Creator had sentenced him to exile...»¹.

В третьей книге трилогии, в главе «The Departure of Boromir», описывается сцена похорон Боромира: «Now they laid Boromir in the middle of the boat that was to bear him away. The grey hood and elven-cloak they folded and placed beneath his head. They combed his long dark hair and arrayed it upon his shoulders. The golden belt of Lórien gleamed about his waist. His helm they set beside him, and across his lap they laid the cloven horn and the hilts and shards of his sword; beneath his feet they put the swords of his enemies. Then ...they drew him into the water. They rowed sadly along the shore...»

Sorrowfully they cast loose the funeral boat: there Boromir lay, restful, peaceful, gliding upon the bosom of the flowing water...»².

Эта церемония во многом похожа на похороны Скильда Скевинга в «Беовульфе»: «There in the harbour lay the prince's vessel...Then they laid their beloved prince and ring bestower within the ship, laying the renowned man beside the mast. Many treasures and rich adornments from distant lands were brought there. Never have I heard of any craft more handsomely furnished with weapons of war and raiments of battle, with swords and corselets;...They furnished him with offerings from the nation's wealth...had send him forth alone over the waves...they trusted him to the deep to bear away,

gave him to the rushing ocean; sad were their spirits, sorrowful were their hearts»³.

Затем, в главе «The Riders of Rohan», Толкиен описывает встречу Арагорна, Леголаса и Гимли с Всадниками Рохана: «Without word or cry, suddenly, the Riders halted. A thicket of spears was pointed towards the strangers;...Then one rode forward(Eomer), a tall man...»Who are you, and what are you doing in this land?» said the Rider... «Are you elvish folk?»».

«No, said Aragorn, One only of us an Elf, Legolas from the Woodland Realm.....We intend no evil to Rohan, nor to any of its folk, neither to man nor to horse...» And then Eomer said: «Come! Who are you? Whom do *you* serve»...

...Aragorn threw back his cloak...» I am Aragorn son of Arathorn, and I am called Elessar, the Elfstone, Dúnadan, the heir of Isildur Elendil's son of Gondor»⁴.

Она почти слово в слово повторяет сцену из «Беовульфа», где войско Хигелака высаживается на берег Данов: «Down to the beach went Hrothgar's thane, riding on horseback; powerfully he shook the mighty spearshaft in his hand, and challenged them in formal words: «What kind of armed men are you who has come clad in corselets,..? Long indeed have I been guardian of this outpost and have kept watch by sea, so that none of our foes might harry the land of Danes...never have warriors bearing shields made their approach more openly,...Nor have I ever seen a mightier champion than that outstanding man in your midst,...he is no mere serving-man...»

I now must know your origin, in case you go farther on your way as false spies, deeper into the land of Danes. So now, you foreigners ... I would have you know my plan thought- it is best to be swift in revealing whence you have come and why?»

The chief of them, the leader of the company, answers him, revealing his noble eloquence: «As for race, we are liegement of the Geatish people, and belong to the fellowship that sits at Hygelāc's own hearth....it is with friendly hearts that we have come to visit your lord, the son of Heafdene...»⁵.

Идентичность сюжетов «Властелина Колец» и «Беовульфа» можно также найти в главе «The King of the Golden Hall», в которой Арагорн и его спутники прибывают в Медусельд, королевский чертог короля Рохана, Теодена: «There sat many men in bright mail, who sprang at once to their feet and barred the way with spears: «Stay, strangers here unknown!» they cried...demanding the names and the errand of the strangers...» ...None are welcome here in days of war but our own folk...Who are you that come heedless over the plain thus strangely clad,...? Say, are you not a wizard, some spy from Saruman, or phantoms of his craft? Speak now and be swift!» Gandalf answers: «...My errand is... to the Lord of the Mark himself. I am in a haste. Will you not go or send to say that we are come?»

Лингвистика текста

«Yes, I will go,» he answered slowly. «But what names shall I report?...» The wizard said: «I am Gandalf... And here beside me is Aragorn son of Arathorn, the heir of Kings... Here also are Legolas the Elf and Gimli the Dwarf. Go now and say to your master that we are at his gates and would have speech with him, if he will permit us to come into his hall».

«Strange names you give indeed! But I will report them as you bid, and learn my master's will,» said the guard. «Wait here... and I will bring you such answer as seems good to him...»

After some time he returned. «Follow me!» he said. «Théoden gives you leave to enter; but any weapon that you bear... you must leave on the threshold...»⁶.

В такой же ситуации оказывается и Беовульф со своими воинами, когда он подъезжает к Хеороту, королевскому чертогу Хродгара: «Then a proud warrior there questioned those champions about their birth: «Where you come from, with gold-plated shields, mail-shirts of grey sheen and vizored helms, armed that pile of war-spears?... Never have I seen a company of so many strangers bear themselves more gallantly...».

«...Beowulf is my name, I wish to tell my errand to the son of Healfdene, the renowned prince who is your sovereign...», and then Beowulf asks the guard to go and say to Hroðgar that they have come to help him. The guard answers: «...I will swiftly acquaint you with whatever answer the noble king is pleased to give me». Then when he returns he says: Now you may enter Hroðgar's presence, in your armour, and wearing your vizored helms; but leave here your battle-shields and spears...»⁷.

В этой же главе, «The King of Golden Hall», дается описание пира, устроенного Теоденом в честь Гендальфа, Арагорна, Леголаса и Гимли: «Now my guests, come!» said Théoden. «Come and take such refreshment as haste allows».

They passed back into the great house... At the king's board sat Éomer and the four guests, and there also waiting upon the king was the lady Éowyn... The king rose, and at once Éowyn came forward bearing wine. «Fertu Théoden hál!» she said. «Receive now this cup and drink in happy hour. Health be with thee and thy going and coming!»

Théoden drank from the cup, and she then proffered it to the guests. As she stood before Aragorn she paused... and looked upon him... «Hail Aragorn son of Arathorn!» she said»⁸.

В поэме «Беовульф» так же описывается сцена пира, на котором жена Хродгара, Вальхтеов, приветствует благородных гостей: «Wealthweow, Hrothgar's queen, stepped forth, minding of the duties of hospitality. The gracious lady, bedecked with gold, welcomed the men in the hall, and then gave the goblet first to the guardian of the Danish homeland, bidding him who was dear to his people drink beer with a light heart...»

Then the lady of the Helmings went to and fro everywhere among both tried warriors and youths, offering the rich vessel, till the moment came when the ring-decked queen of excellent nature brought a goblet of mead to Beowulf. She welcomed the chieftain of the Geats...»⁹.

Гендальф убеждает Теодена выступить против Сарумана, волшебника, который перешел на сторону зла, так же как и Беовульф убеждает Хродгара сразиться с матерью Гренделя.

После победы над Саруманом Теоден решает помочь Гондору и погибает под его стенами, сражаясь с порождением тьмы, Назгулом, как и погибает Беовульф, сражаясь с Драконом.

В своей статье «Beowulf: the monsters and the critics» Толкиен раскрывает смысл поединка героя с монстром: «It is the strength of the northern mythological imagination that it faced this problem [of radical evil], put the monsters in the centre, gave them victory but no honour, and found a potent but terrible solution in naked will and courage». В финальном сражении Теоден и Беовульф оказываются в одинаковом положении: Беовульф не может в одиночку победить Дракона, ему нужна помощь воинов, но все они напуганы монстром и только один из них решает помочь своему королю: «His name was Wiglaf, the son of Weohstan, a well-loved shield-warrior, a chieftain among the Scyldings... he saw his liege lord in his vizored helm suffering this heat... and he drew an ancient sword.

That sword was known to men as the heirloom of Eanmund the son of Othere... he (Wiglaf) helped his kinsman by striking rather lower down at the spiteful creature, so that his gleaming, gold-plated sword plunged in so well that from that time the fire began to die down...»

For the prince, this was the last time that would win victory by his own deeds, the last of his great acts in this world»¹⁰.

В главе «The Battle of the Pelenor Fields» Толкиен описывает смерть Теодена таким образом: «Dark fell about him... Men cast from the saddle lay grovelling on the ground». Théoden's horse Snowmane «wild with terror stood up on high... and then with a great scream he crashed upon his side: a black dart had pierced him. The king fell beneath him.

The great shadow descended like a falling cloud... it was a winged creature... Upon it sat a shap, black-mantled, huge and threatening... the Lord of Nazgûl... But Théoden was not utterly forsaken. The knights of his house lay slain about him... Yet one stood there still: Dernhelm the young, faithful beyond fear...»¹¹. Назгул нападает на Эовин, она пытается спасти своего короля, но ей самой требуется помощь и помощь приходит со стороны хоббита: «But suddenly he (the Dark lord) too stumbled forward with a cry of bitter pain... Merry's sword had stabbed him from behind, shearing through the black mantle... «Éowyn! Éowyn!» cried Merry. Then... with her last strength she drove her sword be-

tween crown and mantle...The sword broke sparkling into the shuddering shards...and a cry went up into the shuddering air, and faded to a shrill wailing, passing with the wind, a voice bodiless and thin then died...»¹². Все на поле битвы и в Гондоре слышат предсмертный крик Назгула: «...Gandalf and his companions...heard a great cry that went up from the field before the Gate and rising shrill and ...died away on the wind. So terrible was the cry that for a moment all stood still...».

Такую же сцену мы находим и в «Беовульфе»: «The lordly hall echoed; on all the Danes, on all who dwelt in the fortress, on every brave man and on every earl there came the taste of deadly fear...».

A sound rose up...A terrible fear sprang up in every one of the Danes who from the outer wall heard that wailing, heard God's enemy keening his chant of dread, a song that told of no victory – Hell's slave howling over his wound...»¹³.

После битвы и Теоден, и Беовульф, оба понимают, что это было последнее сражение в их жизни. Беовульф: «Beowulf spoke; he spoke despite his hurt, his deadly and pitiful wound. He knew well enough that he had seen the last of his days of earthly bliss; all the number of his days had slipped away, and death was exceedingly near...»¹⁴.

Теоден: «Théoden opened his eyes, and they were clear, and he spoke in a quiet voice though laboured. «Farewell, Master Holbytla (Merry)!» he said. «My body is broken. I go to my fathers. And even in their mighty company I shall not now be ashamed...»¹⁵.

Фродо и Сэм тоже сражаются с монстром, с гигантской отвратительной паучихой Шелоб: «Frodo was lying face upward on the ground and the monster (Shalob) was bending over him...Sam did not wait to wonder what was to be done...He sprang forward with a yell, and seized his master's sword in his left hand. Then he charged...» Сэм ранит Шелоб в глаз и пытается подобраться к ее единственному уязвимому месту – брюху: «But Shalob was not as dragons are, no softer spot had she save only her eyes. Knobbed and pitted with corruption was her age-old hide, but ever thickened from within and with layer on layer of evil growth. The blade scored it with a dreadful gash, but those hideous folds could not be pierced by any strength of men...She yielded to the stroke...she drove her huge bulk down on him (Sam)»¹⁶.

Здесь Фродо и Сэм, как и Теоден, Эовин и Мэри, Беовульф и Виглаф сражаются с монстром и у них нет ничего кроме их «naked will and courage».

Шелоб во многом похожа на Гренделя. В поэме, когда соратники Беовульфа пытаются атаковать монстра, они не могут причинить ему никакого вреда: «One thing they did not know...this wicked ravanger was one whom no sword on earth, not the choicest of steel blade, could touch; he had cast a spell to blunt the edges of all victorious weapons»¹⁷. Но,

как и Шелоб после нанесения смертельной раны, Грендель вынужден спасаться бегством: «The fearsome monster felt agony in his own body; in his shoulder a vast gash appeared plain to see;...Grendel, stricken to death, must flee away to the shelter of fenland slopes, to seek out his cheerless above...he knew that the end of his life had come, his allotted days were over»¹⁸.

В конце концов Сэму удается ранить Шелоб: «... Shalob...thrust herself upon a bitter spike...No such anguish had Shalob ever know...in all her long world of wickedness...Not the doughtiest soldier of old Gondor, nor the most savage Orc...had ever thus endured her, or set blade to her beloved flesh...». Но она не оставляет своих попыток съесть Сэма, которому ничего не остается как использовать последнее оружие света в этом царстве тьмы – the Phial of Galadriel: «...the glass blazed suddenly like a white torch in his hand... No such terror out of heaven had ever burned in Shalob's face before. The beams of it entered her wounded head and scored it with unbearable pain...she rolled aside and began to crawl, claw by claw, towards the opening in the dark cliff behind...Shalob was gone...»¹⁹.

Но, помимо сюжетных линий, в романе присутствуют и другие аналогии с «Беовульфом»: Толкиен также позаимствовал древнегерманские модели номинации из поэмы и других литературных памятников.

В главах, посвященных Всадникам Рохана, встречаются в основном значимые двухтемные имена, которые были характерны для германских племен. Это самый древний тип имён, используемый Толкиеном в романе. Они состояли из двух полных слов, сочетание элементов в которых изначально имело смысл.

Многие исследователи проводят параллель между личными именами германцев и кеннингами, встречающимися в героическом эпосе, которые описывают героя как храброго, могучего, увенчанного славой воина и благородного, щедрого, всеми любимого господина. Поэтому неудивительно, что героический идеал, вдохновлявший поэтов на создание легендарных образов, нашёл отражение в именах реальных людей. Многие слова, составляющие эти имена, относились к «героическому» словарю, то есть имели значение «война», «слава», «власть», а также «любовь», «красота», «благородство». Наиболее часто использовались такие древнеанглийские слова как «ædel» – «noble», «beald» – «bold», «beorht» – «bright, glorious», «flæd» – «beauty», «gār» – «spear», «lufu» – «love», «sīge» – «victory», «wīg» – «battle, war», «wine» – «friend» и другие.

Как упоминалось выше, изначально двухтемные имена были значимыми, т.е. описывали характер или выражали определённые качества человека, реальные или желаемые. Например, имя «Beorhtwine» состоит из слов «beorht» и «wупе» и могло означать «bright friend» или «glorious lord»,

Лингвистика текста

другое имя «Wīgbeald» – составные элементы «wīg» и «beald» – его можно перевести как «one bold in the battle».

В подобных именах первый элемент передавал атмосферу, описывал героическую сцену, а второй – характеризовал самого человека, говорил о его достоинствах, например, «Wīgbeald». Большое значение также имело использование метафоры и метонимии: например, такие д.а. слова как «gār» – «spear» и «helm» – «helmet» метафорически обозначали воина или полководца (gār) или защитника и господин (helm).

Необходимо так же упомянуть и другие ранние способы номинации – это вариация, аллитерация и повторение. Эти способы в основном были средством выражения родственных отношений в именах.

Вариация встречается, например, в таких именах как Beorhtwine – он был сыном Beorhtmund и братом Beorhtnoð; или Wulfweard – был отцом Eadweard. Такие имена использовались, когда родители хотели в имени ребёнка сохранить имена отца и матери. В подобных именах один или два элемента заимствовались из имён родителей. Такой тип номинации рано становится устаревшим и выходит из употребления уже к концу древнеанглийского периода.

Два других способа – это аллитерация (имена родителей и детей начинались или заканчивались на один и тот же звук, слог) и повторение в нескольких поколениях имени родственника, обычно чем-либо прославившегося или совершившего благородное деяние.

Все вышеперечисленные типы номинации встречаются в романе Толкиена «Властелин Колец». Наиболее четко это можно увидеть на примере имен королей Рохана и Гондора.

Как и в именах королей в «Беовульфе», например, у правителя Данов Healfdene были сыновья Neogogar, Hroðgar, Halga и внуки Neogowearð, Hreðric, Hroðmund и Hroðulf; у правителя Гаутов, Hreðel, – сыновья Herebeald, Hæðsup и Hugelac, при создании королевских имен Толкиен использовал аллитерацию, вариацию и повторение.

Действие романа разворачивается в годы правления короля Рохана Theoden'a, его отца звали Thengel, сын носил имя Theodred: все имена начинаются на одну букву, к тому же имя Theodred является двухтемным и содержит элемент имени отца. Представители второй королевской линии – племянники короля – Eomer и Eowyn. Их родителями были Eomund и Theodwyn, сестра короля. Здесь, как и в предыдущем случае, автор использует приемы аллитерации и вариации: в обоих именах присутствует элемент имени отца, д.а. слово 'eoh', а в имени Eowyn содержится элемент имени матери «wyn»

Прием повторения в основном встречается в именах королей Нуменора и Гондора: Например, имя Elendil принадлежало четвертому Королю

Нуменора – Tar-Elendil, его сын назван именем восьмого Короля Нуменора – Tar-Anáron. После смерти Исилдура королём Арнора был Valandil, в его имени общий последний элемент с именем деда – Elendil, который встречается и в имени его правнука – Tarcil. В именах двух следующих королей Eldacar и Arantar общий элемент –ar. Толкиен использовал вариацию в именах Valandur, здесь первый элемент взят из имени короля Valandil, и Elendur: в этом имени первый элемент является общим с именем родоначальника этой линии – Elendil. Прием аллитерации используется в именах отца и сына Tarcil и Tarondor; Elendur и Eärendur, в которых также употребляется элемент -ur общий с именами Isildur и Valandur.

Последним королём Арнора был Eärendur, т.к. он поделил королевство между тремя сыновьями, и линия Исилдура продолжилась в потомках старшего сына, которого звали Amlaith. В создании этих имён используются приёмы аллитерации и повторения: так имена всех королей начинались на Ar-: Argeleb I, Arveleg I, Araphor, Argeleb II, Arvegil, Arveleg II, Araval, Araphant, Arvedui Last-king. «After Arvedui the North-kingdom ended, for the Dúnedain were now few ... Yet the line of the Kings was continued by the Chieftains of the Dúnedain, of whom Aranth son of Arvedui was the first»²⁰.

В именах Вождей продолжают традиции Нуменора: в их используются повторение и аллитерация. Они повторяют первый элемент имён своих предков Ar-: Aranth, Arahael, Aranuir, Aravir, Aragorn I, Araglas, Arahad I, Aragost, Aravorn, Arahad II, Arassuil, Arathorn I, Argonui, Arador, Arathorn II, Aragorn II. Три имени – Aragorn, Arathorn и Arahad повторяются из поколения в поколение.

Эти же способы номинации встречаются и в именах потомков Анариона – королей Гондора. Всего в Гондоре был тридцать один король. В создании их имён также использовались вариация, аллитерация и повторение. Например, многие имена оканчиваются на -il: Meneldil, Eärendil, Anardil, Rómenacil, Siriondil, Narmacil, Ciryandil, Calmacil, Hyarmendacil, Minardil, Telumenhtar Umbardacil; также встречаются имена на -ar: Turambar, Atanatar, Valacar, Eldacar son of Valacar, Telemnar, Telumenhtar, Calimentar; на -ir: Castamir и Aldamir. Повторяются такие имена, как Rómenacil, Hyarmendacil, Narmacil, Eärnil, имя его сына Eärnur содержит элемент имени отца, заимствованный из имени основоположника рода Нуменорцев – Eärendil. Eärnur был последним королём Гондора.

После него правление перешло к Стюартам Гондора, в чьих именах продолжают традиции номинации их королей. Например, вариация – встречаются имена на -il: Vorondil, Mardil; на -ir: Barahir, Boromir Faramir. Также повторяются имена на Húrin, Túrin, Belector, Denethor, Ectheleon. Ал-

литература встречается в именах короля Bereg, его сына Beregond и внука Belecthor.

Из всего сказанного выше становится очевидно, что древнеанглийская поэма «Беовульф» оказала огромное влияние на Дж.Р.Р. Толкиена. В романе «Властелин Колец» мы находим сюжетные переключки с поэмой, сходства в характеристике основных героев, одинаковые типы номинации.

Все это было необходимо автору для создания особой атмосферы в романе, неповторимого ощущения реальности, того, что эти события действительно имели место в далеком прошлом, таком же далеком, как и события описанные в «Беовульфе».

¹ G. N. Garmonsway, J. Simpson «Beowulf and its Analogues», J. M. Dent & Sons Ltd, London, 1968.

² J.R.R. Tolkien. The Lord of the Rings. Ballantine Books, New York, 1995. Т. 2. Р. 21–22.

³ G. N. Garmonsway, J. Simpson. Цит. соч.

⁴ J.R.R. Tolkien. Т. 2. С. 40–42.

⁵ G. N. Garmonsway, J. Simpson. Цит. соч.

⁶ J.R.R. Tolkien. Т. 2. С. 133–134.

⁷ G. N. Garmonsway, J. Simpson. Цит. соч. С. 11.

⁸ J.R.R. Tolkien. Т. 2. С. 148–150.

⁹ G. N. Garmonsway, J. Simpson. Цит. соч. С. 18–19.

¹⁰ Там же. С. 69–72.

¹¹ J.R.R. Tolkien. Т. 2. С. 126–127.

¹² Там же. Т.3. С. 128–129.

¹³ G.N. Garmonsway, J. Simpson. Цит. соч. С. 22–23.

¹⁴ Там же. С. 72.

¹⁵ J.R.R. Tolkien. Т. 3. С. 129.

¹⁶ Там же. Т. 2. С. 399.

¹⁷ G. N. Garmonsway, J. Simpson. Цит. соч. С. 23.

¹⁸ Там же. С. 23–24.

¹⁹ J.R.R. Tolkien. Т. 2. С. 400.

²⁰ Там же. Т.3. С. 362.

Поступила в редакцию 26 мая 2008 г.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТОВ И. КАНТА

А.Ю. Серебрякова

Речь идет о лингвистических особенностях текстов И. Канта и факторах, обусловивших эти особенности. Отличительными чертами кантовского стиля являются сложность и разнообразие синтаксических структур, долгие периоды, неустойчивость и амбивалентность употребления терминов и т.д. На основе примеров, взятых из аутентичных текстов данного немецкого философа, демонстрируется все своеобразие авторского стиля. В виде таблицы приводится сравнительный количественный анализ синтаксических структур, используемых И. Кантом и другими философами. Статья предназначена для студентов и аспирантов, занимающихся изучением вопросов лингвистики текста.

Ключевые слова: характер эпохи, стилевая принадлежность, индивидуальные черты, неустойчивость и амбивалентность употребления терминов, разнообразие синтаксических структур, логико-семантические типы предложений, языковые средства выражения обобщенности, терминологический аппарат.

Сегодня философские тексты И. Канта вызывают интерес не только философов, но и филологов. О лингвистических особенностях языка Канта в свое время писали Г. Еггерс, Г. Шпербер, В.Г. Адмони, Н.С. Бабенко, Р.С. Аликаев, Н. Мотрошилова и др. Ими были отмечены следующие отличительные черты кантовского стиля: сложность и разнообразие синтаксических структур, долгие периоды, неустойчивость и амбивалентность употребления терминов и т.д. Особенности стиля И. Канта обусловлены целым рядом факторов, а именно:

- эпохой, в которую творил Кант;
- стилевыми чертами философского текста;
- личностью самого философа.

Главным фактором, оказавшим влияние на язык текстов И. Канта, является характер эпохи, в которую жил и работал этот философ. Период творчества И. Канта (1724–1804 гг.) приходится на середину и конец XVIII века. К началу XVIII столетия в Германии происходит резкий идеологический сдвиг, связанный с распространением философии Просвещения. Следствием этого является решительная перестройка всей идеологической сферы, причем, по существу, меняются самый тип культуры и ее социальные основания: совершается переход к светской рационалистической культуре, и философия уверенно занимает теперь те ведущие позиции, которые ранее безоговорочно принадлежали теологии. В центре внимания философов и моралистов оказывается человеческая личность, руководствующаяся разумом и стремящаяся к добродетели: человек наконец-то обретает в мире твердые позиции, а разум (*Vernunft*) становится центральным понятием эпохи.

Развивающиеся философия, эстетика, психология занимаются изучением разнообразных человеческих свойств, а исключительное внимание к внутренней жизни человека, его чувствам, становлению его как личности порождает различные течения литературы XVIII столетия, определяя многообразие ее жанров и направлений и стимулируя

развитие немецкого литературного языка. На передний план выдвигается требование ясности, логичности и простоты. Развитие науки, и прежде всего философии, порождает необходимость в использовании в ней родного немецкого языка. Если в 1580 – 1692 г.г. соотношение латинских и немецких изданий в сфере науки было примерно равным, то после 1692 г. побеждает немецкий язык. Правда, еще в 1740 г. 28 % всех издаваемых книг – латинские, однако в 1770 г. их уже только 14 %, а в 1800 г. – лишь 4 %¹.

Именно к середине XVIII века процесс урегулирования норм словообразования и синтаксиса, а также формирования словарного запаса немецкого языка в целом подходит к своему завершению. Языковедами создаются грамматики, указания по правописанию и словари немецкого языка, которые получают свое широкое распространение среди общестественности. В *синтаксическом строе* языка к концу XVIII века закрепляется рамочная конструкция (расположение дополнительных членов предложения между вспомогательным глаголом и причастием II); определяется место глагола в главном и придаточном предложениях; уточняется слитное написание отделяемых приставок с глаголами, стоящими на последнем месте в придаточном предложении². В целом заслуга грамматиков XVIII века состоит в том, что им удалось внести ясность в образ литературного немецкого языка и установить правила, которыми стали руководствоваться в будущем.

Ряд ученых, занимавшихся проблемами философской прозы XVIII века (Г. Шпербер, А. Ланген, В.Г. Адмони, Р.С. Аликаев и др.), отмечают следующие особенности ее синтаксиса:

– преобладающее число таких логико-семантических типов предложений, как причинные и следственные предложения с союзами типа *denn*, *daher*, *weil*. По мнению Г. Шпербера, именно эти типы предложений преобладают в философской прозе этого периода, сменяя в количественном отношении уступительные предложения, столь характерные для барокко³. Объясняется это тем, что в

произведениях просветителей главное внимание, бесспорно, уделяется обоснованию, доказательству определенных философских и научных положений, поэтому четкость синтаксических построений, легкая обозримость их частей, ясность становятся важным стимулом в развитии структурной организации предложения;

– распространенность афинитности в структуре придаточных предложений (афинитным сложно-подчиненное предложение считается в том случае, когда придаточное в нем находится перед главным). Правда, если у Лейбница соотношение финитных и афинитных предложений в некоторых отрывках текста равно 1:15, то уже у Х. Вольфа эта цифра составляет 1:3;

– в относительных придаточных определительных предложениях одинаково продуктивны в качестве вводных элементов *die* и архаическое *so* – частый признак научного и делового языка данного периода.

Все эти особенности синтаксиса философской прозы XVIII века в полной мере характерны и для работ Канта. Так, из логико-семантических типов предложений особенно употребительны в текстах И. Канта причинные придаточные с *weil* и, реже, с *da*, а из специфических книжных конструкций широко развернуты инфинитивные обороты⁴. Например: *Denn ob sie gleich für sich allein zum Erkenntnis der Dinge gar nichts beitragen, so gehören sie doch dem Erkenntnisvermögen allein an und beweisen eine unmittelbare Beziehung dieses Vermögens auf das Gefühl der Lust oder Unlust nach irgendeinem Prinzip a priori, ohne es mit dem, was Bestimmungsgrund des Begehungsvermögens sein kann, zu vermengen, weil dieses seine Prinzipien a priori in Begriffen der Vernunft hat*⁵.

В этом же примере представлен архаический вид атрибутивной относительной связи с помощью *so*. Правда нужно заметить, что этот вид связи в текстах Канта уже заметно ограничивается, и, в основном, придаточные определительные предложения вводятся с помощью *die* и *welche*, причем в количественном отношении оба типа примерно равны (соотношение *so: die: welche* примерно равно 1:3:3).

Для философской прозы XVIII века характерной чертой является также нечеткость употребления терминологии. Большое количество латинских терминов, встречающихся в работах философов этого периода, – латинские. Немецкий термин часто имеет при себе в тексте латинское соответствие (*das Geschlecht*, лат. *genus*; *die Begrenzung*, лат. *definitio*). Причем некоторые из этих немецких терминов в дальнейшем так и не вошли в немецкий язык (*Selbstand* для лат. *substantia*). В целом, характер эпохи XVIII века оказал заметное влияние на работы И. Канта. Другим фактором, повлиявшим на язык этого философа, выступает стилистическая принадлежность его текстов. Основным свойством философского текста является обобщенность. Это свойство выражено в текстах И. Канта наиболее ярко, так как все проблемы, кото-

рые он рассматривает, носят общий характер. Эта обобщенность проявляется в лексическом плане в большом количестве сложных слов с абстрактным значением. Например: *der Erklärungsgrund* (основание для объяснения), *die Zweckverbindung* (целевая связь), *der Bestimmungsgrund* (определяющее основание) и т.д.

В морфологическом плане – в преобладании вневременного настоящего времени, выражающего качественный, признаковый оттенок значения (*meine Einleitungen in der reinen Philosophie fallen fast immer dreiteilig aus; das liegt aber in der Natur der Sache; die schöne Kunst zeigt darin eben ihre Vorzüglichkeit*). Использование *praesens generellis* дает возможность представить сообщаемые сведения как абсолютно объективные, находящиеся вне времени, как истину в последней инстанции. Обобщенность проявляется и при употреблении лица глаголов и личных местоимений (*мы можем заключить; мы имеем несколько эпох* – синонимичны случаям *можно заключить, имеется несколько эпох*, т.е. формы глагола выступают с ослабленным, неопределенным и обобщенным значением лица).

В синтаксическом плане отвлеченно-обобщенность в текстах Канта может подчеркивается путем исключения из структуры предложения личного субъекта действия (агенса), так как познание мира представляется здесь в обобщенной форме – как процесс коллективного творчества. В связи с этим, в текстах Канта можно ожидать повышенное содержание обобщенно-личных и безличных предложений (*Man sollte aber denken; wie es auch geschehen muss u. öp.*).

Другая черта философского текста – подчеркнутая логичность – обеспечивается специальными языковыми средствами, которые организуют связность текста. Ими являются наречия, указательные и личные местоимения, союзы и т.п. Обилие средств, обеспечивающих логичность изложения, является одной из доминирующих черт философского текста. Так, в следующем примере, взятом из произведений И. Канта, в качестве такого средства выступает наречие *daher*:

*Man sollte aber denken, dass ein Urteil a priori einen Begriff vom Objekt enthalten müsse, zu dessen Erkenntnis es das Prinzip enthält; das Geschmacksurteil aber gründet sich gar nicht auf Begriffe und ist überall nicht Erkenntnis, sondern nur ein ästhetisches Urteil. Daher lässt sich ein junger Dichter von der Überredung, dass sein Gedicht schön sei, nicht durch das Urteil des Publikums, noch seiner Freunde abbringen...*⁶

Логичности высказываний способствует также их полнооформленность, т.е. полнота грамматического оформления предикативных единиц. Это выражается в преобладании союзных предложений над бессоюзными, так как союзы позволяют более четко передать смысловые и логические связи частей предложения. Наряду с особенностями, обусловленными характером эпохи и стилистической принадлежностью, тексты И. Канта демонстрируют инди-

Лингвистика текста

видуальные черты, свойственные только данному философу. Так, отличительной чертой стиля Канта является сложность и громоздкость синтаксиса. Используя данные М.Н. Кожиной, В.Г. Адмони, Н.С. Бабенко и результаты своих исследований, мы сделали сводную таблицу, в которой отражено своеобразие синтаксиса Канта (см. таблицу).

«Sinn» у Канта – в несколько большей степени, чем «Gefühl» связано с процессами осознания.

В «Критике способности суждения» систематически употребляется важный термин «Wohlgefallen», который в русских переводах традиционно передается словом «удовольствие», точно также как и другой столь же часто встречающийся термин –

Таблица

Характеристики	Научный стиль	Философские тексты Вольфа	Философские тексты Канта
Количество простых предложений	48	37	18
Количество сложных предложений	52	63	82
Количество слов в простом предложении	20,3	10	15
Количество слов в сложном предложении	25,4	38	56
Количество элементарных предложений в составе сложного предложения	2	4	6

Если в научном стиле процент сложных предложений составляет 41 – 50,3 %⁷, у Вольфа – 63 %⁸, то у Канта – 82 %. Причем преобладающее число из них 92 % – сложноподчиненные (у Вольфа – 63 %, в научном тексте – 62 %). Средняя длина простого предложения в научном тексте составляет 20,3, а сложного – 25,4 словоупотребления. У Вольфа соответственно 10 и 38, тогда как у Канта средний размер цельного предложения равен, по нашим данным, 56 словам, размер элементарного предложения составляет у него около 15 слов. Если коэффициент сложности цельного предложения не достигает у Вольфа в среднем и четырех элементарных предложений, то у Канта он равен 6.

Все эти данные наглядно демонстрируют тот факт, что длинные периоды и сложные громоздкие предложения особенно характерны для стиля И. Канта. Другой индивидуальной особенностью языка Канта является нетрадиционное употребление уже существующих и введение новых терминов. В целом источники терминологической системы Канта весьма разнообразны. От Лейбница он берет Urteil, Veränderung, Beweisgrund, от Томазиуса — Einbildung, Einbildungskraft, Folgerung, Wirkung. Многие, конечно, уже существовало в литературном немецком языке более раннего периода (Art, Beweis, Empfindung, Erfahrung, Grund, Satz, Zustand и др.)⁹. И. Кант вводит и свои термины для прояснения проблем эстетики, за которыми в последствии закрепляется терминологическая значимость. Например, термин Нуротурозе, гипотипоза (не путать с гипотезой) – в толковании Канта: наглядное изображение понятия. Здесь же следует обратить внимание на слово «Charakteristiken» – это, собственно не характеристики вообще, а именно, как разъясняет Кант, «обозначение понятий посредством чувственных знаков». Часто термины, ранее уже используемые в работах философов, употребляются Кантом в нетрадиционном значении. Так, Кант различает термины «Gefühl» и «Sinn», которые до него использовались как синонимы. «Gefühl» можно перевести как «чувство», а «Sinn» как «чувствование», так как

«Lust». Хотя в ряде случаев различение понятий не проводится Кантом последовательно, в этом случае Кант вводит «Wohlgefallen» намеренно с целью отличить удовольствие, доставляемое прекрасным, от обыкновенного, повседневно испытываемого человеком и в основе своей чувственного удовольствия – «Lust»¹⁰.

Таким образом, философские тексты И. Канта имеют некоторые отличительные черты, которые обусловлены характером эпохи, стиливой принадлежностью этих текстов и индивидуальными особенностями и предпочтениями философа. Этими чертами являются:

- сложность и разнообразие синтаксических структур;
- различные языковые средства выражения обобщенности (сложные слова с абстрактным значением; высокий процент обобщенно-личных и безличных конструкций);
- специфика употребления терминологического аппарата.

¹ Langen A. Der Wortschatz des 18. Jahrhunderts. DW, 1974. Bd II. С.64.

² Москальская О.И. История немецкого языка: Учеб. пособие для студ. лингв. ун-тов и фак. ин.яз. высш. пед. учеб. заведений. М., 2003. С. 256.

³ Sperber H. Die Sprache der deutschen Aufklärung. ZDK, 1929, Jg. 43.

⁴ Москальская О.И. Цит. соч.

⁵ Кант И. Сочинения на немецком и русском языке. Т. 4: Критика способности суждения. М., 2001. С. 274.

⁶ Там же.

⁷ Кожина М.Н. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под. ред. М.Н. Кожиной. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 245.

⁸ Адмони В.Г. Исторический синтаксис немецкого языка. М.: Высшая школа, 1963. С. 186.

⁹ Langen A. Цит. соч.

¹⁰ Кант И. Цит. соч.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ И КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

ББК Ш141.2-2 + Ш103.2

ЭВОЛЮЦИЯ ВОСПРИЯТИЯ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

А.П. Миньяр-Белоручева, А.В. Плотникова

Рассматривается эволюция лингвистических и философских теорий, касающихся сущности имени, выдвинутых выдающимися зарубежными философами и лингвистами, такими как: Ф. де Соссюр, А.Г. Гардинер, О. Есперсен, Дж.С. Милль, Г. Бертельсен, П. Кристоферсон, П. Дидерихсен, Д.Н. Кейнес, Б. Рассел, Л.С. Стеббинг, П.Ф. Стросон, Ф. Брандт, А. Норин, Г. Суит, что свидетельствует о сложности исследуемой проблемы. В краткой, емкой форме авторам удается изложить основные идеи, выдвинутые перечисленными исследователями и сделать вывод, что хотя ни одна из теорий не дает четкого и обоснованного ответа на вопрос, что же есть имя собственное и как его следует рассматривать, ономастика, тем не менее, развивается в правильном направлении и следует надеяться, что теория, объясняющая сущность имени все же будет разработана.

Ключевые слова: ономастика, имя собственное, природа имени, символ, знак, имя и номинация

Несмотря на всю значимость, именам собственным на протяжении долгого времени не уделялось должного внимания со стороны лингвистов, поскольку считалось, что они не имеют истинного значения, а, следовательно, не стоят внимания истинного ученого. Однако для древних философов проблема имени и номинации была настолько важной, что Платон посвятил ей труд, в котором два философа высказывают свою точку зрения на природу имени: существуют ли имена от природы или по установлению.

Имена собственные имели не только философское, но и социокультурное значения. В древности имени придавали гораздо большее значения, чем сейчас. Считалось, что имя было неотъемлемой составляющей человека и могло управлять его судьбой: стать источником силы и процветания или источником несчастья. Имя также являлось социальным знаком. По имени можно было определить, к какому социальному классу принадлежит его носитель, из какой страны он происходит.

Постепенно, в связи с демократизацией общественной жизни и по мере становления современного общества сословные различия, выраженные в именах собственных, стирались, забывались исторические традиции. В конечном счете, все эти процессы обусловили превращение акта номинации человека в простую юридическую формальность. Имя потеряло свой изначальный, сакральный, смысл и стало простым идентификатором личности.

Так имя собственное и воспринимается современным обществом. Именно с таких позиций оно и рассматривается ономастикой, которая возникла

как прикладная наука и была необходима историкам, этнографам, географам, литературоведам, социологам и специалистам других областей науки. Ономастика выделилась в отдельную науку только во второй половине двадцатого века, когда именами собственными начали заниматься лингвисты.

В задачи ономастики входит изучение основных закономерностей истории, развития и функционирования имён собственных. Каждое имя – это слово, которое развивается по законам языка, следовательно, анализировать информацию о каждом имени необходимо с помощью лингвистических средств. Однако особенность предмета данной науки состоит в том, что, хотя его основа является лингвистической, ономастика тесно соприкасается со многими другими дисциплинами и содержит в себе исторический, этнографический, географический, социологический компоненты. Они помогают лингвистам выявить как специфику именованных объектов, так и традиции их наименования. Поэтому, хотя ономастика является частью лингвистики, она в то же время выходит за её рамки.

Этот выход за пределы лингвистики обусловлен экстралингвистическими факторами, которые являются для неё обязательными, так как для всестороннего изучения имён собственных в ономастических исследованиях необходимо учитывать данные многих других наук. Так, наряду с изучением имён лингвистическими способами, например, установление их языковой принадлежности, выявление фонетических закономерностей и морфологических чередований, разбор структурных типов имён, анализ письменных памятников, оп-

ределение эпохи и диалекта, выявление разного написания одного и того же имени, необходим также экстралингвистический анализ, который учитывает возникновение объектов, изменение их наименований, последовательность географических открытий, передвижение племён и переселение народов, изменение в социальном строе общества.

Например, ономастика тесно связана с этнографией, так как наименование человека было часто обусловлено определёнными обрядами, различными у каждого народа; также образ, положенный в основу имени, индивидуален.... Кроме того, имена и прозвища, используемые в разговорной речи, неразрывно связаны с реалиями, традициями, религией, условиями жизни, свойственных определённому народу, т.о. анализ имён собственных может дать ценную информацию этнографам. В то же время изучение разных формул именования в различных частях страны, которые могут быть обусловлены, например, культурно-бытовыми контактами с представителями различных народностей, невозможен без этнографических данных.

Для историков важен анализ родовых имён, так как, благодаря ему, можно выяснить происхождение отдельных племён и их связь с другими племенами. С другой стороны, летописи, родословные, купчие, донесения и другие исторические документы помимо того, что служат для получения исторических сведений, также содержат важный материал для ономастических исследований: на их примере можно проследить развитие и изменение способов наименования, изменение форм имён, моду на имена и многое другое.

Особое значение ономастика имеет для археологии, так как имена, встречающиеся в археологических текстах, будучи узнаваемыми, сохраняют черты исчезнувших языков, благодаря чему, возможна хотя бы частичная реконструкция уже вымерших языков. Так собственные имена помогли расшифровать египетские иероглифы, вавилонскую клинопись, позволили прочитать памятники хеттского языка, языка майя и многих других.

Имя может выражать социальный статус человека и, таким образом, определять его положение в обществе, его юридические права и привилегии. В именах также отражаются любые изменения в социальном строе общества: например, переход от матриархата к патриархату отразился в ономастике изменением традиции передачи родового имени – в отличие от предыдущего строя, родовое имя начинает переходить от отца к сыну.

Ономастика также связана с литературоведением, т. к. имена играют важную роль в литературном произведении: они являются ориентиром во времени и пространстве, например, в произведениях реализма писатели дают своим героям имена, встречающиеся в повседневной жизни, 'типовые' для описываемой социальной группы или эпохи, в юмористических произведениях

встречаются «говорящие» имена. Романтики используют имена необычные, не похожие на имена окружающих, тем самым привлекают внимание к своим героям, заявляют о необычности и трагичности их судьбы, и в то же время претендуют на пространственную отдаленность действия от современности: странное, необычное имя героя или название страны уводит читателя от реальности в далёкое путешествие. Языковая информация имени может также использоваться автором как добавочная характеристика персонажей, когда ассоциация собственного имени с аппеллятивом, от которого оно произошло, помогают писателю раскрыть черты характера героя.

Итак, следует подчеркнуть, что на имена собственные влияют все факторы окружающей среды: 1) географический – особенности ландшафта, погоды, атмосферные явления; 2) биологические факторы обуславливали появление имён, отражающих различные биологические свойства человека, 3) общественная жизнь также влияла на имена людей. В каждую эпоху имена имеют своё идеологическое и социологическое наполнение. Некоторые имена в определённый период входят в моду, благодаря поведению или личности их носителя.

Необходимо также сказать, что ономастика делится на:

1) антропонику, которая изучает любые собственные имена, которые может иметь человек (или группа людей): личное имя, фамилию, отчество, прозвище, кличку и т.д. Антропонимы могут быть индивидуальными (микрoантропонимы) и групповыми (макрoантропонимы);

2) топонимику, изучающую именование географических объектов, в которой выделяются: оронимы – названия гор и других возвышенностей; дримонимы – названия лесных массивов; спелеонимы – названия пещер, гротов, подземных систем; гидронимы – названия всех водных объектов и т.д.;

3) зоонику, исследующую имена различных животных. В основном, зоонимы образуются от слов, обозначающих возраст, размер, масть, внешний вид и даже свойства характера животных;

4) фитонику, занимающуюся изучением индивидуальных названий отдельных растений, которые довольно редки в наши дни, так как именование растений восходит к эпохе анимизма, когда растения одухотворялись и считались воплощением богов;

5) мифонику, анализирующую именование людей, животных, растений, географических и космографических объектов, различных предметов, которые в действительности никогда не существовали;

6) космонимику, изучающую названия галактик, туманностей, созвездий, звёзд, планет, астероидов, комет;

7) хремотоники, занимающуюся исследованием собственных имен отдельных неодушевленных предметов, например, оружия, музыкальных инструментов, драгоценностей, посуды и т.д.

Из сказанного становится ясно, что имена собственных разных типов пронизывают все сферы человеческой деятельности. Их состав, социальная и идеологическая нагрузка определяется историческими, социальными, экономическими, культурными и многими другими экстралингвистическими факторами, которые необходимо учитывать при лингвистическом анализе собственных имён.

В истории философии и ономастических исследований существует несколько теорий о том, что есть имя. В данной статье представляется целесообразным рассмотреть несколько из них, чтобы дать общее представление о ситуации, сложившейся в науке на сегодняшний день.

Первая теория, которую мы рассмотрим, была выдвинута Джоном Стюартом Миллем, который утверждал, что у имен собственных нет значения или коннотации. Они всего лишь являются обозначением индивидуальных лиц, индивидуальных предметов, но не указывают и не подразумевают каких-либо черт, свойственных этим предметам, то есть их задача – указать на предмет, а не сообщить о нем какую-либо дополнительную информацию.

С другой стороны, такие имена, как, например, «человек», помимо того, что обозначают бесчисленное количество индивидов, привносят определенные признаки, такие как материальность, принадлежность к живому миру, внешние формы, которые мы считаем человеческими, разумность и т.д. Таким образом, каждый раз, когда названия предметов (имена нарицательные) дают какие-либо сведения об этих предметах, то есть имеют значение, данное значение заключается в том, что они коннотируют, а не в том, что они обозначают. Единственными же названиями предметов, лишёнными коннотации, являются имена собственные и, следовательно, эти имена не имеют никакого значения¹.

Основными чертами теории Милля являются:

1. Все имена нарицательные коннотируют². Имена собственные не являются коннотирующими, они всего лишь обозначают индивидов, но не показывают какие-либо характерные черты, присущие данным индивидам³.

2. Быть коннотивным значит передавать информацию. Следовательно, так как имена собственные являются неконнотивными, то они, по Миллю, не передают информацию. Иными словами, когда мы, указывая на человека, называем его по имени: – это Браун, то мы не сообщаем слушателю никакой информации об этом человеке, а только то, что его так зовут⁴.

3. Имя собственное – это ничего не значащий знак, который соединяется в нашем сознании с представлением об объекте, для того, чтобы в тот момент, когда мы видим или слышим этот знак

(слово), мы могли бы вызвать в нашем сознании этот объект⁵.

Приверженцами данной теории также являются:

1. Бертельсен Г. утверждал, что имя собственное называет объект без указания на обстоятельства, которые являются характерными для индивида или индивидов, носящих это имя.

2. Кристоферсон П. считал, что имя собственное является символом, напрямую обозначающим конкретного индивида, и являющимся его единственным значением.

3. Дидерихсен П.: имена собственные – это слова, которые называют объекты, но не описывают их.

4. Кейнес Д.Н. говорил, что имя собственное – это имя, которое прикрепляется как знак, для того, чтобы отличать одного индивида от другого, но оно не включает в свое значение каких-либо атрибуций.

5. Рассел Б. в своих ранних работах придерживался мнения, что такие слова как Джон всего лишь указывают на объект, но не обладают значением.

Согласно второй теории, имена собственные являются в той или иной степени произвольными знаками, в отличие от других знаков. Ее приверженцами являются, Ф. де Соссюр, А.Г. Гардинер, О. Есперсен, Б. Рассел и др. Ф. де Соссюр утверждает, что символ (знак, имя) является произвольным, так как нет естественной связи между знаком (обозначением) и его значением. Иными словами, мы даем имена объектам не зависимо от их природы. Гардинер считает, что не все имена собственные произвольны. Например, фамилии не совсем произвольны. Он говорит, что чем более произвольно имя, тем более оно является настоящим именем⁶. Такого же мнения придерживается и О. Есперсен. В своей книге «Философия грамматики» он не соглашается с мнением Дж. С. Милля, что имена собственные не имеют никакого значения. Для него главное значение имеет «само употреблением имен собственных говорящими и понимание их слушающими»⁷. В отличие от Милля, Есперсен также уверен, что имена собственные обладают большим количеством признаков, чем имена нарицательные, а следовательно имена собственные «коннотируют» наибольшее количество признаков. Чтобы проиллюстрировать свою точку зрения, он приводит такой пример: «Когда вы слышите о каком-нибудь человеке в первый раз или в первый раз встречаете его имя в газетах, вы не знаете о нем ничего, кроме имени; но чем больше вам приходится слышать о нем и видеть его, тем больше его имя наполняется для вас содержанием. Подобным же образом, по мере того как вы читаете роман, возрастает и ваше знакомство с персонажем романа. Однако то же самое наблюдается и в случае с «именем нарицательным», когда мы слышим его впервые, например, со словом *ichneumon* «ихневмон»: здесь опять-таки зна-

чение, или коннотация, растет по мере роста вашего знания. Отрицать это можно было бы, только если считать, что коннотация является чем-то присущим имени и существующим вне сознания человека, который знает и употребляет это имя; однако такое предположение абсурдно и противоречит правильным понятиям о сущности языка и человеческой психики»⁸.

Он приходит к выводу, что нельзя провести четкой границы между именами собственными и нарицательными, так как различие это количественное, а не качественное: «Таким образом, в результате исследования мы пришли к заключению, что между именами собственными и именами нарицательными нельзя провести четкой границы, поскольку различие между ними количественное, а не качественное. Название всегда коннотирует качество или качества, по которым узнается его носитель или носители, своими качествами отличающиеся от других лиц или предметов. Чем более своеобразным и специфичным является обозначаемый предмет, тем более вероятно, что название ему будет дано произвольно, и тем более оно приближается или даже превращается в имя собственное. Если говорящий хочет указать на конкретное лицо или предмет, он имеет иногда в своем распоряжении специальное название, т. е. имя собственное, которое в данной ситуации будет понято как обозначение этого лица или предмета; иногда же ему приходится составлять из других слов сложное обозначение, достаточно точное для этой цели.»⁹.

Третья теория гласит, что существуют обычные имена собственные и «логические» имена собственные (местоимения). Ее разрабатывали Рассел Б., его ученица Стеббинг Л.С. и другие. Рассел первым ввел представление о двух типах дескрипций: неопределенных (*descriptive phrase*) и определенных (*demonstrative symbols*). Неопределенные дескрипции, под которыми подразумевается аппеллятив *'politician'* или аппеллятивная фраза *'honest politician'*, характеризуют классы предметов, т.е. они выражают общие «имена», например: человек, число, диван, дом и т.п. Это символ, который приписывает объекту характеристики и значения, независимые от контекста, в котором он употребляется. Мы понимаем употребление подобных «имен», так как знаем, что они обозначают, и это знание опирается на неопределенную дескрипцию, которая выражает их смысл. Дескрипция, соответствующая этим «именам» характеризует целую область значений (референтов), подпадающих под описание этой неопределенной дескрипции, а не относится к какому-то единственному, конкретному индивиду.

Таким образом, причина, по которой мы можем понимать и использовать описательные фразы (дескрипции, *descriptive phrases*), даже если их референтов не существует в действительности, состоит в том, что значение подобных фраз не завис-

ти от контекста. Подобным именам соответствуют концепты, т.е. ментальные образования, а не какие-то реальные индивиды. И наоборот, определенной дескрипции (*demonstrative symbol*), такой как «ученик Платона», «автор Ваверлея», соответствует один единственный и уникальный индивид.

Для того, чтобы понять дескрипционный характер подобных имен, Рассел советует применить логический аппарат пропозициональных функций. И тогда выражения типа «Я встретил человека» может быть переписано на языке пропозициональных функций таким образом: «Я встретил, и – человек», где курсивом выделена пропозициональная функция, которая при одних собственных значениях может быть истинной, а при других – ложной. Здесь собственными значениями подобных пропозициональных описаний является множество собственных имен: Джон, Джек, Джейн, и т.д. Следовательно, выражение «– человек» представляет собой неопределенную дескрипцию. В случае определенной дескрипции существует лишь одно собственное значение (референт), соответствующее этому описанию. Из этого можно сделать вывод, что определенная дескрипция (*demonstrative symbol*) – это символ, обозначающий объект, с которым мы непосредственно знакомы. Он просто демонстрирует или указывает на объект. У него нет значения вне объекта, на который он указывает. И так как он обозначает объект без приписывания ему каких-либо характеристик, то он будет бессмысленным, если не будет объекта, который он обозначает.

По Расселу, неопределенная дескрипция имеет лишь концептуальное (ментальное) значение, т.е. описывает мысленный (пусть и фантастический) образ. Определенная дескрипция описывает единственный факт, относящийся к вполне определенному индивиду, следовательно эта дескрипция имеет определенный смысл и определенный, единственный референт. И определенная, и неопределенная дескрипции, согласно теории Рассела, отличаются от имен собственных. Имя собственное всего лишь называет индивида, ничего о нем не утверждая, следовательно, оно никогда не может быть дескрипцией. «Имя есть простой символ, значение которого представляет собой то, что может употребляться только в функции субъекта, то есть нечто, обозначенное нами как индивид, или «частный случай», «особь» («a particular»)»¹⁰. Мы не можем сказать об имени ложно оно или истинно, так как оно не описывает никакого факта, вымышленного ли, реального ли. Следовательно, имя не имеет смысла, оно всего лишь напрямую соотносится с референтом актом наименования того, что есть. «То, что ничего не называет, именем не является»¹¹. Имя не описывает индивида, оно является удобным символом для его обозначения.

Теорию, выдвинутую Расселом и развитую его ученицей Л.С. Стеббинг, критикует П.Ф. Стросон. Он также придерживался теории, что имена собст-

венные не обладают смыслом и имеют только условное значение, т.е. выполняют функцию простых меток, индикаторов единичных объектов. По мнению Стросона, Рассел преувеличил роль дескрипций в процессах референций. В своих высказываниях Стросон делает ударение на том, что хотя, согласно теории Рассела, процесс референции, который определяет предмет, обусловлен семантическими свойствами, содержащимися в описательной фразе (*descriptive phrase*), на самом деле в реальных коммуникативных актах одних семантических свойств не достаточно для установления референта. Например, выражение «нынешний король Франции» будет означать разных референтов для собеседников XVII и XVIII веков. Следовательно, референция зависит от условий коммуникации, от общего фона знаний собеседника и всегда является функцией употребления именного выражения. Имя собственное, по Стросону, не имеет каких-либо смысловых значений. Имя собственное само по себе не содержит описания какого-либо конкретного лица и может быть использовано для обозначения разных лиц. Вне коммуникативного контекста оно ничего не значит.

Существует также диаметрально противоположная теория, согласно которой имена собственные обладают большим значением, чем другие знаки, или что их значение бесконечно. Эта теория довольно молода и еще не совсем оформилась. Среди ее приверженцев можно выделить Ф. Брандта, А. Норина, Г. Суита и др. Брандт утверждает, что несмотря на то, что имена собственные обозначают единичный объект, их коннотативное значение теоретически может быть бесконечным. Норин в своих работах говорит, что с одной стороны, имена собственные ничего не значат, с точки зрения указания, уточнения каких-либо специфических характеристик объекта. С другой стороны, имена собственные значат больше, чем другие слова, так как они содержат в себе ссылку на всех, а, следовательно, на бесчисленное количество, индивидов, которых можно обозначить с их помощью.

Это всего лишь несколько теорий, активно обсуждаемых сегодня учеными. К сожалению ни одна из них не дает четкого и обоснованного ответа на вопрос, что же есть имя собственное, и как его следует рассматривать. Однако, если проследить эволюцию приведенных теорий, то становится очевидным, что в конце концов ученые смогут максимально приблизиться к истинному понима-

нию имени собственного. Важной также представляется попытка синтеза некоторых теорий для достижения более полного понимания проблемы.

С другой стороны, осознание учеными того, что имена собственные – это важный аспект исследований не только лингвистики, но и смежных с ней

наук, таких как философия, история, этнография и многих других, является огромным достижением науки двадцатого века.

¹ «A connotative term is one which denotes a subject and implies an attribute...A non-connotative term is one which signifies a subject only» J.S. Mill «A System of Logic, Rationative and Inductive». London, 1862. P. 31.

² «All concrete general names are connotative. The word *man*, for example, denotes Peter, Jane, John, and indefinite number of other individuals, of whom, taken as a class, it is the name. but it is applied to them, because they possess, and to signify that they possess, certain attributes». Ibid P. 32.

³ «Proper names are not connotative: they denote the individuals who are called by them; but they do not indicate or imply any attributes as belonging to those individuals». Ibid P. 33.

⁴ «When we predicate of anything its proper name; when we say, pointing to a man, this is Brown..., or pointing to a city, that it is York, we do not...convey to the hearer any information about them, except that those are their names». Ibid. P. 37.

⁵ «A proper name is but an unmeaning mark which we connect in our minds with the idea of the object, in order that whenever the mark meets our eyes or occurs to our thoughts, we may think of that individual object». Ibid P. 37.

⁶ «The purest of proper names are those of which the sounds strike us as wholly arbitrary, yet perfectly distinctive, and about which we should feel, if ignorant of their bearers, no trace of meaning or significance. Such names are Vercigetorix and Popocatepelt». Gardiner A.H. The Theory of Proper Names. London 1940. С. 22–23.

⁷ О. Есперсен. Философия грамматики, М. 1958.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Рассел Б. Дескрипции // Новое в зарубежной лингвистике. М. Вып. XIII. 1982.

¹¹ Там же.

Поступила в редакцию 12 апреля 2008 г.

КОГНИТИВНОЕ ОПИСАНИЕ МОДАЛЬНОСТИ ВНУТРЕННЕГО МОНОЛОГА

Р.М. Салимова

Статья посвящена проблеме модальности внутреннего монолога. Представлено его когнитивное описание.

Ключевые слова: внутренний монолог, модель, субъективная модальность, когнитивная модель, фрейм, сценарий, внутренний мир героя.

Художественное произведение есть субъект или субъектное переживание, представленное в объективном виде. Согласно М.М. Бахтину, художественная форма соединяет два переживания одной и той же изображенной субъектности, переживание героем- субъектом изнутри и оформление его переживания извне автором¹. Примечательным достижением литературы XX века является стремительное развитие техники создания субъектных инстанций внутри произведения – развитие техники «точки зрения», превращение форм передачи чужой речи в формы изображения чужой субъективности вообще. В дальнейшем это приведет к господству множества видов «свободного косвенного дискурса» в прозе XX века. Перед литераторами встает вопрос о том, как разрешить задачу осмысления жизни не с собственной позиции, не от себя, а с позиции как будто внутри самой действительности, в плане объективной реальности. Таким образом, автор дистанцирует главную смысловую инстанцию от самого себя и помещает ее в субъекте изображаемого речевого выступления, или в герое наблюдателе – переживателе изображаемой реальности².

При таком «субъективном» описании все действие в произведении последовательно изображается с какой-то одной точки зрения, то есть через призму восприятия одного какого-то человека (обычно с позиции в категории 1-го лица). Во многих случаях, (безразлично, будь то «я» или некий X), этот человек и выступает в качестве главного героя данного произведения; автор – а вместе с ним и читатель – как бы солидаризируется с ним, «вживается» в его образ. Данный человек дается «изнутри», но все повествование направлено на то, чтобы читатель мог взглянуть на него глазами других, то есть реконструировать взгляд «извне» на него. Так строятся некоторые произведения Хемингуэя, написанные от первого лица³. Внутренний монолог отражает мысли и раздумья героя. В этом случае описываются такие процессы (чувства, мысли, ощущения, переживания и т. п.), которые в принципе не могут быть доступны наблюдению со стороны (но о которых посторонний наблюдатель может лишь догадываться, проецируя внешние черты поведения другого человека на свой субъективный опыт).

В этом случае в описании могут встретиться специальные выражения, описывающие внутреннее состояние, в частности, глаголы ощущения «подумать», «почувствовать», «показаться», «знать», «вспомнить» и т. п. Глаголы внутреннего состояния при описании данного персонажа могут сопровождаться специальными модальными словами типа: «видимо», «очевидно», «как будто», «казалось» и т. п. Последние, тем самым, играют роль специальных операторов, которые позволяют переводить выражения, описывающие внутреннее состояние, в план объективного описания (иными словами, трансформировать описание изнутри в описание извне)⁴.

Ниже мы приводим конкретный пример- отрывок из романа Э. Хемингуэя «По ком звонит колокол»⁵, демонстрирующий возможности «субъективного» описания некоторого события (то есть использующего индивидуальное восприятие главного персонажа). Данный текст интересен тем, что в нем выделяется один речевой поток – персонажный. Наедине с собой герой размышляет, вспоминает, анализирует, планирует. Внутренний монолог разворачивается на шесть когезивных развернутых абзацев. Наиболее сложное для читательского восприятия – это предельная простота изложения, «прямое видение» (без обычных авторских пояснений, вводящих в курс событий) в сочетании на первый взгляд повторяемостью отдельных моментов, вкрапленных в неожиданные места. Убедительно раскрыт «республиканец» Роберт Джордан «изнутри» с его постоянной гложущей заботой о партизанах и самоотверженным героизмом. Интересны принципы подачи и организации материала (перебой мысли, параллельное и перекрещивающееся движение нескольких потоков мыслей), что еще раз подтверждает, что сознание обыкновенного человека хаотично, неправильно, фрагментарно.

В исследовании художественного отрывка мы используем методику построения и анализа статической вертикальной и динамической горизонтальной моделей информационно-смысловой структуры текста, разработанную В.М. Калимуллиной⁶. Данная методика позволяет установить когнитивную модель модальности текста. Учитывая то, что, модальность – это и текстовая категория, мы, вслед за А.Г. Барановым, принимаем в

качестве базисной его текстоцентрическую концепцию модальности, объединяющей два взаимодействующих языковых фрейма: референтивной и субъективной модальности⁷. В свою очередь, фрейм субъективной модальности состоит из подфреймов субъективно-личностной и субъективно-межличностной модальности. Сценами, активирующими фрейм субъективно-личностной модальности являются: эмотивная, эпистемическая, деонтическая и композитивная модальности. Фрейм субъективно-межличностной модальности активируется в соответствующих сценах эпистемической, аксиологической и деонтической модальности.

А теперь рассмотрим схему активации и взаимодействия фреймов референтивной и субъективной модальности в предложенном ниже отрывке: Four horses, Robert Jordan thought. The two women and me, Anselmo, Primitivo, Fernando, Agustin, what the hell is the name of the other brother? That's eight. Not counting the gypsy. Makes nine. Plus Pablo gone with one horse makes ten. Andres is his name. The other brother. Plus the other, Eladio. Makes ten. That's not one-half a horse apiece. Three men can hold this and four can get away. Five with Pablo. That's two left over. Three with Eladio. Where the hell is he? God knows what will happen to Sordo today if they picked up the trail of those horses in the snow. That was tough; the snow stopping that way. But it melting today will even things up. But not for Sordo. I'm afraid it's too late to even it up for Sordo. If we can last through today and not have to fight we can swing the whole show tomorrow with what we have. I know we can. Not well, maybe. Not as it should be, to be foolproof, not as we would have done; but using everybody we can swing it. If we don't have to fight today. God help us if we have to fight today. I don't know any place better to lay up in the meantime than this. If we move now we only leave tracks. This is as good a place as any and if the worst gets to be the worst there are three ways out of this place. There is the dark then-to come and from wherever we are in these hills, I can reach and do the bridge at daylight. I don't know why I worried about it before. It seems easy enough now. I hope they get the planes up on time for once. I certainly hope that. Tomorrow is going to be a day with dust on the road. Well, today will be very interesting or very dull. Thank God we've got that cavalry mount out and away from here. I don't think even if they ride right up here they will go in the way those tracks are now. They'll think he stopped and circled and they'll pick up Pablo's tracks. I wonder where the old swine will go. He'll probably leave tracks like an old bull elk spooking out of the country and work way up and then when the snow melts circle back below. That horse certainly did things for him. Of course he may have just mucked off with him too. Well, he should be able to take care of himself. He's been doing this a

long time. I wouldn't trust him farther than you can throw Mount Everest, though.

I suppose it's smarter to use these rocks and build a good blind for this gun than to make a proper emplacement for it. You'd be digging and get caught with your pants down if they come or if the planes come. She will hold this, the way she is, as long as it is any use to hold it, and anyway I can't stay to fight. I have to get out of here with that stuff and I'm going to take Anselmo with me. Who would stay to cover us while we got away if we have to fight here?

Фрейм референтивной модальности текста представлен сценой субъекта 1 и связанными с ней другими сценами субъекта 2 и субъекта 3.

Сцена субъектов в данном тексте:

S1 – Roberto Jordan, me, I;

S2 – the two women, Anselmo, Primitivo, Fernando, Agustin, gypsy, Pablo, Andres (the other brother), Eladio, three men, Sordo, we, he (Pablo), the old swine (Pablo), everybody, you, she;

Информация о неосновных лицах повествования раскрывается в сценах сопутствующих субъектов: S3 – they (enemies). Кваликативная часть сцены субъектов S1–S3 представлена лексическими единицами, привносящими в сцену информацию о количестве и внутренних качествах персонажей: (the two women, three men, the old swine, like an old bull elk spooking out of the country).

Сцена действий/состояний активируется целым рядом глаголов, характеризующих свойство существования вышеназванных субъектов и сопутствующих предметов. A1/S1: thought, know, can reach and do, worried, hope, wouldn't trust; A2/S2: can hold, can get away, can swing, move, will leave (tracks) and work way up...and circle back below; A3/S3: ride, will go, will pick up;

В информационном потенциале некоторых из этих глагольных единиц отмечается усиление динамического аспекта сцены и дается представление: о характере действия, направлении действия, а также называются ментальные состояния субъектов. Квалификаторы сцены действий соответствующих субъектов A1/StQ A3/StQ акцентируют разные части сцены: время (on time), интенсивность (farther than you can throw Mount Everest), оценку (with your pants down).

Сцены объектов действий субъектов.

O1: any place, the bridge, about it, (that) they get the planes up, him;

O2: this, the whole show, it, tracks;

O3: the trail of those horses, (that) he stopped and circled, Pablo's tracks;

Единственные квалификаторы, представленные в тексте акцентируют принадлежность. Сцена локальности активируется в тексте следующими лексическими единицами.

L1: wherever we are in these hills;

L2: away, out of this place, out and away from here, way up...back below;

L3: in the snow, up here... in the way;

Здесь выдвигаются такие части сцены локальности, как место действия, направление, местонахождение объектов относительно других предметов.

Следующая объемная сцена темпоральности активизируется следующими средствами:

T1: in the meantime; I can reach and do the bridge at daylight; ...why I worried about it before; now, for once.

T2: what will happen to Sordo today... We can swing the whole show tomorrow. If we move now we only leave tracks; a long time; as long as it is any use to hold it.

T3: if they picked up the trail of those horses, if they ride right up here they will go in the way ... they will think he stopped and circled and they will pick up...

Сцену темпоральности составляют части сцены реальности/ ирреальности. Лексические единицы плана реальности выделяют аспекты темпоральности:

1) предшествование (I don't know why I worried about it before.)

2) продолженность и повторяемость (He's been doing this a long time)

3) последовательность (I can reach and do the bridge. They will think he stopped and circled)

4) однократность (we've got that cavalry mount out and away from here)

5) одновременность (If we move now we only leave tracks)

N.B. Особый случай представляет вневременное настоящее время, обозначающую ситуацию, существующую всегда: She will hold this, the way she is, as long as it is any use to hold it..., а также переносное употребление настоящего времени вместо будущего для обозначения события, только воображаемого: Tomorrow is going to be a day with dust on the road.

Фрейм темпоральности в плане ирреальности ассоциирован с такими языковыми средствами, как:

1) модальность предположения (Not as it should be...not as we would have done. I wouldn't trust him farther than you can throw Mount Everest, though. You'd be digging and get caught...

2) модальность побудительности (God help us if we have to fight today)

3) сравнение (I wouldn't trust him farther than you can throw Mount Everest, though)

4) модальность условия (if they picked up the trail of those horses in the snow)

5) модальность возможности (Of course he may have just mucked off with him too)

Фрейм субъективно-личностной модальности анализируемого текста включает следующие сцены:

1) эмотивной модальности (эмотивной установки и психической реакции) в:

а) прямой определенной номинации – I'm afraid it's too late to even it up for Sordo. I worried about it before.

б) косвенной номинации – What the hell is the name of the other brother? Where the hell is he? That horse certainly did things for him. You'd be digging and get caught with your pants down ...Thank God we've got that cavalry mount out...

2) эпистемической модальности, предполагающей:

а) ментальную модальность

• полагания – I don't think even if ... I suppose it's smarter to use...

• знания / незнания – I know we can. I don't know any place better...God knows what will happen to Sordo today...

• допущения – Not well, may be. He will probably leave tracks...It seems easy enough now;

• уверенности – I certainly hope that. That horse certainly did things for him. Of course he may have just mucked off with him too;

б) волеизъявления и намерения – I'm going to take Anselmo with me;

с) долженствования If we don't have to fight today. Well, he should be able to take care of himself. I have to get out of here...If we have to fight here;

д) умения или возможности/ невозможности – Three men can hold this and four can get away. If we can last through today...we can swing the whole show tomorrow with what we have. I can reach and do the bridge. I can't stay to fight;

3) деонтической модальности (представленной набором операторов оценки);

а) общей оценки – That was tough; the snow stopping that way. Not well, may be. This is as good a place as any...If the worst gets to be the worst...

б) эстетической оценки- today will be very interesting or very dull (very- интенсификатор);

с) нормативной оценки – It seems easy enough now (enough – интенсификатор) I suppose it's smarter to use a good blind for this gun than to make a proper emplacement for it. Not as it should be, to be foolproof...;

д) интеллектуальной оценки – I suppose it's smarter to use... ..;

4) композитивной модальности:

а) плеоназм- Well, today will be very interesting or very dull; Well, he should be able to take care of himself;

б) логическая связь противопоставления But it melting today will even things up. But not for Sordo;

с) соединительная логическая связь – He'll probably leave tracks...and work way up and then...circle back below;

д) композиционно-стилистические средства:

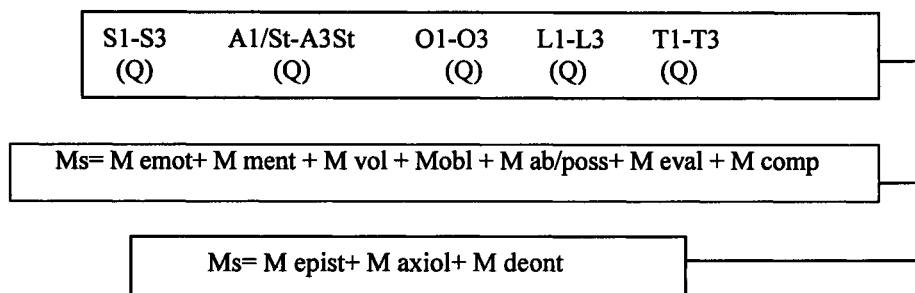
• эмфаза – There is the dark then to come...;

• риторический вопрос: Who would stay to cover us while we got away if we have to fight?

Активация фрейма субъективно-межличностной модальности осуществляется субъективно-оценочными предикатами, перформативными глаголами, операторами референтивной модальности, а также социокультурным контекстом. Основное ее содержание – интенциональность. Сцена эпистемической модальности, представляет «мир, как он есть» и реализуется, в основном, через повествовательные предложения.

Интенциональность аксиологической модальности выражается в оценке: общей, частной, положительной, отрицательной. Авторская отри-

цательная оценка того, что происходит, выделена в тексте-источнике курсивом. Положительная оценка выделена в тексте подчеркнутым курсивом. В процессе повествования выстраивается блок деонтической модальности, декларирующий картину мира «как должно быть» (подчеркнуто в тексте-источнике). Итак, в тексте осуществляется тесное взаимодействие языковых фреймов референтивной и субъективной модальностей. Модальности текста распределяются диффузно – с существенной долей проникновения. Полная прототипическая схема их взаимодействия имеет следующий вид (см. рисунок).

Рисунок

Внутренний монолог представлен в тексте комплексом субъектов 1, 2 и 3. Сравнение представления референтивной модальности в комплексах данных субъектов дает основания для выявления сходств и различий. В них достаточно полно представлены сцены субъектов, действий/ состояний, объектов и локальности. Но квалификаторы всех сцен одинаково страдают ущербностью. Различия в представлении референтивной модальности в комплексах вышеназванных субъектов проявляются в сцене темпоральности, а именно: план реальности наиболее полно представлен комплексом субъекта 2 (продолженность, последовательность, однократность и одновременность действия), частично представлен комплексом субъекта 1 (предшествование и последовательность). План ирреальности представлен комплексами субъекта 2 (модальность предположения, побудительности, возможности), субъекта 1 (модальность предположения, сравнения) и субъекта 3 (условия). Следовательно, можно отметить, что референтивная модальность комплекса субъекта 2 представлена наиболее эксплицитно. Субъективно-личностная модальность (эмотивная, эпистемическая, деонтическая и композитивная) в большей степени представлена комплексом субъекта 1, чем 2. Субъективно-межличностная модальность весьма избыточно представлена комплексом субъекта 1 и имплицитно комплексом S 2.

Итак, субъективно-личностная модальность выступает в тексте квалификатором как когнитив-

ного компонента текста, так и субъективно-межличностной и референтивной модальностей. В связи с тем, что комплекс субъекта 1 превалирует, можно сделать вывод, что для данного текста характерна функциональная перспектива персональности. В данном тексте-источнике художественно-отображенная внутренняя речь выделяет один речевой поток – персональный, слово официально передается действующему лицу. Между авторским «Я» и субъектами репрезентации наблюдается факт слияния, амальгамирования, что дает возможность художественного осмысления действительности.

¹ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 353

² Йенсен П. А. «Вот она я!»: заметки о развитии реалистической прозы и «проблеме третьего лица». Лотмановский сборник №3. М., 2004. С. 666–667.

³ Успенский Б.А. Поэтика композиции. СПб.: Азбука, 2000. С. 150.

⁴ Там же. С. 145.

⁵ Хэмингуэй Э. По ком звонит колокол. М., 1981. С. 303.

⁶ Калимуллина В.М. Роль глагольных единиц в реализации информативной функции языка в тексте. Уфа, 1996. С. 56.

⁷ Баранов А.Г. Функционально-прагматическая концепция текста. Ростов-на-Дону, 1993. С. 101–102.

Поступила в редакцию 12 сентября 2007 г.

ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЗНАЧИМОСТИ ГОСТЕПРИИМСТВА В РУССКИХ ПАРЕМИЯХ

О.А. Турбина, Т.В. Захарова

Гостеприимство представляет собой сложный морально-религиозный и социально-правовой институт, в основе которого лежит опыт человеческого общения. Как базовый концепт русской культуры на языковом уровне гостеприимство находит свое выражение в многочисленном корпусе паремий. В данной статье русские паремии о гостеприимстве/негостеприимстве рассматриваются как с точки зрения отражения в них одного из древнейших проявлений социальности, так и в свете их функций в ритуалах института гостеприимства.

Ключевые слова: гостеприимство/негостеприимство, дар, обмен, щедрость, престиж, взаимность.

Одним из основополагающих принципов современной лингвистики на рубеже XX–XXI веков признается антропоцентризм. Его ведущая идея состоит в том, что язык не может быть понят и объяснен вне связи с человеком. Именно человек становится точкой отсчета в анализе тех или иных языковых явлений, которые изучаются прежде всего по их роли для человека, по их функциям для развития человеческой личности и языкового коллектива¹.

С антропоцентризмом связаны также такие принципы современного языкознания, как экспланаторность и экспансионизм. Описывая эти принципы, Ф.М. Березин отмечает, что экспланаторность заключается в том, чтобы не только описывать явления языка, но и находить им объяснение, что часто предполагает выход за пределы собственно лингвистической науки. Так принцип экспланаторности взаимодействует с лингвистической экспансией, позволяющей перейти к традиционным проблемам с новых позиций, используя для этого сведения и методы других наук². Поэтому на современном этапе развития науки лингвистика, хотя и оказывается одной из центральных, но далеко не единственной из наук, изучающих человека и человеческое общество. Сегодня такие науки объединяет общее название – антропологические науки. В их фокусе, наряду с основным объектом анализа – мыслящим, говорящим, действующим и активно создающим человеком, оказываются все аспекты его жизнедеятельности. Этим определяется интерес лингвистов к единицам языка, являющимся объектом исследования в разных сферах научного знания. К числу таких единиц принадлежат паремии³. Совмещая в себе опыт конкретных ситуаций и их оценку, паремии представляют собой неписанные (=некодифицированные) правила поведения человека в обществе.

Изучение такого многогранного морально-религиозного и социально-правового феномена, как гостеприимство, отраженного в многочис-

ленных паремиях и дополненное сведениями из таких нелингвистических наук как антропология, социология, культурология, философия, история, фольклористика, открывает возможности для комплексного, многомерного анализа этого социокультурного феномена вообще и паремий как языковых объектов его представляющих и объясняющих – в частности.

Гостеприимство это достояние человеческой культуры. Его не существует у животных, даже у животных общественных⁴. Отношения гостеприимства носят универсальный характер, они присущи самым разным народам мира, удаленным друг от друга во времени и пространстве, что предполагает наличие некоего общего мотива для их возникновения. Однако содержание отношений гостеприимства, а, следовательно, и характер отношений, были и остаются неодинаковыми в разных цивилизациях и в разные периоды времени. В настоящее время гостеприимство воспринимается в первую очередь как нравственная категория. Но нравственная сторона гостеприимства, равно как и ритуалы приема гостя, уходит корнями в глубокую древность, к первобытнообщинному строю⁵, ко времени накопления первичного опыта построения отношений между людьми.

Этнографические источники свидетельствуют, что гостеприимство наряду с родственными и брачными отношениями является древнейшим видом социальных связей. По мнению русского ученого Ю.И. Семенова, термин *гостеприимство* трактуется антропологами очень широко и под ним скрываются два разных явления. Он может использоваться для обозначения одной из форм *дележа тлщей* (*распределения добычи от охоты*), имевшей место внутри общины в раннепервобытном обществе. Закон гостеприимства в той его форме, в какой он тогда действовал, приводил к относительному выравниванию шансов на выживание. Ю.И. Семенов соглашается с Л.Г. Морганом, одним из первых западных ис-

следователей гостеприимства как социального явления⁶, в том, что закон гостеприимства существовал, вероятно, уже в родовом обществе на стадии раннепервобытной общины. При этом, Ю.И. Семенов подчеркивает, что необходимость делиться пищей имела не нравственную, а прагматическую основу: «естественный отбор и социальная эволюция доказывали, что выжить можно было только *сообща*, и выживали не наиболее приспособленные индивиды, а *наиболее приспособленные к жизни группы*, в которых существовали *социальные нормы* регламентации потребления, которые сформировали резко отрицательное отношение к накоплению ценностей в руках отдельных людей»⁷. Чаще всего гостеприимством называют не только угощение, но и оказание иных услуг, в частности – предоставление крова членам других общин. Поэтому идеалом того времени «была щедрость, прежде всего – в отношениях между членами одной общины. Такое отношение по инерции сохранялось очень долгое время после перехода к фазе позднепервобытной общины и даже предклассового общества. Общество продолжало обязывать человека быть щедрым, отдавать, что было возможно только в том случае, если в результате такого поведения коллектив сородичей обеспечивал *дающему* престиж. В итоге человек не мог добиться уважения от окружающих, если не дарил и не отдаривал»⁸.

Не рассматривая напрямую отношения гостеприимства, известный французский социолог и антрополог Марсель Мосс (1872–1950) в своем известном труде «Очерк о даре. Форма и основания обмена в архаичных обществах» (1925) одним из первых раскрыл «универсальную черту, свойственную всем первобытным народам, включая народы праиндоевропейской группы: в архаическом обществе *социальные отношения* устанавливаются и поддерживаются путем «общения имущества», то есть путем обмена дарами, являющимися *материальным заместителем социальной коммуникации*»⁹.

По мере увеличения разнообразия и количества средств существования закон гостеприимства на стадии позднепервобытного и предклассового общества все в большей и большей степени утверждался. На этом этапе появился *дарообмен*, требующий более высокого уровня социальных отношений, нежели простое *распределение*, поскольку он подразумевает учет «интересов *Другого*, что крайне тяжело для примитивного первобытного человека, аффективного по природе и этноцентричного»¹⁰. На этом основании Ю.И. Семенов предполагает, что как раз на этапе возникновения системы дарообмена, которая в этнографической литературе получила наименование престижной или церемониальной экономики, гостеприимство сложилось в целостную систему и было нередко связано с какой-либо

формой престижного или обычного дарообмена. Смысл гостеприимства на этой стадии развития общества ученый передает термином *гостедарообмен*¹¹. На данном этапе развития гостеприимства важнейшим был *принцип эквивалентности данного и полученного*. У многих народов, на стадии престижной экономики существовало достаточно четкое понятие «эквивалентность в форме отдаривания, самого разнообразного, вплоть до почтительного отношения к дарителю»¹².

Наиболее яркая историческая практика дарообмена существовала у первобытных индейцев северозападной Америки и некоторых других народов. Она была детально изучена М. Моссом и получила название *потлач*¹³. Потлачи – это распространенное явление престижной экономики, и хотя они выглядели как ритуальные или обрядовые действия, по сути представляли собой одну из форм социально-экономических связей. Термин *потлач* может быть применим также и к ритуально-обрядовым действиям древних славян.

По мнению Э. Бенвениста, «институт потлача помогает объяснить феномен гостеприимства, который является ослабленной формой первого»¹⁴. М. Мосс обращает внимание на две выдающиеся характеристики ритуала дарения в древнем обществе. Во-первых, дар в потлаче не является бескорыстным, дается не бесплатно, а для того, чтобы *вызвать взаимность*. Во-вторых, *взаимность*, вызванная этим обменом дарами, глубоко значима социально. «Суть везде одна и та же. Если дают вещи и возмещают их, то это потому, что друг другу дают и возмещают «уважение». Но дело также и в том, что, одаривая, отдают себя, а отдают с е б я потому, что именно с е б я вместе со своим имуществом «должны» другим»¹⁵.

Идея обмена нашла отражение в индоевропейских языках: она заложена в самой близости понятий «*брат*»/«*давать*», которые у древних индоевропейцев обозначались одним словом *do*. По наблюдению Э. Бенвениста, оно изначально могло приобретать либо значение «брат», либо значение «давать», в зависимости от синтаксической конструкции, в которой оно употреблялось. Глагол *do* означал лишь факт взятия, а его конкретный смысл уточнялся при актуализации в речи¹⁶.

В древних обществах в рамках теории обмена мыслились также и отношения между человеком и богом, а именно – как обмен дарами между богом и человеком: человек приносил дары (жертвоприношения – *hostia, gostiui*) Богу (взамен благорасположения и благодеяний, испосылаемых божеством человеку)¹⁷. Это нашло отражение и закрепилось в многочисленных русских поговорках, где в рамках ритуала гостеприимства в условных словесных формулах, выражающих взаимные благопожелания, просьбы адресованы непосредственно Богу:

Дай, Боже, чтобы все было гоже.

Накажи, Бог, да добром.

Дай, Бог, в честь да в радость.

Говоря о явлении *дарообмена*, на более близком к современности этапе, т.е. в развитом обществе, рассмотрим, какие определения даются входящим в него понятиям *дар* и *обмен*. Понятие *дар* в толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой определяется как «подарок, приношение, пожертвование»¹⁸. По словарю В.И. Даля *дар* – это и действие, и сам предмет, приношение, подарок, а также гостинец, побор, взятка¹⁹. Более развернутое определение дается в толковом словаре русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова, где понятие *дар* (подарок) включает значения предмет, вещь, которую по собственному желанию безвозмездно дают, преподносят, дарят кому-нибудь с целью доставить удовольствие, пользу²⁰. Под *обменом* понимаются «отношения в контексте *давать-брать*, отношения *между*, движения *vice-versa* между двумя сторонами, действие одной стороны и ответ на это действие другой»²¹. При этом указывается, что «Совокупность обменивающихся субъектов формирует *сеть*, взаимодействие внутри которой регулируется нормами, ценностями, обычаями, разделяемыми участниками сети»²². В социальном плане на тот факт, что гостеприимство является *формой универсального обмена*, указывает сама возможность колебания *между двумя сторонами одной социальной роли*, когда сегодняшний хозяин завтра может стать гостем.

На языковом уровне обменный характер гостеприимства нашел отражение в виде возможности соединения в одном слове значений *хозяин* и *гость*, то есть *тот, кто принимает* и *тот, кого принимают* (ср. лат. *hospes*, франц. *hôte*, рус. *гость/господарь*, т.е. хозяин), что делает акцент не на какой-либо одной стороне связи, а на *взаимных отношениях* хозяина и гостя. По словам Э. Бенвениста, «*hostis* всегда подразумевает взаимность»²³.

В отношениях обмена дарами на первый план выступает не столько экономическая выгода, сколько укрепление связей между людьми, поскольку такие взаимоотношения глубоко персонифицированы, имеют характер дружбы, родства, соседства. С.Ю. Барсукова отмечает, что особенность их состоит в том, что «Они мотивированы комбинацией двух противоположных принципов: с одной стороны, не предполагают прямую выгоду, а с другой стороны, не означают альтруистической готовности ничего не получить в ответ. Встречная помощь ожидается, по крайней мере, появляется моральное право на ее ожидание. Подразумевается соблюдение некоторого баланса интересов – в форме отдаривания»²⁴, хотя обязательность сторон имеют неформальный характер, что влияет на неопределенность санкций за их нарушение. Кроме того, по

мере развития общества все большую роль обретают моральные социальные нормы, которые подавляют ожидание непосредственной отдачи.

Необязательность, неформальность и неопределенность отношений дарообмена касается не только формы, но и времени ответных действий, что создает условия для их неравноценности. В итоге этим обеспечивается степень прочности долгосрочности таких взаимоотношений. Дело в том, что, как справедливо заметила С.Ю. Барсукова, обмен, который однозначно равноценен, в определенном смысле «невыводен, с точки зрения поддержания союза: он сравнивает счеты и тем самым открывает путь к расторжению отношений. Но если баланс не подводится, отношения поддерживаются «тенью задолженности», и это означает возможность будущего контакта»²⁵. Поэтому даже несвоевременные отдаривания принимаются с благодарностью в силу выполняемой ими символической функции.

Таким образом, релевантное для живой природы свойство *несимметричности* характерно и для социальных отношений, развивающихся естественным путем. К таким социальным явлениям принадлежит и институт гостеприимства, несимметричность которого противопоставляет его, например, институту деловых отношений, формирующемуся искусственным путем и в силу этого отличающегося симметричностью²⁶.

Отношения гостеприимства регулируются социальными и культурными нормами, но степень их регламентации носит условный характер, и определенный элемент принуждения, присутствующий в виде необходимости следовать нормам поведения, не всегда осознается. Поэтому модель поведения в таких отношениях выстраивается как на сознательном, так и на бессознательном уровнях и реализуется в виде «тщательно разработанных ритуальных действий»²⁷, для которых характерна «зрелищность и высокая символичность для всех его участников. Ритуал гостеприимства по своей природе и есть зрелище со своей драматургией»²⁸.

Этимологически тесно связанная с престижем и соперничеством, логика дарения включает человека в сеть общественных отношений, где престиж отдельной личности измеряется раздачей, а не накоплением²⁹. Об этом свидетельствуют и многочисленные русские пословицы:

Не приходом люди богатеют, а расходом.

Не о том речь, что много в печь, а о том, куда из печи идет.

Не доходом разживаются, а расходом.

Не случайно с древних времен идет обычай, что вожжи (а ныне высокопоставленные и почетные гости) на пирах едят мало; они должны *давать*, а не *брать*: *а хорошим гостем хозяин сыт*. И напротив – много едят зависимые и простые люди:

Ешь, Гришка, не жалея хозяйского добришка.

Будут голодные, – съедят и холодное.

Следует отметить, что гостеприимство, являясь древнейшим базовым концептом русской культуры, находит свое выражение в многочисленных пословицах, точный возраст которых определить довольно сложно. Дошедшие до нас русские пословицы о гостеприимстве / негостеприимстве продолжают быть актуальными и доказывают все ту же направленность моделей поведения гостя и хозяина на социальную пользу. Так, символические пригласительные, приветственные, застольные, благодарственные речи помогают пройти адаптацию друг к другу:

Просим милости откушать зелена вина, отведать хлеба-соли.

Садитесь за скатерти браные, за напитки пьяные.

У меня хлеб чистый, квас кислый, ножик острый, отрежем гладко, поведем сладко.

Русские пословицы выполняют не только контактоустанавливающую функцию, но и не менее важную функцию театрализации отношений между людьми, направленную на констатацию отношений и их дальнейшее сохранение³⁰:

Тешь мой обычай, садись в головы.

На двор зазывай, а со двора не тускай.

Публичность и театральность дарения компенсировала отсутствие письменных свидетельств. Общественная память об этом событии играла роль современного нотариального акта. Поэтому дары вручались публично, только во время праздника, и чем торжественнее был ритуал, тем выше ценился дар:

Велик почет не живет без хлопот.

Больше почет – больше хлопот.

Традиции и ритуалы, регулирующие дарообмен, как уже отмечалось выше, требовали строгого соблюдения обязанностей *дарить, принимать дары и возмещать (отдариваться)*. В древнем потлаче под *обязанностью дарить*, равно как и под *дарами*, понимались не только предметы движимого и недвижимого имущества, но и приглашения на участие в пирах (приглашение к застолью), знаки внимания, услуги. В любой ситуации, выходящей за рамки повседневности, нужно было устроить торжество, пригласить гостей. Эти обычаи отражены в русских поговорках:

Русский человек хлеб-соль водит.

Милости прошу к нашему шалашу!

Есть блин, так вместе съедим.

Кипите, щи, чтоб гости шли.

Дары являлись важной составляющей долгосрочных отношений. Поэтому размаху и торжественности дарения придавалось первостепенное значение:

Дома-то и не голод, да подарок-то дорог.

Принимают, за обе руки берут да в красный угол ведут.

Пиво вари да гостей зови!

Во времена престижной экономики проявить свое стремление к лидерству, повысить и поддержать престиж, продемонстрировать свое богатство было возможно, лишь тратя и распределяя его:

Кто широко живет, тот не запирает ворот.

Кто барствует, тот и царствует.

Поскольку в психологии обычая дарообмена доминирует состязательность, щедрость дарения имела первостепенное значение, и в щедрости все старались превзойти друг друга. Быть дарителем, то есть гостеприимцем, было почетно, престижно; его чествуют, прославляют:

Каков дар, таков и поклон.

Хорошо натирется – хорошо и вспомнется.

И напротив, жадность или негостеприимность хозяина были предметом осуждения и роняли его авторитет в обществе:

Что и чести коли нечего есть.

Что и чины, коли нет ветчины.

Степень влияния и уважения хозяина среди соплеменников, наряду с обилием даров и угощения, измерялась количеством собравшихся на его потлач гостей:

Гость на гость – хозяину радость.

Собралось гостей со всех волостей.

Гости на двор, так и ворота на запор (чтобы не выпустить их).

Такая установка, помимо укрепления престижа и авторитета хозяина, преследует также и миротворческую внутри данного сообщества цель. Хотя она по преимуществу интуитивна и, следовательно, имеет имплицитный характер, установка на утверждение мирных добрососедских отношений была крайне важна на ранних стадиях развития общества. В результате соблюдения ритуала гостеприимства гость уже не *чужой, а свой*. Обмены угощениями и дарами в данном контексте играют роль страховки: партнеры (гости) как бы дают обязательство во всем помогать друг другу. Чем больше у хозяина таких гостей, тем прочнее и шире его социальная опора, тем свободнее он чувствует себя и тем выше его репутация:

Старая хлеб-соль не забывается.

Поэтому каждый хозяин стремится руководствоваться принципом: надо приглашать всех, кто может и очень хочет прийти на потлач:

Прошу не всех поименно, а всех поголовно.

Просим, oprичь хором, всем двором (т.е.в гости).

Бог велит всех знать (со всеми знаться).

Хлеб-соль в воротах, так не своротить.

Нарушение этого принципа грозит неприятностями, опасностью, напряжением во взаимоотношениях. Это нашло отражение в фольклоре различных народов, где звучит тема мести злых волшебников, которых забыли пригласить на торжество (заметим в скобках – забыли, а не

умышленно обошли приглашением!). В русских поговорках эта тема также присутствует:

Горько пить вино, а обнесут (мимо) – больше того.

Двери отворили, а нас не пустили.

Отсюда настойчивый совет:

Всем подноси, никого не обноси; доброму для добра, худому для худа. Хоть не в том ряде, да в том же стаде.

Если же хозяин претендует на благополучие и хочет заслужить высокое положение в обществе, он не имеет права отказать в гостеприимстве никому:

К нашему господину везде (всем) входимо.

На пиры и братчины незваны ходят.

Обязанность принимать приглашение (дар) носит не менее принудительный характер:

Зову почет отдавай.

Отказаться от дара, от потлача нельзя, даже если в качестве дара выступает вещь, которая абсолютно не нужна получателю: «Отказ от дара рассматривается как оскорбление. Если, приняв дар, человек получал друга, союзника, то, отказавшись принять его, он наживал врага»³¹:

Чем дарят, тем не корят.

Дареному коню в зубы не смотрят.

Отвергнуть дар, значит обнаружить боязнь необходимости вернуть, следовательно – потерять «вес» своего имени, заранее признать себя побежденным:

Утешно даром брать, да трудно отвечать и трудно отдавать.

Даром дадут ломоть, да заставят неделю молоть.

Дадут хлеба – дадут и дельца.

С другой стороны, отвергая приглашение или подарок, гость объявляет о своем превосходстве:

Недопиваешь, так недолюбливаешь.

В любом случае отказ гостя принять дар от хозяина приводит к разрыву отношений.

Особой разновидностью дара в потлаче является трапеза. М.Саллинз отмечает, что традиция кормить гостей возникла еще на стадии раннепервобытной общины³². В русской культуре пир (трапеза) также восходит к глубокой древности и сохраняется по сей день:

Умел в гости звать, умей и угощать.

Угощать гостя, значит потчевать хлебом-солью. Не случайно само слово потчевать является производным от лексемы честь: потчевать значит оказывать честь, угощая едой и питьем:

Честно поднес – под самый нос.

Против сытости не спорим, а бесчестья на хозяина не кладите.

У нас на Руси прежде гостю поднеси.

Следует отметить, что в социальном аспекте пища особенно символична. Это точный барометр, ритуальное выражение состояния социальных отношений:

Нам хоть крошки, да с той же ложки.

Предложение угощения как проявление гостеприимства символизирует хорошее отношение к гостю и общность интересов:

Хоть за нижним концом, да за тем же столом.

Пища, таким образом, используется как индикатор гостеприимства: *Дары и постылого в любовь приведут.*

Если еда не предлагается или не принимается, значит – отношения плохие:

Тот не мой, кто уехал домой.

Кроме того, в обычаях русской культуры щедрость в угощении гостей прямо связывается с дальнейшим благополучием хозяев. Эта особенность отражена и в русских поговорках, где явно проявляется настойчивость в предложении еды и напитков:

Ешьте, пейте: хозяйского хлеба не жалейте.

Приневольтесь собой – покушайте, аль вам хозяйского хлеба-соли жаль?

Ешь, как огнем прижги (дочиста).

Режь да ешь, когда подкладывают.

Обязанность отдариваться перед хозяином гость мог исполнить уже на пиру:

Приедут гости, привезут и гостинцы.

Однако этого было недостаточно. Любое торжественное дарение, то есть акт гостеприимства, предполагало одно или несколько ответных праздников, отдариваний, которые предлагали бывшие гости и на которые приглашались бывшие хозяева:

Хорош тот, кто поит да кормит, а и тот не худ, кто хлеб-соль помнит.

Любишь гостить, люби и к себе водить.

Хлеб-соль – отплатное дело.

Подарки любят отдарки.

Дар дара ждет.

Ряд поговорок прямо намекают на необходимость материального вознаграждения за доброе отношение, услугу и т.п.:

Спасибо за пазуху не положишь.

Спасибо не кормит, не греет.

Спасибом сыт не будешь.

Если не отдаривают, навсегда теряют «лицо», что в потлаче, в игре даров, равносильно тому, как теряют его на войне или вследствие ритуальной ошибки:

Коли дома не пекут, так и в людях не дадут.

И жито (гощенье) забыто, и пиво не в честь.

Традиция превзойти соседа в ритуале гостеприимства сохранилась до наших дней. По сей день в языках мира сохраняется лексика, возникновение которой напрямую связано с обычаем потлача. П. Ларделье, в частности, отмечает, что «Состязание, жертвоприношение, культ, видимость – все эти слова обладают специфическими коннотациями, и все они могут отсылать к по-

тлачу»³³. Демонстрацией щедрости хозяин утверждает собственную честь и влияние:

Гостю почет – хозяину честь.

Чье вино, того и заздравьце.

Как праздник у соседа близко, так ему кланяются низко.

Однако щедрость – это также и выражение социальной установки, обусловленной «архаическим отношением к собственности»³⁴:

Гостю щей не жалей, а погуще налей.

Жалеть вина – не употчевать гостя.

Не будь гостю запасен, а будь ему рад.

Гость доволен – хозяин рад.

По свидетельству Ю.И. Семенова, «Траты на организацию и проведение приема гостей, выставление на стол всего, что есть в доме, по сути своей сближаются с жертвоприношением»³⁵:

Все, что есть в печи, все на стол мечи.

Гость на двор, и хвост на стол (остатки, что есть),

а «в крайних проявлениях потлача собственное имущество даже не дарят, а просто разрушают»³⁶:

Хоть овин (дом) огнем гори, а брагу вари! (и приглашай!)

Что было, то спустил, что будет, и на то угостил.

Балы да тирушки повыведут полушки.

Доплясались, что без хлеба остались.

И хотя «результатом такой формы потлача является удаление материальных ценностей из общества, а не их распределение, логика ее тем не менее все равно основывается на принципе общественной пользы: хозяин следующего потлача вынужден трудиться, чтобы превзойти щедрость того, кто бросил ему вызов»³⁷.

Явные следы потлача обнаруживаются во многих праздниках русских крестьян в XIX и даже XX веках³⁸. Гостеприимство как социальный институт не только в древнем обществе, но и в последующие исторические периоды, брало на себя функции социальной помощи более слабым и незащищенным членам общества и помогало выживать сообществу. Гощения и пиры являлись у русского народа неотъемлемой частью многочисленных праздников: *Спасибо вашему дому, пойду к дому другому.*

Со всякого по крохе – голодному пироги.

Кабы знать, что у кума пировать, и ребятишек бы привел.

«Почти все крестьянские праздники были складчинами или братчинами. Все историки и этнографы, писавшие о братчинах, не сомневались в том, что своими корнями они уходят в глубокую старину»³⁹. Ю.И. Семенов отмечает, что угощение по домам было более поздним явлением, чем складчины и общественные трапезы. Зачастую они требовали столь больших расходов, что были разорительными для крестьян. Ученый приводит в качестве иллюстрации дан-

ные группы отечественных исследователей об отношении рядового крестьянина Пошехонского уезда Ярославской губернии к престольным и иным праздникам: «Живя впроголодь в течение нескольких месяцев, питаюсь иногда исключительно одним только хлебом и пустыми щами, он справляет свои праздники чрезвычайно широко, чтобы не ударить в грязь лицом, сохранить, поддержать свой престиж»⁴⁰. Дело в том, что того, кто нарушает традиции, не устраивая праздников (не возвращая потлач), нормы общественного поведения разрешают больше не приглашать, исключая таким образом из социума. Негостеприимство расценивалось как большое зло, и в первую очередь – для самого негостеприимного человека:

Коли дома не пекут, так и в людях не дадут.

Шел бы в пир, да не рад мир.

Идти было в гости, да никто не зовет.

Кому нет привету, и хозяина дома нету.

В поведении крестьянина Пошехонского уезда Ярославской губернии Ю.И. Семенов видит «последний отзвук того мотива, который присутствовал в потлаче»⁴¹.

В целом же русские пословицы однозначны в оценке: негостеприимный человек не может быть положительным и в других проявлениях:

Худ Матвей, не умеет потчевать гостей.

Глуп совсем, кто не знает ни с кем.

Кто в гости не ездит и к себе не зовет, тот недобрый слывет.

Однако противление навязчивому и в определенном смысле разрушительному ритуалу потлача все же прослеживается в некоторых русских пословицах:

Потчевать – потчуй, а неволить – не неволь!

Возможно, что развитию традиции «нематериальных даров» (услуг, добрых советов, пожеланий и пр.) способствовало именно стремление избежать материального разорения в череде потлачей. Так, наряду с материальными подношениями, одной из древних форм дара является благопожелание – речь, содержащая пожелание благополучия. Ритуал его произнесения был важным моментом в церемонии. Сейчас его функции выполняют тосты:

Всем гостям по сту лет, хозяину двести, да всем бы вместе.

Всем бы денежкам вашим покотом со двора, а на их место сто на сто.

Сто лет, да двадцать, да маленьких пятнадцать.

Что в Москве в торгу, да было б у тебя в дому.

Застольный обмен благопожеланиями ценится порой больше, чем материальные подношения⁴²:

Кто с языком, тот с пирогом.

Таким образом, по мере развития общества и утверждения в нем новых, нравственных ценностей, традиция дарообмена поднимается на новый уровень, где легко измеряемый материальный дар начинает заметно уступать в соперничестве с практически неизмеримым нематериальным, духовным и эмоциональным *отдариванием*:

Не дари златом, подари лаской.

Хоть скудно, да угодливо.

Больше рад, чем запаслив.

Добрый человек придет, словно свету принесет.

Хоть не богат, а гостям рад.

Так гостеприимство из жизненной необходимости превращается в нравственную и эмоциональную потребность.

Итак, гостеприимство представляет собой важнейший антропологический и социальный феномен, систему социальных связей, где формируются общественные обязательства и нравственные ценности. Изначально ритуал гостеприимства – не более, чем навязанная обществом или добровольно взятая на себя и скрепленная обычаем *обязанность* дарообмена. Однако, по мере развития и усложнения социальных отношений, институт гостеприимства изменяется как по форме, так и по содержанию: сегодня символическое измерение гостеприимства превышает и преодолевает функциональность обмена⁴³. В современной русской культуре гостеприимство занимает место нравственной категории, является ценным моральным качеством отдельного человека или группы людей, что подтверждается дошедшими до нас и не утратившими своей актуальности паремиями о гостеприимстве.

¹ См., например: Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа). Язык науки конца XX века М., 1995. С. 212.

² Березин Ф.М. Лингвистические исследования в конце XX в.: Сб. обзоров / исслед. М., 2000. С.21.

³ Используя термин *паремия*, мы разделяем мнение О.С. Ахмановой, которая считает термин *паремия* родовым, объединяющим понятия *пословица* и *поговорка*; см.: О.С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. С. 421.

⁴ Зенкин. С.Н. Гостеприимство к антропологическому и литературному определению. Сб.: Традиционные и современные модели гостеприимства. М., 2004. С. 165.

⁵ Первобытнообщинный строй (или родовое, архаическое, варварское общество) совпадает по времени с каменным веком, охватывает период от появления первых людей (около 1 млн. 800 тыс. лет назад) и до возникновения классового общества (на территории Европы около 6–7 тыс. лет назад). Известно, что человеческая цивилизация развивалась крайне неравномерно. Когда в Западной Европе в V в. произошло крушение

Римской империи, уже пережившей этапы становления, расцвета и упадка, у племен, живших в районах Восточной Европы, еще только шел процесс разложения родового строя. Но их развитие происходило в той же исторической последовательности и по тому же принципу, что и у других народов: Первобытнообщинный строй // Большая советская энциклопедия. Т. 19. М. Изд. «Советская энциклопедия». С. 152.

⁶ Морган Льюис Генри (1818–1881) Американский этнограф и историк, основоположник научной теории экономических и социальных отношений в первобытном обществе.

⁷ См. об этом подробнее: Семенов Ю.И. Экономическая этнология. Первобытное и раннее предклассовое общество. Москва 1993. Институт этнологии и антропологии РАН. [http:// library/print/id_571.html](http://library/print/id_571.html).

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Смысл престижной экономики Семенов Ю.И. описывает так: «если мужчина клана стремился к лидерству, он должен был доказать, что он самый удачливый охотник, от которого зависит благоденствие всего племени. Лидерство достигалось путем соревнований престижа в форме даров. Дарения происходили во время особых торжеств, на которые одна община приглашала членов других. Чем больше человек дарил, тем большим влиянием, престижем он пользовался как в своей общине, так и за ее пределами. Возник новый стимул, к производству – стремление к престижу, которое в отличие от других не знало предела». См.: Семёнов Ю.И. Переход от первобытного общества к классовому: пути и варианты развития (часть I). Этнографическое обозрение, 1993. № 1. С. 61.

¹² Барсукова С.Ю. Сетевая взаимопомощь российских домохозяйств: теория и практика экономики дара // Мир России. 2003. № 2. С. 83–84.

¹³ Первоначально на языке индейцев слово *потлач* обозначало *кормить*. Позднее оно стало названием ритуального торжества, длившегося несколько дней, которое сопровождалось обильным угощением и плясками. В конце праздника совершался обязательный ритуал *одаривания гостей*. Собственно, весь праздник и был организован хозяином торжества для публичной раздачи даров.

¹⁴ Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995. С. 78.

¹⁵ Мосс М. Очерк о даре // Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии / Пер. с франц., послесловие и комментарии А.Б. Гофмана. М., 1996, С. 140. См. также: Семенов Ю.И. Экономическая этнология. Первобытное и раннее предклассовое общество. М., 1993. Институт этнологии и антропологии РАН http://library/print/id_571.html.

¹⁶ Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995. С. 80–81; см. также: Т.В. Гамкрелидзе, В.В. Иванов. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Изд. Тбилисского университета. Тбилиси, 1984. С. 752–753.

¹⁷ Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995. С. 80–81.

¹⁸ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 2-е изд. М., 1995. С. 148.

¹⁹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. С. 415.

²⁰ Толковый словарь русского языка. Под ред. Д.Н. Ушакова М.: ОГИЗ, 1935. Т.3. С. 358.

²¹ Саллинз М. Экономика каменного века М.: ОГИ, 2000. С. 201.

²² Там же.

²³ Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995. С. 78.

²⁴ Барсукова С.Ю. Цит.тр. С. 84.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 87.

²⁸ П. Ларделье. Принимать друзей, отдавать визиты... // Традиционные и современные модели гостеприимства. М.: РГГУ, 2004. С.56.

²⁹ Семенов Ю.И. Экономическая этнология. Первобытное и раннее предклассовое общество. М., 1993. Институт этнологии и антропологии РАН http://library/print/id_571.html.

³⁰ См. об этом подробнее: А.К. Байбури, А.Л. Топорков. У истоков этикета. Этнографические очерки. Л., 1990. С. 109–110.

³¹ Семенов Ю.И. Экономическая этнология. Первобытное и раннее предклассовое общество. М., 1993. Институт этнологии и антропологии РАН http://library/print/id_571.html

³² Саллинз М. Экономика каменного века М., 2000. С. 201.

³³ Ларделье П. Принимать друзей, отдавать визиты... // Традиционные и современные модели гостеприимства. М., 2004. С.64.

³⁴ Байбури А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета. Этнографические очерки. Л., 1990, С. 112.

³⁵ Ю.И.Семенов. Экономическая этнология. Первобытное и раннее предклассовое общество. Москва 1993 Институт этнологии и антропологии РАН. http://library/print/id_571.html.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ См. об этом подробнее: Семенов Ю.И. Экономическая этнология. Первобытное и раннее предклассовое общество. Москва 1993 Институт этнологии и антропологии РАН. http://library/print/id_571.html

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² Агапкина Т.А., Виноградова Л.Н. Благопожелание // Славянские древности. Т.1, М., 1995. С. 188–191; 532.

⁴³ Ларделье П. Принимать друзей, отдавать визиты...//Традиционные и современные модели гостеприимства. М., 2004. С. 67.

Поступила в редакцию 27 мая 2008 г.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ СПОСОБ СИСТЕМАТИЗАЦИИ РАЗГОВОРНОГО МАТЕРИАЛА (НА ПРИМЕРЕ г. ОМСКА)

А.А. Юнаковская

Лингвистическое изучение «языка города» является актуальным в науке, однако методологические приемы его описания находятся еще в стадии становления. Одним из способов описания «языка города» является лексикографический. На примере создания серии разно-аспектных словарей, систематизирующих языковой материал, собранный в границах одного города, можно показать историю его развития и современное состояние с лингвистической точки зрения.

Ключевые слова: региональная лексикография, концепция словаря, типы словарей: толковый словарь, хрестоматия, концептуальный словарь.

В настоящее время в русистике весьма актуальной является тема «язык современного города». Это исторически сложившаяся совокупность типов городской речи, используемая различными социальными группами в границах города, объединенными знанием «кода города», так как в границах города формируется «речевой коллектив», объединяющий всех жителей города. Для них характерно знание «общего жаргона» города («обшгородского жаргона») и неофициальных названий городских объектов, формирующих «код города». Возможно различное описание коммуникативного и культурного пространства города, в том числе и конкретного сибирского города.

Одним из таких городов является Омск. Его пространство формируется почти 290 лет, проходя определенные стадии: а) *город-крепость*, город «нового времени» («государев город»), б) затем *малый уездный* и западносибирский *управленческий* город (военно-административный), в) *торгово-предпринимательский* город с привлечением иностранного капитала (после открытия транссибирской магистрали в конце XIX в.), г) «*колчаковская столица*», «*белая столица*» (в период гражданской войны), д) *социалистический* город, е) *перестроичный* и *постперестроичный* город.

В настоящее время население г. Омска составляет 1100 тыс. человек. По составу населения это «старый» город: «индекс постарения» (количество лиц старше 60 лет к лицам 20 лет) составляет более 40%. Количество женщин превышает количество мужчин. При этом женщин 60 лет и старше проживает в городе в два раза больше, чем мужчин, а старше 70 лет – в три раза.

Таким образом, Омск – это город, который возник в «новое время» и прошел путь от городка-крепости с военным мужским населением до промышленного города-миллионера с преобладанием женского населения.

Одним из показательных приемов описания «языка города» является лексикографический. В лингвистике наиболее разработанной является теория представления единиц литературного языка в словаре. Однако в последнее время активно раз-

вивается словарное дело разговорной речи, которое осуществляется на иной основе. При описании обиходно-разговорной сферы до сих пор существует ряд проблем теоретического характера. Одним из подходов может быть создание разноаспектных словарей одного города.

В Омском университете с 1987 г. ведется работа над созданием «Словаря русской народно-разговорной речи современного города». Различным вопросам составления регионального словаря посвящена коллективная монография: Б.И. Осипов, Г.А. Боброва, Н.А. Имедадзе, Г.А. Кривокубова, М.П. Одинцова, А.А. Юнаковская «Лексикографическое описание народно-разговорной речи современного города: Теоретические аспекты» (Омск, 1994). Собрана картотека (более 150 000 единиц), разработана и апробирована программа компьютерной версии словаря.

Толковый словарь. На основе картотеки создан «Словарь современного русского города» (М., 2003): около 11 тысяч слов и около 1000 идиоматических выражений. В настоящее время планируется второе издание данного словаря.

Данный Словарь отражает речь русского населения современного крупного города во всем его разнообразии, пестроте, динамизме, в сложном переплетении литературно-книжной нормы, просторечной стилистики, элементов сельских диалектов, а также разнообразных жаргонов (молодежного, студенческого, профессионального и т.п.). Данный словарь создан как словарь дифференциального типа: в нем получила отображение лишь лексика, не совпадающая с литературно-нормативной. Никаких других ограничений на отбор материала не накладывалось.

В печатной версии структура словарной статьи состоит из следующих частей:

1. *Заглавное слово.*

2. *Финали грамматических форм* (для имен существительных – Р.п. ед.ч. и Р.п. мн.ч., для имен прилагательных – муж., жен., ср. родов, для глаголов – 1-е и 2-е л.ед.ч. и 3-е л.мн.ч.).

3. *Грамматические пометы* (морфологическая характеристика слова).

4. *Стилистическая помета.*
5. *Помета, отражающая сферу употребления.*
6. *Помета, отражающая фиксацию слов в изданных словарях.*
7. *Толкование слова.*
8. *Синонимы (если есть).*
9. *Датированные примеры употребления с данным словом.*
10. *Фразеологизмы с данным словом (если есть).*

При этом текстовые примеры даются в фонетической орфографии, с постановкой ударения. В нормативной орфографии приводится только иллюстративный материал, извлеченный из письменных источников.

Приведем некоторые примеры словарных статей:

♦ **ДУНЬКИНА РАДОСТЬ** – фразеолог. оборот.

Шутл. Общеупотр. Карамель. В сл. нет.

[*Накупила свою дунькину радость, она уже надагла*], 1988.

ЖРАТЬ, -ру, -решь. Глаг. I спр., несов. в.

Груб. общеуп. Есть. МАС, БАС, Даль.

[*Абет начался, пошли жрать*], 1988.

Приложением к диссертационному исследованию Юнаковской А.А. («Омское городское просторечие: Лексико-фразеологический состав. Функционирование», 1994) являются материалы для словаря «Омское городское просторечие» (более 1000 единиц). Работа над данным Словарем продолжается и в настоящее время.

Анализ собранного материала показал, что в лексиконе современного городского просторечия выделяются следующие единицы: а) общерусские, б) разговорно-просторечные, в) собственно просторечные, г) диалектно-просторечные, д) жаргонно-просторечные. Поэтому существуют проблемы теоретического характера при определении границ просторечного материала города и его отражения в словаре.

Словарь просторечий г. Омска построен как толковый словарь дифференциального типа. Разработан следующий вид словарной статьи:

1. Порядок расположения слов – алфавитный.
2. Слова, относящиеся к разным частям речи, сопровождаются самостоятельными словарными статьями.
3. Формы совершенного и несовершенного видов глагола помещаются в разных словарных статьях и располагаются по алфавиту.
4. Прилагательные сравнительной и превосходной степени, причастия, как правило, помещаются вместе с исходными формами. Самостоятельные словарные статьи образуют лишь те из них, которые являются просторечными только в данной форме (ширше, хуже и т.п.).
5. Слово в заголовке словарной статьи дается в орфографической форме.

6. Лексические варианты слов сопровождаются самостоятельными словарными статьями.

Приведем образец словарной статьи:

АЙДАТЕ, межд. Фам. Употребляется как призыв, приглашение или побуждение пойти куда-либо, сделать что-либо. – *Айда те, мужщина, садитесь на зеленую машину.* (ж., 60-65 л.) // *Айда те в кресло. Уже высохло* (ж., 40 л.) // *Айда те-ка посмотрите, чо там дают в магазин* (ж., 50 л.) //

На основе собранного просторечного материала издан словарь «Омское городское просторечие: Фразеология» (2004) (80 С.). Это словарь дифференциального типа. Порядок расположения ФЕ – алфавитный (по опорному слову). Всего представлено 450 единиц, однако границы словаря расширены за счет приводимых синонимических рядов. А также за счет приведенной подборки фразеологических единиц: «Выборочный перечень: синонимические ряды (на материале картотеки для словаря омского городского просторечия)».

Словарная статья строится следующим образом:

1. Заглавное слово с указанием ударения (**АЖУР** (♦**В АЖУРЕ**), **ГЛОТКА** (♦**ДРАТЬ ГЛОТКУ**), ** **БАБИЗМ** (**♦**ОДИН БАБИЗМ**), ** **ПЕСНЯК** (**♦**ПЕСНЯКА ДАВИТЬ**) и т.п.) (знак ** используется для обозначения единиц, отсутствующих в толковых словарях современного русского языка и словарях новых слов);

2. Фразеологическая единица дается под знаком ♦ после заглавного слова, являющегося в сочетании опорным: **БАНОЧКА** ♦ **ПОСТАВИТЬ БАНОЧКУ**, **ГАЗ** ♦ **БЫТЬ ПОД ГАЗОМ** и т.п.);

3. Стилистические и иные пометы (перен., экспр., ласк., иронич., шутл., неодобр., груб., нов., устар. и т.п.);

4. Толкование значения (значений) единиц;

5. Иллюстрации, сопровождаемые пометами, указывающими возраст и пол информанта (м., ж., 35–40 л., 40–45 л., 45–50 л., 50–55 л., 55–60 л. и т.п.);

6. Синонимы (порядок расположения алфавитный).

Приведем образец словарной статьи:

СТРЯПАТЬ **♦**СТРЯПАТЬ ЯЗЫКОМ ПЕЛЬМЕНИ**. *Иметь дефект речи.* - Девочка ихняя хорошая. Да только языком пельмени стряпает (ж., 40 л.) // Жених тока у ей пельмени языком стряпает. А так смиренный (79 л.) //

Син. **ЖУВАТЬ СЕНО**.

Хрестоматия текстов. Многолетние наблюдения над живой речью г. Омска позволили А.А. Юнаковской собрать образцы разговорной речи различных жанров носителей массовой городской культуры: «Разговорная речь носителей массовой городской культуры (на материале г. Омска) (150 с.)». Автор распределил собранный материал по нескольким разделам:

I. *Официальная сфера.*

II. *Полуофициальная сфера.*

III. Неофициальная сфера.

IV. Городской фольклор.

Данная хрестоматия представляет собой набор текстов жителей г. Омска 90-х гг. XX – начало XXI вв. В ней отражены различные речевые ситуации, что позволяет создать картину функционирования языка в границах современного города.

В данной хрестоматии сделана попытка отразить речевую практику представителей различных сфер мегаполисной культуры. Это:

I. *Элитарная*, или книжная городская культура («культура не для всех»), для элитарных носителей КЛЯ и богемной молодежи.

II. Массовая городская культура.

1. Нейтральная, общепонятная для носителей среднелитературной культуры.

2. Интерсоциальная, переходная для носителей просторечия, молодежного жаргона, полудиалекта, повышающих свой уровень образованности.

3. Массовая просторечная культура:

а) среднеспоречная для «частичных просторечников»,

б) низовая просторечная для «полных просторечников»,

в) адаптирующая, переходная для носителей «полудиалекта» и диалектов.

4. Массовая молодежная культура (носителями литературно-речевой культуры используется «студенческий», «школьный жаргон», носителями фамильярно-разговорной системы – «уличный жаргон»).

III. «Полудиалектная» культура («сельское просторечие» в условиях города) для первичных носителей «городского полудиалекта».

IV. *Городская протестная культура* (т.н. underground).

V. Культура воровского арго и т.п.

Также выделяется и общий тип речевой культуры для жителей города, имеющий ряд показателей, свойственных различным разновидностям городской культуры: т.н. *общий жаргон города* (интердиалект).

При сборе материала упор делался на речь 1) коренных жителей города, полных носителей «городской» культуры, 2) а также лиц, проживающих длительное время в городе, носителей традиционного сознания, со «смешанным» (полугородским-полудиалектным, переходным) типом фоновых знаний. Возникновение новых ситуаций и понятий жизни города осмысливается ими, отражаясь в речевых произведениях, как в типизированных образованиях, так и создаваемых в процессе речи. Не случайно для данной хрестоматии привлекались данные представителей «современной городской культуры» разного возраста. Подбор текстов позволяет говорить о параллельном существовании, а также о столкновении различных типов сознания жителей города. Также отражено современное устное творчество различных групп жителей города, что позволяет говорить как

о сохранении традиционных жанров, так и об их модификации и создании новых.

При распределении материала в хрестоматии учитывается жанровая принадлежность записанных текстов. Так, в разделе I «Официальная сфера» представлены письменные жанры: *благодарности, жалобы, докладные, объяснительные, объявления*. Также зафиксированы *выступления* в СМИ местных руководителей разного уровня (фрагменты т.н. «административного языка»). Получили отражение *предвыборные тексты*, отражающие региональное сознание.

В разделе II «Полуофициальная сфера» получило отражение коммуникативное пространство современного «рынка»: представлены *короткие диалоги* (симметричные и асимметричные, отмеченные на рынке, оптовом рынке, в очереди), *выкрики-засывы*, являющиеся полуофициальными вариантами устной рекламы с установкой на шутовское общение). Также зафиксированы различные ситуации общения на транспорте (*засывы-обращения* кондукторов, *транспортные диалоги, надписи* в маршрутных такси). Несмотря на определенную «закрытость», «медицинская тема» получила отражение в хрестоматии: это *микродиалоги* и *диалоги, заключения здравянка* и т.п.

В разделе III. «Неофициальная сфера» выделяются такие подразделы, как спонтанная *диалогическая речь* (в узком смысле) (диалоги на даче, дома, в магазине, разговоры по телефону, «мобильнику» и т.п.), *диалогически ориентированная речь* (рассказы «о себе», рассказы «о своем», рассказы «о жизни», рассказы «о чужом»: т.н. рассказы «не о себе», пересказ: т.н. рассказ-«пластинка» (многократно репродуцируемые тексты), *конфликтотгенный текст, городские стереотипы, городские микродиалоги* (короткие диалоги) и т.п. Данный раздел дополнен воспоминаниями жителей города (т.н. «народными мемуарами»), а также рассказами о г. Омске. Письма жителей города получили отражение в данной хрестоматии. Представлен небольшой подбор высказываний детей, а также школьников.

В разделе IV. «Городской фольклор» представлены жанры устного творчества (*частушки, городской романс, застольные фразы, анекдоты, приметы, заговоры, гадания*), также образцы армейского, студенческого творчества (*анекдоты, песня, заговор*), детского фольклора (*школьная реформа, загадки, считалки, «садюшки», былички*). Анализ материала показал, что в современном культурном пространстве города сосуществуют две системы: 1) собственно фольклор (традиционный), 2) постфольклор (Ю.А. Эмер). Можно говорить, что в городе происходит смена «фольклорной парадигмы»: 1) основным является функциональный показатель (а не содержательный: развивается военный, медицинский, студенческий, и т.п. фольклор, интернет-фольклор), 2) появляются новые жанры (несказочная городская проза, магиче-

ские письма, «садюшки», «городские микро-истории», бардовские, тюремные и лагерные и т.п. песни, песни-переделки, кино- и музцитаты, анекдоты о «новых русских» и т.п.), 3) видоизменяется система образов, формируется свой художественный «код». При этом происходит пересечение различных фольклорных подсистем в границах городской культуры.

Хрестоматия подобного рода относится к синхронному типу представления собранного материала. (Данная хрестоматия готовится к публикации в издательстве «Языки славянских культур».)

Весьма интересным является изучение формирования городского пространства, например, г. Омска, который из крепости через стадии *малый город – уездный город – заштатный город – западносибирский управленческий город* – активно развивающийся *«социалистический»* сформировался в мощный *промышленный центр (промышленную зону)*. Это привело к формированию своеобразного языкового быта г. Омска. Исследование путей его развития также весьма затруднительно из-за слабой представленности полноценных и систематических записей.

В результате многолетнего сбора материалов, отражающих различные периоды существования г. Омска в границах региона, А.А. Юнаковской на основе уже существующих публикаций и собственных находок в 2006 г. создана хрестоматия «Среднее Прииртышье: исторические документы и региональные тексты» (230 с.). Сделана попытка собрать тексты, отражающие восприятие своего региона и оценку основополагающих понятий, окружающих человека, с конца XVI в. до начала XXI в.

Часть собранного материала (конец XVI в. – конец XVIII в.) представлена в разделах «1. Исторические документы», «2. Документы, собранные и опубликованные историками», «3. Топографическое и историческое описание Среднего Прииртышья».

Источники используемых документов различны. В РГАДА в фонде Сибирского приказа (Ф. 214), архивах сибирских городов (в ГУТО «ГА в г. Тобольке, ГУ «ГА в г. Омске», ГУ «ГА в г. Тюмени») хранятся различные документы, а также в ОР библиотеки Томского университета.

Данные по заселению Среднего Прииртышья можно получить на основе чертежных книг, карт, атласов и т.п. Источником информации также являются различные записки путешественников.

В четвертом разделе «Художественно-публицистические материалы» описания города предлагаются как «изнутри» (его жителями), так и «извне» (приезжающими в него) на основе произведений художественной литературы и различных публицистических «зарисовок». Оценки видевших г. Омск в одно и то же время очень часто не совпадают.

Не менее важным является и современное восприятие города, проявление «исторической памяти» его жителей, что получило отражение в разделе 5. «Воспоминания, впечатления об Омске». Тексты, представляющие жизнь города в тот или иной период нашими современниками, как «погружены» в историю, так и показывают особенность восприятия города современниками.

Материал подбирался таким образом, чтобы на его основе можно было увидеть «прошлое», «настоящее» и «будущее» г. Омска. Степень «глубины» отражения «городского времени» современниками-омичами позволяет проследить некоторую историческую перспективу и выявить определенные показатели, важные при характеристике города.

Лингвокультурологический словарь. Н.А. Лукьянова считает, что лингвокультурология не является новым направлением русской лексикографии, а представляет собой современный этап развития лингвоэнциклопедической лексикографии. Современные словари подобного типа могут представлять как различные *фрагменты* языковой картины мира, так и отражать языковую *модель* мира в целом.

Лингвокультурологический словарь жителей одного региона отражает интерес лингвистов системе культурных символов, к функционированию общерусского языка и его локального варианта, а также к вопросам взаимодействия языка и культуры (в т.ч. и в границах города). Работа по созданию словарей различных регионов уже ведется лингвистами: в Красноярске (Сковородников А.П., Михайлов А.В.), в Барнауле (Хлыбова С.В., Халина Н.В.), в Томске (Блинова О.И., Банкова Т.Б., Юрина Е.А.) и др.

Исходными понятиями для работы над лингвокультурологическим словарем являются *концепт, концептуальная система (концептуальная картина мира), мировидение* и т.п.

Концепт (калька с лат. *conceptus* «понятие») – это «нематериальное образование», это результат деятельности человека (универсальной, идиотнической), это то, посредством чего человек входит в культуру («обработку окружающего мира»). Существует несколько уровней в структуре любого концепта.

Мировидение – это восприятие окружающей действительности и ее оценка на определенном этапе существования общества. Это отражение общенациональных закономерностей восприятия окружающей действительности, которое представлено концептуальной картиной мира.

Важно отметить, что язык не представляет окружающий мир, а фиксирует результат отображения действительности человеческим сознанием, которое зависит от ряда характеристик: общечеловеческих (универсальных), идиотнических, социально-групповых, индивидуальных. В результате

Лингвокультурология и когнитивная лингвистика

отражаются «универсальные философские концепты» (термин А.Д. Шмелева) типа истина-ложь, добро-зло и т.п., идиозмические типа судьба, душа, жалость (известные другим языкам), уникальные русские тоска, удаль. Как следствие, в культуре формируется *ментальный лексикон*.

Систематизация материала в виде концептуального словаря позволит выявить структуру концептуальной картины мира, ее «ядро» и «периферию», пути ее формирования. Это зафиксированная *концептуальная система*, в нашем случае это результат переработки информации о мире жителей одного города. Предмет этого словаря-понятия, или концепты, культуры, сформировавшейся на территории Среднего Прииртышья (в т.ч. и г. Омске).

Словарь концептов (СК) – это зафиксированная в сознании и языке концептуальная система. К настоящему времени выработаны два типа СК. В одном типе понятия раскрываются подбором цитат из различных авторов без участия в толковании составителя. В другом типе словаря понятия раскрываются автором словаря, на основе его исторических изысканий (См. «Словарь индоевропейских социальных терминов» Э. Бенвениста (1970, русск. 1995)). Примером и образцом словаря такого типа может служить работа В.О. Ключевского (1841–1911 гг.) «Терминология русской истории». К этому же типу можно отнести «Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках» М.М. Маковского (1996).

Словарь Ю.С. Степанова «Константы. Словарь русской культуры» (1997), по мнению автора, соединяет в себе оба эти типа. Автор пытается проникнуть в концепты, давая собственное толкование, собственный подбор текстов. При этом предметом словаря являются концепты русской культуры как части общеевропейской, взятые в момент ответвления от европейского культурного фонда.

Лингвокультурологический словарь относится к синхронным, хотя имена концептов имеют свою этимологию. Тип словарной статьи можно определить как *интегрированный*. Словарная статья может быть в виде рубрики, состоящей из нескольких зон (разделов, подразделов, блоков). При ряде тем планируется исторический комментарий.

Материал группируется вокруг основного понятия, а не в алфавитном порядке (это инверсионный способ подачи материала). В центре мира находится человек, это точка отсчета, мера всего окружающего, «судья» и «подсудимый». *Антропоцентризм* (антропофилия, термин Ю.А. Сорокина) миропостроения, мировосприятия не является случайным. Концепты, связанные с человеком, можно разделить на *априорные* (доопытные), существующие в силу устройства ума (будущее, будущее счастье), и на *апостериорные* (опытные, эмпирические).

Главная статья – это тема. Далее может даваться *таблица-анкета* расположения материала, объединяющая все концепты темы (проекционный способ). В состав статьи входят: а) *анализ концепта*, б) *концептуальный словарь*. При этом концептуальная информация трактуется как 1) автором, так и 2) адресатом (читателем) восприятие.

Можно предложить схему важных для городского человека понятий, а также их негативное осмысление (см. таблицу).

Базовые моральные ценности

Позитивные	Негативные
I. Витальные ценности (природные):	
ЖИЗНЬ	СМЕРТЬ / РАННЯЯ СМЕРТЬ
ДОЛГОЛЕТИЕ и ЗДОРОВЬЕ (это высшие личные блага)	это зло, которому помогают БОЛЕЗНИ
«Я» – мир	
ТРУДОЛЮБИЕ (высшая ценность)	ЛЕНЬ
ДОСТАТОК	Б ЕДНОСТЬ
ПРАВДИВОСТЬ	ЛОЖЬ
КРОТОСТЬ	ГОРДЫНЯ
СМИРЕНИЕ	СТРОПТИВОСТЬ
ВЕСЕЛЬЕ / РАДОСТЬ	ПЕЧАЛЬ / ГОРЕ
II. Социальные ценности	
Семейно-родовые ценности:	
ДОМ	НЕ-ДОМ
СЕМЬЯ («большая» и «малая»)	ОДИНОЧЕСТВО
«Я» в мире своих людей	
РАЗМЕРЕННОСТЬ	РАСПУСТВО
ЗДРАВООМЫСЛИЕ	ЛЕГКОМЫСЛИЕ
ВЕРНОСТЬ	НЕВЕРНОСТЬ (плохого мужа)
УМЕНИЯ	НИКЧЕМНОСТЬ (жены)
«Я» и «Мы»: «Я» в мире чужих людей:	
ПРИЗНАНИЕ	ОТВЕРЖЕННОСТЬ
МИЛОСЕРДИЕ	БЕЗРАЗЛИЧИЕ
СОСТРАДАНИЕ (бескорыстие и помощь нуждающимся)	НАСИЛИЕ (алчность и корыстолюбие)
III. Общественные ценности:	
«Я» в обществе»	
ТЕРПЕНИЕ	НЕТЕРПЕНИЕ
СДЕРЖАННОСТЬ	НЕСДЕРЖАННОСТЬ
СКРОМНОСТЬ	РАСПУЩЕННОСТЬ
«Я» в государстве»	
МОЛЧАЛИВОСТЬ	БОЛТЛИВОСТЬ
ПОСЛУШАНИЕ	НЕПОСЛУШАНИЕ
ПОКОРНОСТЬ	НЕПОКОРНОСТЬ
Способы осмысления мира:	
НАУЧНЫЙ	НЕНАУЧНЫЙ
	Мифологический
	Магический
	Религиозный

Важно отметить, что «положительные» и «отрицательные» понятия имеют отражение в системе ценностей. Однако в речи наблюдается «ценностная асимметрия». Это связано с тем, что у русских нейтральное и положительное практически не отмечается в речи, а отступления характеризуются с разных сторон и имеют многократное отражение.

В целом анализ различных типов систематизации разговорного материала г. Омска показывает, что в мировидении можно выделить общесибирские, западносибирские, среднеприиртышские (природно-ситуативные), омские концепты, а в речи варианты их реализации в различных подсистемах русского языка, функционирующих в границах мегаполиса. Ключевыми понятиями (т.н. семиотическими знаками) являются такие понятия, как *Сибирь* (→ *сибирский, сибиряк*), *р. Иртыш*,

р. Омь, *г. Омск* (*омич, омичка*) и т.п. Не менее важными понятиями для жителей города являются городские «доминанты» (например, Музыкальный театр, восстанавливаемый Успенский собор), дороги и мосты, зоны «культурного досуга», транспортные развязки и т.п. С точки зрения бытового существования наиболее представлена тематическая группы «Человек», «Мир, созданный человеком», а также наиболее важные понятия из тематической группы «Мир, окружающий человека».

Перечень лексикографических вариантов, описывающих мировидение жителей мегаполиса и их разговорной речи, не является закрытым. Возможны различные аспекты описания бытового существования городского человека, что не может не отразиться в лексикографической практике.

Поступила в редакцию 27 декабря 2007 г.

ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

ББК Ш141.2-2 + Ш103.2

ОБ УНИВЕРСАЛЬНОЙ ПЛАТФОРМЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

С.О. Шереметьева, Н.Ю. Дюмин

Описана модель платформы разработки и функционирования приложений автоматической обработки текстов на естественном языке: приведено общее описание системы, а также описание составляющих его компонентов.

Ключевые слова: компьютерная лингвистика, прикладная лингвистика, автоматический перевод, машинный перевод, автоматическая обработка текста, разработка приложений, программирование, инструментарий разработчика.

1. Введение

Несмотря на разнообразие подходов и более чем шестидесятилетние исследования (их началом можно считать время возникновения машинного перевода), экономически необходимые высококачественные системы автоматической обработки естественного языка: автоматические перевод, информационный поиск, реферирование и аннотирование и т.д., так и не стали реальностью. Естественный язык настолько необъятен и неоднозначен, что создание компьютерных систем, способных оперировать всем многообразием лингвистических знаний, требует бесконечно много усилий, времени и финансирования.

Основные тенденции в области оптимизации создания лингвистических компьютерных систем включают в себя разработку стратегий повторного использования и интеграции¹ уже существующего в новые разработки, а также создание инструментария широкого диапазона, который мог бы быть адаптирован для различных целей. Такой инструментарий ориентирован как на оптимизацию создания лингвистического обеспечения систем, например, лексиконов, грамматик правил и алгоритмов оперирования ими, так и на усовершенствование и ускорение разработки лингвистического программного обеспечения. Чаще всего – это программы, допускающие обновление и компиляцию лингвистических знаний на одном или нескольких естественных языках, как, например, программа BOAS, представляющая собой инструментарий сбора грамматических знаний для языков с отсутствием электронных ресурсов в целях быстрой разработки систем автоматического перевода².

Все большую популярность приобретает модульная архитектура систем обработки естественного языка, в которых модули, выполняющие отдельные функции (например, морфологический/синтаксический анализ или синтез) могут комбинироваться в новых одноязычных или многоязычных системах, как, например, при добавле-

нии новых языковых пар в системе автоматического перевода SYSTRAN³ или в системах автоматического перевода и синтеза патентов АвтоТранс и АвтоПат⁴.

Тем не менее, проблема создания инструментария, специально ориентированного на программирование лингвистических систем, который, с одной стороны, позволял бы учитывать специфику лингвистических приложений, а с другой, обеспечил бы совместимость программного обеспечения, созданного различными разработчиками для отдельных типов автоматической обработки естественного языка, так чтобы вновь создаваемые системы могли бы включать в себя ранее созданные программные модули, до сих пор не решена.

В настоящее время многие лингвистические системы имплементируются на разных языках программирования для разных платформ и, таким образом, заведомо несовместимы. При этом, несмотря на то, что среди существующих языков программирования можно выделить ряд более приспособленных к решению лингвистических задач, а также ряд языков, возможности работы с естественными языками которых значительно расширены дополнительными библиотеками или наборами классов, это не делает их в полной мере ориентированными на естественный язык, что ограничивает эффективность и возможности разработчиков.

Практически каждый раз, с началом нового проекта исследовательская группа чаще всего начинает с нуля (исключение составляют группы проектов, которые подобно указанным выше, изначально созданы для функционирования во взаимодействии) приходится выбирать платформу, тем самым ограничивая круг пользователей, язык программирования, а также создавать модель взаимодействия его структур со структурами естественного языка. При этом создание сложных приложений высокого уровня, таких как, например, системы автоматического перевода, в большинстве случаев, подразумевает создание собственных моду-

лей низкого уровня, например, модулей морфологического и синтаксического анализа.

Опыт исследований в области автоматической обработки естественного языка, имеющих положительные результаты, позволяет утверждать, что экономия, а в идеальном случае, минимизация усилий разработчиков при повышении качества и снижении стоимости лингвистических программ зависит от решения двух взаимосвязанных проблем:

а) проблемы отбора и организации лингвистических знаний (например, лексиконов, грамматик и алгоритмов оперирования ими)

б) проблемы создания лингвистического программистского инструментария, который, с одной стороны, учитывал бы специфику лингвистических приложений и его пользователей, вычислительных лингвистов без фундаментальных навыков программирования, а с другой, обеспечивал бы совместимость программного обеспечения, созданного различными разработчиками.

В настоящей статье предпринимается попытка внести определённый вклад в решение второй из указанных выше проблем путем создания универсальной платформы разработки и функционирования лингвистического программного обеспечения (ЛПО).

Статья организована следующим образом: Прежде всего, мы даём обзор наиболее значимых проектов в области ЛПО: ЭТАП⁵, GATE⁶ и Ellogon⁷, затем приводим спецификацию предлагаемой нами универсальной платформы ЛПО, вслед за которой описываем предлагаемую реализацию нашей платформы, язык программирования и предварительный эксперимент, за которым следует заключение с выводом о перспективах нашего подхода.

2. Проекты ЭТАП, GATE и Ellogon

Наиболее интересными и значимыми для нашей работы проектами в области ЛПО, являются система ЭТАП, GATE и Ellogon. Система ЭТАП, разрабатывается в Лаборатории компьютерной лингвистики Института проблем передачи информации РАН под руководством профессора Богуславского И.М. ЭТАП – это компьютерная версия модели, имитирующая языковое поведение человека, т.е. его способность производить тексты на естественном языке и понимать их. Система имеет вид полифункционального многоязычного процессора и состоит из набора модулей, которые обеспечивают функционирование ряда построенных в Лаборатории систем переработки текстов, таких, как машинный перевод, порождение русских текстов по смысловому заданию на базе Универсального сетевого языка (UNL)⁸, перефразирование предложений на данном естественном языке и т. п. Эта работа ведется в рамках программы⁹, разрабатываемой большим международным консорциумом под эгидой ООН, и ставит своей целью обеспечить для пользователей Интернета возможность

получать и распространять информацию на родном языке.

Система GATE, разработка которой ведется в университете города Шеффилд (Англия) под руководством профессора Х. Канингема, представляет собой платформу разработки лингвистических приложений, основанную на том, что любое приложение может быть разбито на компоненты, каждый из которых может быть использован в других приложениях, созданных в этой же среде. GATE уже содержит в себе некую модель представления текста, основываясь на которой разработчик может создавать приложения используя элементы текста, как естественно-языковые структуры. Разработка компонентов в GATE ведется на языке программирования Java, который, изначально не был создан для работы с естественно-языковыми структурами но, тем не менее, имеет ряд преимуществ, основным из которых является возможность кроссплатформенного использования созданных приложений.

Другой интересный проект – Ellogon, разработка которого ведется в лаборатории при Институте информатики и телекоммуникаций национального центра научных исследований «Демокритос» (Греция). Система Ellogon также представляет собой платформу разработки и функционирования ЛПО с модульной архитектурой систем. Особенностью этой системы является возможность разработки компонентов на нескольких языках программирования (Java, C++, TCL, Perl и Python) Еще одна особенность системы – возможность создания самостоятельных исполняемых файлов. Несмотря на всю гибкость систем, они не предлагают своего языка программирования ориентированного на разработку ЛПО, а, значит, не препятствуют появлению избыточных с точки зрения разработчика ЛПО конструкций. Таким образом, разработчик ЛПО для этих платформ должен обладать отличным знанием одного из перечисленных языков программирования, что не всегда реально даже для специалистов в области компьютерной лингвистики.

3. Спецификация универсальной платформы ЛПО

Под платформой разработки и функционирования ЛПО мы понимаем набор инструментальных средств, обеспечивающих возможность создания особого класса программного обеспечения для автоматизации различных видов человеческой деятельности, предполагающих обработку естественного языка. Классификация ЛПО предложена нами ранее¹⁰.

Анализ современных работ и собственные исследования авторов позволяет нам сформулировать основные характеристики универсальной платформы ЛПО следующим образом:

- основой системы должен быть язык программирования высокого уровня, имеющий естественно-языковую ориентацию, т.е. изначально раз-

Прикладная лингвистика

работанный для манипулирования структурами естественного языка и не требующий фундаментальных знаний в области программирования;

- система должна работать по возможности во всех наиболее распространенных средах, а значит, должна представлять собой виртуальную машину – процессор, управляемый командами вышеуказанного языка;

- приложения, функционирующие в системе должны представлять собой набор взаимодействующих модулей, предоставляя возможность использования одной системой модулей других;

- система должна позволять создавать и выполнять приложения всех степеней открытости (см. классификацию по степени открытости системы для конечного пользователя);

- система должна позволять выстраивать модули в организации иерархически разного уровня;

- система должна позволять осуществлять взаимодействие с базами данных, с файловыми системами и с конечным пользователем посредством графического интерфейса пользователя;

- система должна предпочтительно использовать таблицу кодировки Unicode, поскольку для языкового материала важна возможность обработки специальных символов;

- система должна позволять централизованную обратную связь с создателем модуля и предусмотреть возможность распределенного автоматизированного создания документации к проекту.

4. Реализация платформы

Наиболее подходящей нам представляется реализация платформы в виде виртуальной машины (ВМ), состоящей из трех компонентов:

- процессор, исполняющий набор элементарных команд;

- компилятор, преобразующий сценарии, написанные на языке программирования, принятом в системе, в команды процессора виртуальной машины;

- набор шлюзов, осуществляющих связь ВМ с внешней системой: с базами данных, с файловой системой, с графической системой (рис. 1).

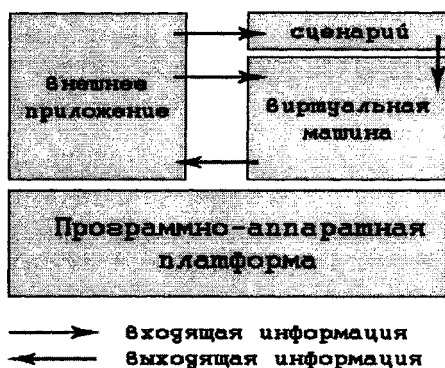

Рис. 1. Принцип взаимодействия приложений с виртуальной машиной

Внешнее приложение вызывает выполнение заданного сценария на виртуальной машине с передаваемыми параметрами, виртуальная машина, в свою очередь, возвращает результат. Внешнее приложение, как и виртуальная машина, платформозависима. Сценарий платформонезависим. В виртуальной машине заложен базовый набор функций ввода-вывода информации, позволяющий создавать элементарные псевдовнешние приложения для манипулирования сценариями. Поток информации, изображенный в виде стрелок, осуществляется с помощью третьего компонента ВМ. Работа первых двух описана на нижеследующем рисунке (рис. 2):

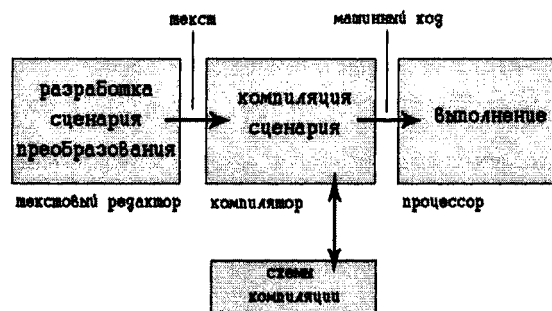

Рис. 2. Принцип разработки и функционирования сценариев в виртуальной машине

Разработка сценариев на предложенном языке программирования ведется в текстовом редакторе. В дальнейшем планируется создание интегрированной среды разработки приложений для еще большего упрощения и большей автоматизации процесса разработки. После чего текст поступает в компилятор, преобразуется в код процессора виртуальной машины при помощи схем преобразования, часть из которых может быть определена пользователем. На последнем этапе поступившая информация проходит трансформации по скомпилированному сценарию, и виртуальная машина возвращает результат.

Наша модель предполагает, что каждое приложение, выполняемое на машине, состоит из модулей, производящих операции над входящей информацией, обрабатывающих ее особым образом и выдающих на выходе новую информацию для другого модуля, либо для предъявления пользователю в качестве результата работы приложения.

Сценарии обработки входящей информации внутри модуля, равно как и сопряжение модулей, будут описаны специальным языком программирования, исполняемым на виртуальной машине. Разработчики ЛПО будут иметь возможность определять дополнительные структуры, описывающие логику программы, т.е. вводить конструкции высокого уровня, а также алгоритмы их преобразования в команды лингвистического процессора. Стандартные же, предопределенные структуры должны наилучшим образом описать круг возможных операций, производимых как над симво-

лами, так и над их группами, в том числе словами (здесь «слово» – группа символов, окруженная символами пробела) и массивами слов. Такой подход даст возможность описания максимально большого количества методов автоматической обработки ЕЯ. Здесь мы затронули проблему типов переменных, функционирующих в ВМ.

Мы предполагаем, что на первом этапе реализации системы в переменных как таковых необходимости нет вовсе, кроме двух стандартных – переменной входящей информации и переменной выходящей информации. Структура переменных представляет собой двухмерный массив, ячейки которого разработчик заполняет данными по своему усмотрению. В системе используется один тип данных – строка, в том числе нулевая строка и односимвольная строка. Для осуществления циклов будет введен специальный класс объектов – счетчики.

5. Язык программирования

Предлагаемый нами язык программирования предназначен для лингвистических задач и ориентирован на пользователя, не обладающего высокой программистской квалификацией. Система команд и структур языка составлена наиболее понятным образом, что упрощает процесс его освоения.

Программирование сценариев для виртуальной машины, в частности задача программирования интерфейсов, решается в автоматическом, либо полуавтоматическом режиме, с помощью псевдовнешних приложений – разработчику не придется описывать интерфейс самостоятельно, а значит привлекать знания об устройстве той или иной системы (Windows, X11 и т.д.). Как следствие, при использовании вспомогательных программ-шлюзов, приложения можно будет запускать на любой системе (оконной или консольной: Windows, UNIX, Mac и т.д.).

Компилятор языка будет интерпретировать сценарий в последовательность команд виртуального процессора, архитектура которого будет наиболее подходящей для решения лингвистических задач, например, будут введены новые структурные элементы, а также новые, по сравнению с архитектурой процессоров семейства x86, команды.

Благодаря реализации платформы в виде виртуальной машины с возможностью компиляции кода, а не в виде транслятора, существенно расширяется возможность введения дополнительных структур.

Структуры языка будут обеспечивать стандартное ветвление (IF-ветвление, WHILE-циклы, FOR-циклы, и т.д.), а также специфические операции, например, структура, описывающая процесс выделения подстроки в строке с заданными параметрами и выполнение действий в зависимости от значения подстроки. В качестве дополнительных структур планируется ввести стандартные операции из наиболее распространенных моделей обработки естественного языка.

Существенным достоинством предлагаемого языка программирования является то, что написание программ обработки естественного языка на предложенном нами языке программирования будет более эффективным потому, что специальные лингвистические структуры позволят существенно сократить размер программ.

6. Эксперимент

С целью тестирования целесообразности нашего подхода мы провели эксперимент по созданию программной реализации элементов нашей модели: создали прототип языка программирования, описав базовый набор структур, необходимых для реализации морфологических анализаторов, и интерпретатор данного языка в РНР-код.

В рамках этого предварительного эксперимента мы ограничились стандартными средствами вывода информации, предоставляемыми РНР-интерпретатором, не реализовывали компилятор и процессор, а также компоненты взаимодействия с базами данных, файловыми системами, поскольку целью эксперимента было выявить насколько целесообразно использование предложенного нами языка, как такового.

В качестве примера мы реализовали алгоритм морфологического анализа правильных испанских глаголов в активном залоге¹¹, написав примерно 140 строк кода. В своей работе Ставцева реализует алгоритм на языке программирования РНР с помощью примерно 1140 строк кода, что свидетельствует о правильности выбранного нами подхода.

7. Заключение

В настоящей работе мы показали, что для оптимизации создания лингвистических компьютерных систем (автоматических перевода, информационного поиска, аннотирования и реферирования и т.д.) к числу важнейших проблем, требующих оперативного решения, относится проблема лингвистического программного обеспечения.

В качестве наиболее эффективного подхода решения этой проблемы нами предлагается:

а) создание универсальной платформы разработки и функционирования лингвистического программного обеспечения, которая позволила бы объединить усилия разработчиков и в значительной мере упростить процесс создания ЛПО за счет использования общих модулей;

б) создание нового языка программирования, ориентированного на разработку ЛПО и не предполагающего фундаментальных знаний в области программирования, что облегчит труд лингвистов-разработчиков.

Дана общая спецификация платформы, формулирующая основные требования к такого рода программным продуктам. Приведены краткие описания реализации платформы и лингвистически ориентированного языка программирования. Описан предварительный эксперимент по апробации реалистичности и целесообразности нашего подхода к универсальному лингвистическому программному

обеспечению. Полученные результаты свидетельствуют о правильности выбранного нами подхода.

---

¹ Prieto-Diaz R. Status report: software reusability. *IEEE Software* 10(3), 1993; Thomas I., and Nejme B. Definitions of tool integration for environments. *IEEE Software*. 9(2), 1992.

² Sheremetyeva, S and S. Nirenburg Towards A Universal Tool For NLP Resource Acquisition Proceedings of LREC-2000 (Second International Conference on Language Resources and Evaluation) Athens, Greece., 2000.

³ Surcin S., Lange E. and Senellart J. Rapid Development of New Language Pairs at SYSTRAN. in Proceedings of MT Summit XI, Copenhagen, Denmark, 2007.

⁴ Sheremetyeva S. On Portability of Resources for Quick Ramp-Up of Multilingual MT for Patent Claims. in Proceedings of the workshop on Patent Translation in conjunction with MT Summit XI, Copenhagen, Denmark, 2007.

---

⁵ <http://cool.iitp.ru/iitp/2002/lab15.pdf>

⁶ Cunningham, H JAPE: a Java Annotation Pattern Engine. Research Memorandum CS-99-06, Department of Computer Science, University of Sheffield, England, 1999.

⁷ Georgios Petasis, Vangelis Karkaletsis, Georgios Paliouras, Ion Androutsopoulos and Constantine D. Spyropoulos Ellogon: A New Text Engineering Platform, 2002.

⁸ Saqer Abdel-Rahim, Asad Abu Libdeh, Fakher Sawalha, Mohammed K K. Odeh Universal Networking Language (UNL) a Means to Bridge the Digital Divide. – <http://www.worldbank.org/mdf/mdf4/papers/abdelrahim.pdf>.

⁹ Universal Networking Digital Language Foundation Website. – <http://www.undl.org>

¹⁰ Дюмин Н.Ю. Моделирование инструментария разработчика систем обработки естественного языка. Классификация систем. Курсовая работа, 2008.

¹¹ Ставцева И.В. Морфологический анализ глагола испанского языка. Курсовая работа, 2008.

Поступила в редакцию 23 мая 2008 г.

ФРАЗЕОЛОГИЯ

УДК 811.161.1'36+811.161.1'37

СЕМАНТИЧЕСКАЯ РОЛЬ ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫХ НАРЕЧИЙ ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ МОДАЛЬНОГО КЛАССА

Ю.В. Казакова

Статья содержит данные анализа фразеологических единиц определенного семантико-грамматического класса. Автор исследует семантическую структуру фразеологических единиц с компонентом наречием и приходит к выводу, что наречие привносит во фразеологическое значение элемент своего индивидуального значения. Статья может быть интересна ученым-филологам, аспирантам и студентам-лингвистам.

Ключевые слова: фразеологические единицы, семантическая структура, фразеологизмы с компонентом наречием.

Проблемы модальности освещались в научных трудах многих ученых-лингвистов. Академик В.В. Виноградов исследовал категорию модальности и средства ее выражения в своей работе «О категории модальности и модальных словах в русском языке»¹. В книге «Русский язык» В.В. Виноградов подчеркивал важность изучения средств выражения модальности в связи с синтаксисом предложения². В синтаксическом ключе исследуется категория модальности в трудах А.М. Пешковского³, Н.Ю. Шведовой⁴, А.М. Мухина⁵ и др. К изучению модальных фразеологизмов обращались ученые Челябинской проблемной фразеологической лаборатории: В.А. Лебединская⁶, Л.Д. Игнатьева⁷ и другие. Семантические свойства и отношения фразеологизмов модального класса стали предметом специального изучения в исследованиях Ж.З. Мительской⁸. Настоящая статья посвящена семантической роли обстоятельственных наречий в образовании значения модальных фразеологизмов.

Вслед за профессором А.М. Чепасовой⁹ к модальным относим фразеологизмы, категориальное значение которых – выражение субъективной модальности.

Исследуя фразеологизмы модального класса, Ж.З. Мительская на основе субкатегориальных сем выделила три субкатегории: модальные фразеологизмы, выражающие эмоциональное отношение говорящего к высказыванию, модальные фразеологизмы, выражающие рациональное отношение говорящего к высказыванию и модальные фразеологизмы-этикетные фразы.

По нашим данным, модальные фразеологизмы с компонентом наречием разнообразны по семантике и являются представителями всех семантических субкатегорий класса модальных единиц. К субкатегории эмоционального отношения относятся такие единицы, как *ближе к делу*, где это видано, *давно бы так*, *держи ухо востро!*, *долго ли до греха (беды)*, *руки прочь (долой)* (от кого-

либо, от чего-либо), *страшно подумать*, *это тебе (ему и т.п.) даром не пройдет* и другие:

Первой перед судом выступает бабушка Анна. Главный судья говорит ей: – Короче, Ермоловна, ближе к делу! (А.Неверов. Так велит жизнь);

Где это видано, завтракать перед самым обедом? (И.А. Гончаров. Обломов);

Мы разговаривали, по-видимому, так дружелюбно, что Иван Игнатъич от радости проболтался. – Давно бы так, – сказал он мне с довольным видом, – худой мир лучше доброй ссоры (А.С. Пушкин. Капитанская дочка);

*Он [отец Дэмэн] был человеком долга, чести и благородства. Возможно, ему не был чужд фанатизм, и человек этот был неопрятен, но все же какой это большой, прекрасный человек! И я вместе с моей доблестной семьей говорю в лицо Вам, мистер Хайд: *руки прочь от светлых риз, украшающих светлый подвиг!* (Л. Борисов. Под флагом Катрионы).*

Субкатегорию рационального отношения представляют фразеологизмы *будь я трижды проклят (а)*, *говоря вправду*, *иначе говоря*, *иначе не скажешь*, *лучше сказать*, *прямо скажем*, *так и быть*, *так сказать*, *яснее ясного* и другие:

И все-таки зададим вопрос: а не поторопились ли светила медицины с выводами? Иначе говоря, неизбежна ли мгновенная смерть человека, если его мозг получил «повреждения, несовместимые с жизнью», как говорят врачи? (Вечерний Челябинск. 30.01.2004);

Дело в том, как ты выглядишь в день рождения. А выглядишь ты, прямо скажем, не плохо (А. Рекемчук. Молодо-зелено);

Я представлю вас моему другу, так и быть! (Л. Борисов. Жюль Верн);

Дело вот в чем: я давно хотел позаняться разработкою, так сказать, идеальных сторон народного строя жизни (Г. Успенский. Кой про что).

Фразеология

К модальным фразеологизмам–этикетным фразам относятся благодарю (-им) покорно (покорнейше), кланяюсь низко (кому-либо), очень приятно!, покорнейше (покорно) прошу, совершенно верно, чувствительно благодарен:

Как здоровье вашей сестры? – спросил, каким-то особенно ласковым голосом, Рудин у Волынцева... – Покорно благодарю. Она здорова (И.С. Тургенев. Рудин);

Он [поп] решительно подошел к Прокотию: – И вас, сударь, покорно прошу не смущать малых сих (Е. Федоров. Каменный пояс).

Наиболее продуктивны (составляют 2/3 модальных фразеологизмов с компонентом наречием) в образовании модальных фразеологизмов наречия, являющиеся в свободном употреблении определительными (надвое, покорно, ближе, вернее, остро, даром, трижды, так, далеко, мягко, иначе, кстати, легче, низко, ничуть, откровенно, собственно, чувствительно и др.).

Среди определительных наречий, ставших компонентами модальных фразеологизмов, выделяется большое количество качественных наречий: (ближе, вернее, остро, далеко, долго, дороже, короче, легко, мягко, низко, образно, обычно, откровенно, прямо, покорно, собственно, строго, счастливо, честно, шире и другие). Качественные наречия участвуют во фразообразовании следующих модальных фразеологических единиц: благодарю покорно, более или менее, вернее сказать, говоря образно, далеко не уйдешь, держи карман шире!, долго ли до греха (беды), кланяюсь низко (кому), мягко говоря, откровенно говоря, покорнейше (покорно) прошу, прямо скажем, себе дороже, собственно говоря, точнее сказать, чувствительно благодарю и др.

Наряду с определительными наречиями проявляют активность во фразообразовании и самые древние обстоятельственные наречия, ставшие компонентами 1/3 модальных фразеологизмов. Среди них наиболее продуктивны обстоятельственные наречия места (вверх, вон, где, дома, куда, никуда, откуда, навверх, прочь, там, туда, тут-то).

Наречие где стало компонентом таких модальных единиц, как *вот где сидит, вот где собака зарыта, где наше(а) не пропадало(а)!, где раки зимуют, где собака зарыта, где это видано, где это слыхано*. В образованные модальные фразеологизмы компонент наречие где вносит сему оценки, сформированную на основе пространственной характеристики.

Так, в недрах семантической структуры фразеологизма *вот где собака зарыта* имеется «точечная» пространственная характеристика: «суть дела, истинная причина именно в этом, здесь»:

– Важно выяснить, каким образом он запутался и кто стоит за его спиной... Между прочим он очень рассчитывал на заступничество матери... – Ну еще бы... Вот оно! – злобно вос-

кликнул Уваров. – Вот где собака зарыта! И как я сразу не сообразил? (Р. Матвеев. Новый директор). Модальный фразеологизм *Вот где собака зарыта!* имеет значение «в этом истинная причина, суть дела».

Употребление модального фразеологизма с компонентом наречием *вот где сидит* сопровождается жестом, который является проявлением точечной пространственной характеристики:

[Князь:] Ах, уж этот мне экзаме́н, матушка, вот где сидит (Л. Толстой. Дворянское семейство). Модальный фразеологизм *вот где сидит* выражает досаду, раздражение, неудовольствие, сопровождаемое жестом.

На периферии семантической структуры фразеологической единицы *где наше не пропадало* имеется наречная пространственная сема 'езде' и временная «всегда», на базе которых и формируются оценка происходящего события и значение решимости рисковать езде, всегда:

По временам раздавались восклицания игроков: «пас!», «А ну, где наше не пропадало!» (М.Е. Салтыков-Щедрин. Помпадуры и помпадурши). Модальный фразеологизм *где наше не пропадало!* выражает решимость идти на риск.

Во фразеологическом содержании модальных единиц *где это видано, где это слыхано* имеется пространственная наречная сема «нигде» и временная «никогда». Названные единицы оформляют отношение недоумения, отрицательную характеристику к сообщаемому факту, так как, по субъективному мнению говорящего, этот факт нигде и никогда не является общепринятым:

Где это видано, завтракать перед самым обедом? (И.А. Гончаров. Обломов). Модальный фразеологизм *где это видано* выражает негативное отношение к сообщаемому факту (*завтракать перед самым обедом*);

– Дедушка, хочешь ли быть навечно бессмертным? – Христос с тобой! Да где это слыхано, сынок! (Е. Федоров. Каменный пояс). Модальный фразеологизм *где это слыхано* выражает отношение недоумения к сообщаемому факту (*быть навечно бессмертным*).

Наречие *куда* стало компонентом таких модальных фразеологических единиц, как *куда же смотрит(ят), куда кривая вывезет, куда ни поверни (повороты) во 2 зн., куда это годится?, куда махнул (хватил), (еще) куда ни шло*. В этих фразеологизмах наречие *куда* также развивает сему оценки, которая преобразована из пространственной семы:

– Уж не губернатора ли дожидаетесь? – Губернатора! – засмеялся Василий Иванович. – Куда махнули (В.Г. Короленко. Убивец). Модальный фразеологизм *куда махнули* выражает недоумение, оценивает высказанное (*Уж не губернатора ли дожидаетесь?*) как нелепость, несуразность;

– Куда это годится? Люди прямо на берегу спят, а через месяц – зима (В. Некрасов. В окопах

Сталинграда). Модальный фразеологизм куда это годится? выражает резкое осуждение, отрицательное отношение к высказываемому факту (*Люди прямо на берегу спят, а через месяц – зима*);

– *Вам пришла фантазия испытать на мне свой рыцарский дух. Я бы мог отказать вам в этом удовольствии, да уж куда ни шло!* (И.С. Тургенев. Отцы и дети). Модальный фразеологизм с компонентом наречием (*еще*) куда ни шло выражает полусогласие в отношении факта, оцениваемого негативно (*испытать на мне свой рыцарский дух*).

Исследованный материал показывает, что все обстоятельственные наречия вносят во фразеологическое значение модальных единиц сему оценки, преобразованную из индивидуальной обстоятельной семы. При этом оценка, выражаемая модальным фразеологизмом с компонентом наречием, является чаще всего негативной.

Так, модальный фразеологизм с компонентом наречием *не тут-то было!* имеет содержание «вышло не так, как ожидалось, предполагалось», негативная оценка происходящего основывается на том, что не произошло ожидаемое событие:

Я бросился на диван, надеясь после моего подвига заснуть богатырским сном: не тут-то было! Блохи, которые гораздо опаснее шакалов, напали на меня и во всю ночь не дали мне покою (А.С. Пушкин. Путешествие в Арзрум).

Модальный фразеологизм *руки прочь* (долой) (от кого, чего) выражает резкое требование невмешательства, таким образом, вмешательство оценивается резко негативно:

И я вместе с моей семьей говорю в лицо Вам, мистер Хайд: руки прочь от светлых риз, украшающих светлый подвиг! (Л. Борисов. Под флагом Катрионы).

Модальный фразеологизм с компонентом наречием с *глаз долой!* выражает гневный, резкий приказ удалиться:

– *С глаз долой!* – повелительно сказал Обломов [Захару], указывая рукой на дверь. – *Я тебя видеть не мог.* (И.А. Гончаров. Обломов).

Модальный фразеологизм с компонентом наречием *откуда что взялось!* может выражать как негативную, так и положительную оценку неожиданно проявившемуся факту:

Давно ли, кажется, все было так тихо, так спокойно в этом доме... и вдруг... откуда что взялось! Право, мы все с ума сошли (И.С. Тургенев. Месяц в деревне);

Было удивительно, сколько умения и понимания обстановки таилось в этом простом на вид казаке. Откуда что и взялось! (Е.Федоров. Каменный пояс).

Обстоятельственные наречия времени малопродуктивны при образовании модальных фразеологизмов. Наречия *всегда*, *когда*, *никогда*, *сейчас* являются фразеобразующими для следующих

единиц: *всегда готов!*, *есть когда!*, *никогда в жизни!*, *сейчас умереть*.

Обстоятельственное наречие времени *никогда* (как и большинство наречий места) вносит во фразеологическое значение сему негативной оценки. Так, модальный фразеологизм *никогда в жизни!* выражает усиленное отрицание, отказ, в котором содержится негативное отношение к сообщаемому:

– *Ты поступила нечестно. И должна просить у Коли прощения. – Я? У него?! Никогда в жизни!* – *закричала Нелька* (А. Алексин. Коля пишет Оле, Оля пишет Коле);

Может это быть, чтобы мальчик убежал от Биденко? – Да никогда в жизни!.. От Биденко ни один взрослый не убежит, а не убежит, а не то что этот пистолет (В. Катаев. Сын полка).

Наречия *всегда* и *сейчас* вносят в содержание фразеологизма сему усиления. Так, модальный фразеологизм с компонентом наречием *сейчас умереть* выражает клятвенное уверение в истинности слов:

– *Ребята, вот так пушка!* – *Да... – Уж очень, сейчас умереть, большая!* (И.Ф. Горбунов. У пушки);

Баба соседка увидела его, и он, проходя назад, услышал, как она говорила кому-то: – Иди, дожидается, сейчас умереть, стоит (Л. Толстой. Дьявол).

Во фразеобразовании модальных единиц участвуют, кроме рассмотренных выше обстоятельственных наречий со значением места и времени, обстоятельственные наречия со значением причины (*почем* (*почему*)) и цели (*назло*).

Обстоятельственное наречие со значением причины *почем* (*почему*) является компонентом модального фразеологизма *почем* (*почему*) *я знаю!* *почем мне знать!*, оформляющего ответ на вопрос, когда отвечающий хочет сказать, что он совсем не знает о чем-либо. Во фразеологическое значение этой единицы наречие *почем* (*почему*) вносит сему причины:

[Круглова:] *Как же нам быть-то, Агничка?*

[Агния:] *Почем я знаю! Что я на свете видела?* (А. Островский. Не все коту масленица);

– *Как ты думаешь, сколько у него теперь свиней?* – *Почем мне знать!* (М.Е. Салтыков-Щедрин. Помпадур и помпадурши).

Обстоятельственное наречие со значением цели *назло* участвует во фразеобразовании модальной единицы как *назло*, выражающей отрицательное отношение говорящего с оттенком досады, огорчения. При формировании фразеологического значения наречие *назло* активизирует сему своего индивидуального значения (в свободном употреблении имеет значение ‘наперекор, с целью рассердить, противостоять, помешать и т.д.’):

Тимофею Ильичу хотелось поговорить с сыном наедине, без Ниловны, а старуха, как назло,

Фразеология

не отходила от Сергея (С. Бабаевский. Кавалер Золотой Звезды);

Конечно, надо было незаметно отойти, но, как назло, концы цветных лоскутков запутались в комочках (А. Гайдар. Военная тайна).

Как показал анализ, во фразообразовании модальных фразеологизмов принимают участие самые древнейшие обстоятельственные наречия со значением пространства и времени. Эти наречия вносят во фразеологическое значение сему оценки, сформированную на основе пространственной или временной характеристики, при этом, оценка чаще всего имеет негативную окрашенность. Кроме того наречия со значением времени могут вносить во фразеологическое значение модальных единиц сему усиления. Наречия со значением причины и цели, становясь компонентами фразеологических единиц модального класса, вносят в новую единицу сему своих индивидуальных значений.

¹ Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Исследования по русской грамматике. Избранные труды. М.: Наука, 1975. С. 53–87.

² Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). 3-е изд. М., 1986. С. 640.

³ Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 1956. С. 511.

⁴ Шведова Н.Ю. Синтаксис русского языка. М. Л., 1941. С. 620.

⁵ Мухин А.М. Структура предложений и их модели. Л.: Наука, 1968. С. 230.

⁶ Лебединская В.А. Категория лица глагола-компонента фразеологических единиц (на материале произведений и писем А.П. Чехова): дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 1975. С. 214.

⁷ Игнатъева Л.Д. Структурные и семантические свойства фразеологических единиц с фразообразующим компонентом «как» в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 1975. С. 214.

⁸ Мительская Ж.З. Семантическая организованность фразеологизмов модального класса. Челябинск: Изд-во ВПО «ЧГПУ», 2004. С. 153.

⁹ Чепасова А.М. Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов: учеб. пособие. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2006. С. 144.

Поступила в редакцию 23 мая 2008 г.

ЗЕЛЕННЫЕ СТРАНИЦЫ

УДК 803.0

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ПРОТЕСТАНТСКОГО ПРОПОВЕДНИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

С.В. Блузберг

Статья посвящена проблеме изучения дискурса в современной лингвистике. Рассмотрены специфические признаки протестантской проповеди на примерах, взятых из современной немецкой прессы.

Ключевые слова: религиозный дискурс, проповедь.

Понятие «дискурс» стало появляться в лингвистических исследованиях примерно с середины XX-го века. Американский философ и лингвист Ч. Моррис (1901–1979), характеризующий семиотику как общую науку о языке, в своей работе «Знаки, язык и поведение» (1946) выделяет шестнадцать различных типов дискурса. До этого времени и в дальнейшем термин «дискурс» рассматривался главным образом с социологической точки зрения (Г.-Д. Гадамер, Ж. Деррида и многие др.).

С развитием социолингвистики как самостоятельной науки разные исследователи дискурса (Т. Ван Дейк, К. Бринкер, З. Йегер, Р. Водак и др.) стали рассматривать дискурс как институциональный вид общения. В.И. Карасик определяет институциональный дискурс как представительское общение и выделяет три типа признаков институционального дискурса: конститутивные признаки, собственно признаки институциональности и нейтральные признаки. Так, в своей работе «Религиозный дискурс»¹, рассматривая религиозный дискурс как особый вид институционального дискурса, он исследует основные компоненты религиозного дискурса. Н.Б. Мечковская в своей работе «Язык и религия»², описывая особенности коммуникации в мифолого-религиозной практике, исследует взаимосвязь религии и языка и их взаимное влияние друг на друга, подробно рассматривает жанры религиозного дискурса (Откровение, заповеди, проповедь), а также особенности религиозных дискурсов монотеистических религий (иудаизм, ислам, христианство).

Религиозный дискурс являлся и по-прежнему является объектом научного исследования. Однако в этих исследованиях он рассматривается с общепhilosophической, теологической или социологической точки зрения, то есть лингвистический аспект (языковая сторона) религиозного дискурса остается малоизученным. Кроме того, нельзя не отметить, что понятие «религиозный дискурс» встречается в современной публицистике ряда стран и употребляется в широком, бытовом, а не специ-

альном, лингвистическом смысле, означая межрелигиозный, межконфессиональный диалог. Традиция исследования религиозного дискурса в лингвистике имеет достаточно короткую историю.

Говоря о структуре религиозного дискурса как одном из видов институционального дискурса, В.И. Карасик выделяет ряд структурных компонентов данного вида дискурса: участники; хроно-топ; цели; ценности и способы их выражения; ключевой культурный концепт; стратегии; тематика; разновидности и жанры; прецедентные (культурогенные) тексты и др.³. В качестве иллюстраций к своим положениям автор анализирует материал, имеющий отношение к различным религиям и конфессиям (христианство, иудаизм, даосизм, индуизм, ислам). Дальнейшая работа над этими положениями могла бы, на наш взгляд, выразиться в описании религиозного дискурса отдельных религий и конфессий, а затем – в выделении универсальных, типологических индивидуальных характеристик религиозного дискурса, так как определенные компоненты религиозного дискурса (символ веры, основной и дополнительные источники веры и т.д.) имеют некоторые различия в разных религиях и конфессиях.

Религиозный дискурс представляет собой особый тип институционального дискурса, специализированную клишированную разновидность общения, обусловленную социальными функциями партнеров и регламентированную как по содержанию, так и по форме. Ядром данного вида дискурса является общение базовой пары участников коммуникации: священник – священник, священник – мирянин, мирянин – мирянин, а самое главное – Бог и человек.

Достижение целей религиозного общения реализуется с помощью определенных коммуникативных стратегий, которые, в свою очередь, определяются его целями и жанрами. К важнейшим целям религиозного общения, уточняющим его главную цель – приобщить человека к Богу, – относятся следующие:

Зеленые страницы

- а) получение поддержки от Бога;
- б) очищение души;
- в) призыв ближних к вере и покаянию;
- г) утверждение верующих в вере и добродетели;
- д) разъяснение вероучения;
- е) осознание через ритуал своей принадлежности к той или иной конфессии.

В.И. Карасик выделяет следующие основные стратегии религиозного дискурса: молитвенная; исповедальная; призывающая; утверждающая; разъясняющая; обрядовая⁴. При этом откровение, молитва и проповедь выступают как фундаментальные жанры религиозной коммуникации.

Одной из форм выражения и передачи культурно-этических ценностей в религиозном дискурсе является проповедь. Н.Б. Мечковская отмечает в этой связи: «Проповедь – это фундаментальный, первичный жанр религиозной коммуникации»⁵. С началом проповеди учение начинает жить в сознании некоторого сообщества людей. «Религия как межличностный коммуникативный процесс начинается именно с проповеди учения людям»⁶. По отношению к Слову Бога всякая проповедь – текст «второго порядка», слово наставника по поводу Слова Бога. Цель проповеди заключается в донесении смысла Слова Бога до сознания людей, адаптации первичного текста к возможностям человеческого разума.

Элементы проповеди представлены уже в Ветхом Завете. Так, во «Второзаконии», Моисей, передавая заповеди Божии народу, призывает людей исполнять заповеди, показывая, насколько они важны и как опасно невыполнение заповедей.

Знаменитая Нагорная проповедь, излагающая суть христианской этики, представляет собой и параллель, и дополнение, и антитезу ветхозаветному «Декалогу». Новая этика и продолжает Ветхий Завет и полемизирует с ним. «Не думайте, что Я пришел нарушить Закон или Пророков; не нарушить пришел Я, но исполнить», – говорит Иисус (Мф 5,17). Иисус Христос выступает одновременно и в роли Бога, и в роли человека. Поэтому Нагорная проповедь соединяет в себе черты Откровения и проповеди: по содержанию (главные заповеди Бога) это Откровение, а по форме (жанр, характер коммуникации, активность говорящего в стремлении убедить слушающих) – это проповедь.

Как справедливо замечает Н.Б. Мечковская, проповедь стала выполнять комментаторскую функцию в религиях Писания – функцию толкования «трудных мест» священного текста. Постепенно толкования, всякого рода комментарии к Священному Писанию становятся преобладающим типом знания вообще, а культура, в центре которой находится религия Писания, развивается как комментаторская культура.

Исторические источники свидетельствуют, что уже в первые века существования христианства проповедь была обычным сопровождением собственно службы Богу и коллективных молебнов.

Один из ранних отцов церкви, живших во II веке, Св. Иустин, так описывает воскресное собрание христиан и его процедуру – чтение Писания, проповедь, молитвы, собственно литургия: «В так называемый день Солнца (слово «воскресенье» со многих европейских языков буквально переводится как «день Солнца». – С.Б.) бывает у нас собрание в одном месте всех живущих по городам и селам; и читаются, сколько позволяет время, сказания апостолов или писания пророков. Потом, когда чтец перестанет, предстоятель посредством слова дает наставление и увещание подражать тем прекрасным вещам. Затем все вообще встаем и воссылаем молитвы. Когда же окончим молитву, тогда, как я выше сказал, приносится хлеб, и вино, и вода; и предстоятель также воссылает молитвы и благодарения, сколько он может. Народ выражает свое согласие словом «аминь», и бывает раздаяние каждому и приобщение Даров, над коими совершалось Благодарение, а небывшим они посылаются через диаконов». Гомилия (греч. *omilia* – собрание, сообщество, беседа, учение), наставление и увещание предстоятеля подражать тем прекрасным вещам – показательный пример раннехристианской проповеди. Несколько позже возник термин «гомилетика» – правила составления проповедей; наука о церковном красноречии.

В Средние Века в западном христианском мире воскресная проповедь была достаточно обычным делом. Сначала нормативные руководства для проповедников отсутствовали: считалось, что пастырское слово о Боге не нуждается в изощренной риторике – сама искренняя вера подскажет нужное слово. Но с развитием европейской риторики в XIII–XIV вв. стали популярными руководства по составлению писем и деловых бумаг; начали появляться учебники и по церковному красноречию (лат. *ars praedicandi* – искусство проповеди).

В университетах на теологических факультетах стали обучать «тематической» проповеди. «Темой» служила строка из Писания, похвала празднику или святому, рассуждение о событии и т.д. Такие проповеди были видом устной публичной торжественной речи, однако они готовились заранее, а значит, существовали и в письменной форме, и нередко впоследствии печатались в качестве сочинений, представляющих самостоятельную богословско-публицистическую и эстетическую ценность. «Тематическая» проповедь считалась несколько веков вершиной церковно-риторической учености.

Проповедь в некотором смысле противостоит собственно богослужению: если чинопоследование служб строго задано Служебником и Типиконом, то проповедь – жанр свободный, «менее ответственный, менее обязательный, и поэтому предоставляющий проповеднику возможность определенного выбора содержания и способа пастырского общения с верующими. Новые тенденции в конфессиональной области обычно проявляются

раньше всего именно в проповеди. Вхождение народных языков в храм началось именно с проповеди. Затем было разрешено чтение отрывков из Писания на родном языке, позже – молитвы и песнопения. И наконец, в последнюю очередь, народный язык был допущен в литургию.

«В проповеди есть непредсказуемость и, следовательно, риск неортодоксальности»⁷. По этой причине православная и католическая церковь, особенно в прошлом, ограничивали возможности проповедничества. В православии право литургической проповеди дано только епископам и пресвитерам, но не диаконам.

Протестанты активно развивали проповедничество, видя в свободной проповеди возвращение к чистоте и религиозному творчеству раннехристианских времен. Расцвет католической проповеди в эпоху контрреформации отчасти был реакцией на успехи протестантского проповедничества.

Православный взгляд на проповедь как жанр религиозного общения представляется, по сравнению со взглядом протестантским, значительно более неоднозначным, взвешенным и сдержанным. Иными словами, православие, с одной стороны, предъявляет более жесткие требования к проповеди, поскольку проповедь, являясь достаточно свободным жанром религиозной коммуникации, представляет определенный риск неортодоксальности и даже крена в ересь именно в силу своей непредсказуемости. С другой стороны, Православная Церковь, являющаяся проводником христианства, т.е. мессианской религии, говорит о необходимости проповеди как одном из видов миссионерской деятельности. При этом современная православная проповедь в ходе своего развития подвергается здоровой критике со стороны самой Православной Церкви, что позволяет ей, сохраняя свой ортодоксальный характер, успешно решать разнообразные миссионерские задачи. Ярким примером такой критики может служить статья «О повседневном миссионерстве» игумена Петра (Мещерякова), опубликованная в газете Русской Православной Церкви «Русский Вестник» №6(307) за 2005 год, в которой автор, анализируя особенности православной проповеди, выявляет ее некоторые характерные «миссионерские ошибки» (подмена благовествования внешней церковностью, подмена подлинного христианства христианством лубочным, смещение акцентов с Предания на исторические формы Предания и т.п.), исправление которых позволяет сегодня добиться успеха православной миссии. Для православной проповеди, по мнению автора, характерен акцент на патриотизм и здоровое национальное самосознание, что отличает ее от проповеди протестантской.

Проведенный нами в рамках диссертационного исследования обзор протестантской прессы Германии за 2000–2006 гг. позволил определить структуру современной протестантской проповеди

как разновидности религиозного дискурса и выявить некоторые ее особенности.

Протестантская проповедь, представленная на страницах современной прессы Германии («Die Evangelische Zeitung», «Die Evangelische Kirchenzeitung», «Chrismon», «Publik Forum», «Evangelisches Gemeindeblatt für Württemberg» и др.), характеризуется четкой структурой, которая может быть представлена в общем виде следующим образом:

I. Der Bibelabschnitt (Отрывок из Ветхого или Нового Завета).

II. Die Predigt (Собственно проповедь):

- 1) Die Einführung (введение);
- 2) Die Erklärung (разъяснение);
- 3) Die Deutung (толкование);
- 4) Die Schlussfolgerung (выводы).

III. Das Gebet (Молитва).

Отрывок из Священного Писания представляет собой, как правило, фрагмент из какого-нибудь ветхозаветного Пророка или из Нового Завета. Так, в проповеди немецкого священника Йенса Юнгингера «Von Achtsamkeit und Gleichgültigkeit» (О заботе и равнодушии), опубликованной в газете «Evangelisches Gemeindeblatt für Württemberg» №18 за 2006 год, в качестве такого отрывка выступает выдержка из Первого Соборного Послания Святого Апостола Петра: «1. Petrus 5, 1–5 Die Ältesten unter euch ermahne ich, der Mitälteste und Zeuge der Leiden Christi, der ich auch teilhabe an der Herrlichkeit, die offenbart werden soll: Weidet die Herde Gottes, Die euch anbefohlen ist, achtet auf sie, nicht gezwungen, sondern freiwillig, wie es Gott gefällt; nicht um schändlichen Gewinns willen, sondern von Herzensgrund, nicht als Herren über die Gemeinde, sondern als Vorbilder der Herde: So werdet ihr, wenn erscheinen wird der Erzhirte, die unvergängliche Herrlichkeit empfangen. (1. Петра 5,1–5 Пастырей ваших умоляю я, сопастырь и свидетель страданий Христовых и соучастник в славе, которая должна открыться: Пасите Божие стадо, какое у вас, надзирая за ним не принужденно, но охотно и богоугодно, не для гнусной корысти, но из усердия, И не господствуя над наследием Божиим, но подавая пример стаду, – И когда явится Пастыреначальник, вы получите неувядающий венец славы)». Иногда библейский отрывок помещается не в начале проповеди, а в середине, либо распределяется по остальным ее структурным частям.

Собственно проповедь, центральная часть, занимает самое большое место во всей проповеди и включает в себя четыре структурных элемента: введение, разъяснение, толкование и выводы. Введение представляет собой короткое рассуждение по поводу какого-либо актуального события, имеющего немалое значение для паствы (канун религиозного праздника, массовое сокращение рабочих предприятия, безразличие к ним со стороны руководства и т.п.). Разъяснение представляет собой раскрытие значения приведенного выше библейского отрывка, проведение аналогии между

библейским сюжетом и современным контекстом. Толкование фрагмента из Священного Писания состоит в его интерпретации автором проповеди применительно к теме, затронутой в данной проповеди. В выводах подводятся итоги проповеди, в той или иной форме предлагается определенная модель поведения или руководство к действию.

Молитва, заключительный структурный элемент проповеди, занимает в ней наименьшее место и состоит из нескольких простых предложений. Например, молитва вышеупомянутой проповеди Йенса Юнгингера содержит обращение к Богу, перечисление некоторых его заслуг, имеющих непосредственное отношение к теме проповеди, и выражение благодарности за них: «Gott, die Himmel sind deiner Hände Werk, die Schöpfung und wir Menschenkinder sind deiner Hände Arbeit. Du achtest uns als deine Mitarbeiter. Du leitest uns an, achtsam miteinander umzugehen. Du ermutigst uns, unsere Zukunft solidarisch und gerecht zu gestalten. Dafür danken wir dir. Amen». («Боже, небеса Твоих рук работа, мирозданье и мы, дети Твои, Твоих рук работа. Ты почитаешь нас за Своих сотрудников. Ты повелеваешь нам относиться друг к другу с заботой. Ты наставляешь нас строить наше будущее сообща и справедливо. За это благодарим мы тебя. Аминь»).

Приведем теперь основные специфические признаки протестантской проповеди, сформулированные нами на основе проведенного анализа современной протестантской прессы Германии.

1. Неразрывная связь с источником веры – Библией

Протестантизм с лютеровских времен до настоящего момента проповедует Священное Писание (книги Ветхого и Нового Заветов) в качестве основного источника веры. Многочисленные современные протестантские газеты и журналы («Die Evangelische Zeitung», «Die Evangelische Kirchenzeitung», «Chrismon», «Publik Forum» и др.) печатают статьи и репортажи, побуждающие к изучению Библии, в том числе и к самостоятельному, предлагают форумы для открытых дискуссий по поводу спорных вопросов веры.

2. Христоцентризм

Евангелие Христа является главной целью функционирования протестантской церкви. В рамках своей миссионерской деятельности она бесплатно распространяет Библию, организует и проводит бесплатные занятия по Священному Писанию.

3. Космополитизм

В протестантской проповеди, основанной на Священном Писании, не может быть речи о патриотизме или национальном самосознании, поскольку принцип «нет ни эллина, ни иудея», провозглашенный апостолом Павлом в Новом Завете, означает приоритет христианских, общечеловеческих ценностей над национальными. В этом смысле протестантская проповедь носит, прежде всего, космополитический характер.

4. Позитивизм

Как показывает анализ современной немецкой протестантской прессы, протестантской проповеди присущ позитивный характер. В этом смысле показательна проповедь немецкого прелата Ульриха Мака «Gott schafft neues Leben», опубликованная в газете «Evangelisches Gemeindeblatt für Württemberg». Она содержит следующие мысли: «So ist Gott. Er schenkt Leben. Er verwandelt Trauer in Freude. Er hat Jesus nicht im Grab gelassen, sondern wieder herausgeführt. Seine Auferstehungsmacht ist stärker als der Tod, stärker auch als unser Tod. Jesus lebt – mit ihm auch ich» (Таков Господь. Он дарует жизнь. Он превращает горе в радость. Он не оставил Иисуса в могиле, но вознес Его вновь. Его воскрешающая мощь сильнее смерти, а, значит, сильнее и нашей смерти. Иисус жив, а значит, и я с ним). Таким образом, становится очевидно, что протестантская проповедь носит ярко выраженный позитивный характер.

5. Гуманизм и антропоцентризм

Протестантская проповедь провозглашает каждого отдельного человека, индивидуума, наивысшей ценностью. В проповеди пастора Йенса Юнгингера «Von Achtsamkeit und Gleichgültigkeit», опубликованной в германской газете «Evangelisches Gemeindeblatt für Württemberg» №18 за 2006 год, прямо говорится: «Es geht um die Würde des einzelnen Menschen... Die Würde des Menschen ist unser Maßstab» (Речь идет о достоинстве отдельного человека... Достоинство человека является нашим мерилом).

6. Тематическая актуальность и намеренная простота языка проповеди (лингвистический признак)

Проведенный анализ современной протестантской прессы показал, что, во-первых, появление той или иной проповеди связано с каким-либо актуальным событием, которое является важным для прихожан. Во-вторых, для большей убедительности и лучшего восприятия послания пасторской проповедник намеренно прибегает к использованию простого, повседневного языка. Таким образом, проповедь, на фоне цитат из Священного Писания, содержит вкрапления, состоящие из воспоминаний, жалоб рядовых прихожан, вольных комментариев автором священных текстов и т.п. Данные утверждения можно проиллюстрировать с помощью вышеупомянутой проповеди Йенса Юнгингера «Von Achtsamkeit und Gleichgültigkeit» («О заботе и равнодушии»). Она посвящена проблеме утраты рабочими своих мест в результате массовых сокращений на фоне миллиардных прибылей их работодателей – владельцев предприятий. В ней, в частности, автор приводит воспоминания одного из таких новых безработных: «Wir sind oft noch zusätzlich samstags gekommen, sogar auch mal Sonntag abends, weil es dringend war. Und jetzt das, nach 30 Jahren» (Мы часто выходили сверхурочно по субботам, иногда даже по воскресеньям вечером, когда это было необходимо. И вот теперь это

(сокращение), через 30 лет). И далее пастор, ссылаясь на библейский текст (Первое Соборное Послание Апостола Петра), призывает работодателей позаботиться о «Божьем стаде» – своих сотрудниках, не сокращать их без необходимости, не проявлять к ним равнодушия, оставляя их и их семьи в стесненных средствах.

Таким образом, неразрывная связь с основным источником веры (Библией), христоцентризм, космополитизм, позитивизм, гуманизм и антропоцентризм, тематическая актуальность и намеренная простота языка на лексическом, грамматическом и синтаксическом уровнях являются основными отличительными признаками современного немецкого протестантского проповеднического дискурса.

Периодические издания России и Германии:

1. Русский Вестник №6(307) 2005.
2. Chrismon №4, 2004.
3. Die Evangelische Kirchenzeitung №9, 2006.
4. Die Evangelische Zeitung №5-12, 2006.
5. Evangelisches Gemeindeblatt für Württemberg №15, 2006.

¹ Карасик В.И. Религиозный дискурс. Волгоград, 1999. С. 15.

² Мечковская Н.Б. Язык и религия. М., 1998.

³ Карасик В.И. Цит. соч. С. 17.

⁴ Там же.

⁵ Мечковская Н.Б. Цит. соч. С. 205.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 209.

Поступила в редакцию 24 марта 2008 г.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВТОРИЧНОЙ НОМИНАЦИИ ПРИ СОЗДАНИИ ПРОЗВИЩНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ

С.Р. Ван Несс

Номинация в лингвистике представляет собой процесс называния, в котором языковые элементы соответствуют объектам, которые они обозначают. В номинации можно выделить три стороны: именуемый объект, именующий субъект, и языковые средства, среди которых делается выбор. Признак, выбранный в процессе номинации, лежит в основе имени и формирует его внутреннюю форму. Таким образом, один и тот же объект может быть назван по-разному в зависимости от того, какие из признаков составляют основу данных имен. Законы номинации находят свое выражение не только в готовых средствах языка, но также в каждом речевом акте, где называние объекта происходит на основе выбора его признаков. Средства вторичной косвенной номинации, такие как метафора, метонимия и антономазия являются наиболее продуктивными способами формирования вторичных имен собственных.

Ключевые слова: вторичная номинация, внутренняя форма имени, метафора, метонимия, антономазия.

Язык – средство познания мира. Человек познает окружающую действительность, где имеют место предметы и явления, и в процессе своей деятельности дает им имена, формирует новые понятия, устанавливает между ними связи. Язык, будучи многофункциональным и используемым для наименований вещей и явлений, обобщает и различает свойства и отношения между ними, хранит и передает социальный и исторический опыт, отраженный в значениях и названиях языковых единиц.

В лингвистической теории не ослабевает интерес к проблеме соотношения языка, мышления и действительности. Данное соотношение представлено знаковой природой имени, в котором соединены *понятие* (концептуальная форма мышления), *имя* (лингвистическая форма) и *реалия*. Исследование этого соотношения подразумевает более глубокое понимание роли человеческого фактора в языке и законов номинации, так как мышление и коммуникативные потребности и намерения человека реализуются в языковой форме. Именно поэтому такие актуальные вопросы в теории языковой номинации связаны, прежде всего, с тем, как действительность, отраженная в категориях мышления реализуется в значениях языковых форм, как мышление и практическая деятельность людей влияет на выбор языковых знаков тем или иным обществом.

Известно, что ученые Древней Греции выдвинули на первый план вопрос о взаимосвязи между словами и вещами. А в средние века, нужно отметить, между реалистами и номиналистами не было единого мнения по данному вопросу. Большой вклад в изучение проблемы номинации внесли такие выдающиеся представители общего и теоретического языкознания как В. Гумбольдт, А.А. Потебня, Н.В. Бодуэн де Куртенз, Ф. де Соссюр.

Как было уже сказано, в своей мыслительной деятельности человек дает имена познаваемым вещам, свойствам и отношениям действительности. Этот процесс носит название номинации.

Наука, изучающая имена, природу наименования, средства, обозначения и их типы, называется ономастологией. Ее основная цель – создание теории номинации, изучение средств и способов называния элементов действительности. «Номинация есть закрепление за словом понятия, отражающего определенные признаки предметов», по-другому – «номинация есть закрепление за языковым знаком понятия – сигнификата, отражающего определенные признаки...»¹.

При номинации субъект отбирает в объекте ряд признаков, или один признак, которые, как правило, берутся в основу наименования. Каждый предмет имеет множество признаков. В названии отразить все эти признаки невозможно, поэтому достаточно указать на один, наиболее характерный. Основной признак, по которому получил название тот или иной предмет, А.А. Потебня называет «преставлением», или «внутренней формой». Таким образом, внутренняя форма представляет собой признак объекта, взятый за основу наименования.

В современной теории номинации разработаны и приняты различные типы и способы номинации. В соответствии с различными способами процесса номинации, описательные имена могут создаваться прямым, или косвенным путем. Первый способ является самым распространенным в языке, при котором мотивирующий признак выражен словом с прямым значением. Содержание такого признака соответствует лексическому значению мотивирующего слова. Второй способ номинации называют косвенным, так как наименования, образованные с

его помощью, обладают переносным значением. Под типами номинации подразумевается обычно характер указания именем на действительность, и на этом основании номинация может быть первичной и вторичной. Первичная номинация является начальной, и считается производной в современной лингвистике. Вторичная – производная, так как она образована путем изменения значения готовых языковых средств, выполняющих свою второстепенную функцию (такие имена являются мотивированными). Вторичной лексической номинацией В.Г. Гак и В.Н. Телия считают использование уже имеющихся в языке номинативных средств в новой для них функции наречения. По их мнению, в языке закрепляются такие вторичные наименования, которые представляют собой наиболее закономерные для системы данного языка способы наименования и восполняют недостающие в нем номинативные средства².

Как известно, использование вторичной номинации широко распространено в языке, и является одним из законов его развития, прежде всего на уровне лексико-семантической системы, в связи с «очевидным ограниченным набором лексем любого языка и необходимостью обходиться этими лексическими ресурсами при наименовании большого количества возникающих или открываемых явлений»³. Необходимо отметить, что ассоциативные признаки, актуализируемые в процессе вторичной номинации, соответствуют таким смысловым признакам переосмысленного значения, которые соотносятся с фоновыми знаниями носителей языка о данной реалии или о внутренней форме значения.

Наименования вторичной номинации – это мотивированные описательные номенклатурные названия. При мотивированной номинации субъект отбирает в объекте один или ряд признаков, которые кладутся в основу наименования. Данные признаки номинации конкретны и осознаются носителями языка, при этом воспринимаются как сугубо индивидуальные. К этой группе относятся как простые, так и производные описательные номенклатурные названия. Встречаются опрощенные слова, перешедшие в наименование путем расширения значения на основе ассоциативно-семантического способа⁴. По особенностям мотивации можно выделить два вида вторичной номинации: 1) прямая номинация, при которой образование наименований происходит путем прямого отражения особенностей, и 2) косвенная номинация, при которой образование наименований происходит путем ассоциативно-семантического отражения признаков и особенностей предмета. Г.В. Колшанский подчеркивает, что различие между прямой и косвенной номинацией состоит в следующем: «в прямой номинации концептуальная особенность объекта сохраняется во всех видах употребления слова. В то время как в косвенной номинации сохраняется лишь одна основная или второстепенная особенность, которая и определяет изменение значения слова»⁵. Измене-

ние значения может быть связано с изменением объема понятия (расширением или сужением значения), а также с отнесением слова к другому имени (метафора или метонимия). Второй вид номинации является наиболее распространенным при создании прозвищных наименований.

Прозвищные наименования, относящиеся к людям, по определению Н.В. Подольской, – это вид антропонима, т.е. дополнительные имена, данные человеку окружающими людьми в соответствии с его характерными чертами, сопутствующими его жизни обстоятельствами и т.д.⁶.

Природа выбора прозвищного наименования (вторичного имени собственного), идентична механизму и факторам косвенной номинации: прозвища создаются путем ассоциативно-семантического отражения свойств и особенностей объекта. Главными принципами, лежащими в ее основе, является метафоризация, метонимия и антономазия.

1. «**Метафоризация** – это способ переосмысления на основе сходства или аналогии признаков в понятийном отражении обозначаемого объекта и в сигнификате переосмысляемого слова»⁷. Основным механизмом данного принципа – ассоциативная близость общих свойств, присущих двум различным предметам, благодаря которой создается выразительный образ. Например, прозвище *Clam* «клем» (промысловый морской моллюск), образно означающее «скрытный человек», мотивировано такой характеристикой чертой как «латентность». Внутренняя форма создает образ человека, которой своей отстраненностью от окружающего мира напоминает клема, так как моллюск, скрытый в своем панцире недоступен как человеку, так и обитателям подводного мира, хотя животное не может обладать такой чисто человеческой чертой как «скрытность».

Мотивирующий признак может также вызвать подобное впечатление или оценку. Например, прозвище *Lemon* (лимон) образно означает «глупый человек». В данном случае неприятные чувства, возникающие при общении с глупым человеком, сравниваются с острым вкусом, которое вызывает лимон. И наоборот, привлекательную женщину называют *Cookie* «сладкий пирог».

Ассоциации, мотивирующие образное употребление слов, могут иметь ярко выраженный национальный характер. Например, животным приписываются черты сходные не только с внешностью людей, но также и с их поведением, характером. Одному и тому же животному приписывают разные черты в различных культурах (например, *cat* «кот, кошка» в русской и английской культуре).

Таким образом, процесс метафоризации осуществляется посредством различных образов.

1. Образ другого человека:

gold digger «a person who looks for gold» → *gold Digger* «a woman who tries to attract rich men», *headbanger* «someone who enjoys heavy metal music» → *Headbanger* «someone who behaves in a stupid or crazy way»;

2. Образ животного:

Например, в природе *chameleon* (хамелеон) может иметь окрас и сливаться с окружающей обстановкой для того, чтобы выжить. Таким образом, человек, который меняет свои идеи, поведение в зависимости от ситуации, походит в этом отношении на хамелеона. Образ может создаваться посредством ссылки на птиц и животных, которым человек приписывает различные качества. Например, *donkey* «a stupid person», *goose* «a silly person», *chicken* «a person who is not brave enough to do something», *fox* «a clever and deceitful person»;

3. Ассоциации, связанные с вещами

pepper-pot «someone who became easily annoyed about unimportant things», *machine* «someone who works without stopping, or who seems to have no feelings or independent thoughts», *rubberstamp* «someone who gives approval to something even not thinking about it»;

4. Образ мифологического, сказочного или литературного героя

Siren «a woman who is very attractive but also dangerous to men», *Gorgon* «an ugly frightening woman», *Amazon* «a tall strong woman», *Dwarf* «a very short person», *Sylph* «an attractively thin and graceful girl or woman»;

5. Абстрактное понятие

- посредством ассоциаций с чем-то твердым, грубым, темным: *Chump* «someone who is silly or not very clever», *Clod* «a stupid person who behaves insensitively», *Sap* «a stupid person who is easy to deceive»;

- ассоциаций с чем-то мягким: *softy* «someone who is too easily affected by feelings of pity or sympathy, or who is easily persuaded»;

- ассоциаций с чем-то приятным: *dream* «a beautiful or pleasing person», и т.д.

Сюда также относятся лексикализованные словосочетания, значение которых перестает быть простой суммой их компонентов, и в результате возникает новое единое понятие: *ball of fire*, *babe in the woods*, *cuckoo in the nest*, и т.д.

2. Метонимия, как и метафора, является способом построения образа. Механизм метонимических переосмыслений представляет собой перенос наименований явлений, предметов и их признаков по смежности, или шире – по их связи в пространстве и времени⁸. Метонимия обращает внимание на индивидуальную черту, позволяя адресату речи идентифицировать объект, выделить его из области наблюдаемого, отличить от других присутствующих с ним предметов. В отличие от метафоры, занимающей в предложении преимущественно позицию предиката, метонимия ориентирована на позицию объекта, что связано с ее функцией идентификации, осуществляемой через референцию имени. Поэтому, метонимия представляет собой сдвиг в референции, тогда как метафора – сдвиг в значении⁹. Таким образом, метонимия основана на ассоциации по смежности, т.е. вместо наименования одного объекта используется имя другого, внутрен-

не или внешне с ним связанного. Существительного «*fruitcake*» имеет прямое номинативное значение – «a cake that has nuts and dried fruit in it». Возможно вследствие того, что характеризующая особенность «умственные аномалии» ассоциируется с наличием в вышеупомянутом блюде орехов, и появилось выражение «*nutty as a fruitcake*» со значением «completely crazy». Как известно, носители английского языка ассоциируют орех с глупостью (по аналогии с твердостью и округлой формой ореха, напоминающей человеческую голову). Словосочетание «*couch potato*», состоящее из слов «*couch*» (диван; тахта) и «*potato*» (картофель), само по себе ни о чем не говорит. Но если обратиться к его внутренней форме, т.е. образу пассивного человека («*potato*» в сочетании с обозначением места «*couch*»), то его значение становится понятным: «*Couch Potato*» – «someone who spends a lot of time sitting and watching television».

Человек может быть обозначен посредством наименований:

- 1) определенных частей тела, как видно из следующих примеров: *green Hand* «someone who is very unexperienced», *old Hand* «someone who has a lot of experience of something», *Sleepyhead* «someone, especially a child who looks as if they want to go to sleep»;

- 2) предметов окружающей действительности: *hard Nut* «someone who is difficult to deal with», *big Fish* «someone who is important», *fashion Plate* «someone who likes to wear fashionable clothes», *slow Coach* «someone who moves or does things too slowly»; *dog's breakfast* «someone who is not important»;

- 3) абстрактных понятий: *walking Disaster/ Area* «someone who always drops things, has accidents, makes mistakes, etc», *big Noise* «an important person»¹⁰.

3. Антономазия – это явление, при котором отдельные имена собственные и имена со структурой словосочетаний приобретают обобщенное значение (например, хорошо известные персонажи художественной литературы, библейские герои и т.д.).

Сочетание индивидуального и обобщенного значений в именах собственных объясняет их быстрый переход в нарицательные существительные. Основное индивидуальное значение становится второстепенным, а второстепенное общее значение – основным. А.В. Суперанская полагает, что коннотация, создание образа и способность перехода в имена нарицательные, возникают у имени собственного, когда:

- 1) денотат имени приобретает популярность у членов данного языкового сообщества, имеющего определенный уровень образования;

- 2) когда имя начинает ассоциироваться с одним определенным денотатом, и становится типичным для многих других людей, которые в чем-то похожи...¹¹.

Таким образом, слово попадает в другую номинативную категорию, происходит разрыв между его основным и второстепенным значениями, и оно становится омонимом первоначального слова (на-

пример, *hooligan*). Если связь все же осталась, то его первая основная цель – быть именем собственным – сохранилась, но оно начало испытывать влияние различных коннотаций, вследствие чего такие имена как *Solomon*, *Eve* означают не просто людей, а людей определенного ума, склада характера (*Solomon* – a wise man, *Eve* – a temptress).

Исследователи выделяют несколько способов перехода имен собственных в нарицательные существительные, в частности Л.М. Щетинин предлагает 2 способа: обобщение и номинацию. В основе обобщения лежит изменение (расширение) лексического значения имен собственных. Таким образом, происходит расширение индивидуальных значений на основе сближения со значением общим. В основе номинации лежит образование нарицательных имен, благодаря возникновению новых лексических значений¹². Такие имена как *Betty*, *Tom*, *Jack*, *Mary* становятся носителями определенных черт, характеризующих человека. Например, имя *Jack* все чаще ассоциируется с жизнерадостным, подвижным юношей, не лишенным хитрости. В некоторых случаях это имя может употребляться вместо слова «человек». Примеры, доказывающие широкое употребление данного имени в различных значениях, могут быть следующими: *Jack* (austr.) «a policeman», *Jack Adams* «a fool», *Jack in office* «a conceited, arrogant official, bureaucrat», *Jack Horner* «a complacent boy», *Jack Brag* «a vulgar, pretentious boaster». Имя *Tom*, производное от *Thomas*, очень часто употребляется в значении «глупец», «слабоумный человек», «сумасшедший», например: *Tom fool* – «a fool, blockhead». Характерная черта древней традиции называть людей, занимающихся тем или иным ремеслом одним именем, прослеживается во фразеологической единице *Tom Tailor*, которая означает человека или группу людей, занимающихся портняжным делом. Также существуют имена собственные, которые связаны с фольклором той или иной нации. В качестве примера можно привести следующие прозвищные наименования: *Tom Thumb* «a tiny person, a dwarf» (по имени крошечного мальчика, героя старой сказки); *Simple Simon* «a simpleton» (по имени главного героя детских сказок: *Simple Simon met a pieman...*); *Robin Goodfellow* – «a naughty, mischievous person» (по имени озорного эльфа).

Для обозначения обычного, ординарного человека, очень часто употребляются широко известные имена: *Tom*, *Dick and Harry*. Также имеет место трансформация нарицательного существительного, раскрывающего сущность природы имени собственного, т.е. так называемые «говорящие имена»: *Lady Muck* «a woman who has a very high opinion of her own importance»; *Mr. Nice Guy* «a person who

behaves honestly and fairly»; *Mr. Clean* «a person who is very honest, always obeys the law»; *Mr. Big* «the leader or most important person in a group, especially in a criminal group». Семантика номинальной основы антропонимов прямо характеризует объект имени, не используя другие языковые средства для создания имен собственных. Вторичные имена собственные в приведенных примерах, таким образом, означают, определяют и создают предикативное значение, т.е. раскрывают определенные свойства объектов. Часто употребляемые слова приобретают переносное значение, денотаты которых, как правило, широко известны носителям языка и играют большую роль в ежедневной, практической деятельности людей. Образное употребление слов придает языку большую выразительность. Наталкиваясь на необычное употребление того или иного слова, слушатель воспринимает не столько рациональную информацию о человеке, сколько образ, создаваемый этим словом. Во всех случаях внутренняя форма создает образную, эмоционально-оценочную характеристику человека.

Таким образом, способы вторичной косвенной номинации является наиболее продуктивными при создании прозвищных наименований, в которых конструктивно обусловлена та разновидность переносного значения, которая держится на сходстве образной основы, обусловленной наличием общего признака между прямым и переносным значением слова.

¹ Языковая номинация. М., 1977. С. 101.

² Телия В.Н. Вторичная номинация и ее виды. М., 1977.

³ Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М.: Наука, 1975.

⁴ Галиева Э.А. Прямая и косвенная номинация в экологической лексике татарского языка. Вестник ТИСБИ, №1, 2004.

⁵ Колшанский Г.В. Лингво-гносеологическая основа языковой номинации// ЯНОВ, 1977.

⁶ Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978.

⁷ Языковая номинация (виды наименований). М., 1977, С. 92.

⁸ Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс// Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 30.

⁹ Там же, С. 31.

¹⁰ Longman Dictionary of Contemporary English. 3rd edition, Pearson Ed. Limited, 1995.

¹¹ Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973.

¹² Щетинин Л.М. Переход имен собственных в нарицательные как способ расширения словарного состава языка. М., 1961.

Поступила в редакцию 17 сентября 2008 г.

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ОБОЗНАЧЕНИЕ МУЗЫКИ И МУЗЫКАНТОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ

О.С. Камышева

Проводится когнитивный анализ метафор концепта «Музыка» на материале русской художественной литературы. Когнитивная теория концептуальной метафоры позволяет структурировать основные свойства вербально представленного звучания, а также охарактеризовать образ музыканта.

Ключевые слова: метафора, концепт, метафорическая модель, когнитивная теория.

Как показывает анализ, метафорическое осмысление сферы «Музыка» находит широкое распространение в отечественной художественной литературе XIX–XX веков. Представляется, что оптимальным инструментом для исследования репрезентантов этой сферы является когнитивная теория концептуальной метафоры (G. Lakoff, M. Johnson¹) в ее варианте, предусматривающем детальное описание метафорических моделей, их фреймов и слотов (А.Н. Баранов², Э.В. Будаев³, Ю.Б. Феденева⁴, А.П. Чудинов⁵ и др.). Согласно этой теории метафора рассматривается не просто как образное средство, а как ментальная операция, как способ познания и структурирования мира.

Несмотря на то, что «случаев применения фреймовой концепции к анализу художественной речи немного»⁶, ее использование является весьма эффективным при рассмотрении музыкальных метафор: фреймы, «переходя» из текста в текст, соединяясь между собой, формируют специфическое структурно-смысловое пространство ментальной сферы «Музыка».

Следует отметить, что востребованность концепта «Музыка» весьма различна. В частности, наблюдения показывают, что при помощи метафор внимание читателя фокусируется преимущественно на звучании и значительно реже – на музыкантах и композиторах, вместе с тем образное обозначение создателей музыки заслуживает не меньшего внимания.

В результате исследования было обнаружено 302 метафорических словообразования, отражающих звучание музыки. Проведенный анализ позволяет разделить их по трем базисным моделям:

Звучание музыки – мир артефактов;

Звучание музыки – мир природы;

Звучание музыки – мир человека.

Наиболее продуктивной представляется метафоризация музыкального звучания в рамках фрейма-источника «Мир артефактов». В этом случае преимущественно используется синестезическая метафора, которая позволяет конкретизировать информацию, привлекая воспоминания о чувственных ощущениях, полученных из опыта и связанных с психическими переживаниями. В резуль-

тате звук осмысливается как «субстанция, обладающая определенными признаками»⁷. Предполагаем, что синестезия, с одной стороны, позволяет актуализировать основные музыкальные свойства, а, с другой стороны, создать эмоциональный фон.

Исследование показывает, что в метафорах сферы «Музыки», репрезентирующих звучание, в качестве исходного смысла доминирует визуальный образ, что обусловлено антропоморфным стандартом восприятия. «У человека из пяти сенсорных каналов, по которым воспринимается информация и передается в центральную нервную систему, зрение представляет собой самый важный канал с максимальными пропускными (разрешающими) возможностями»⁸.

В метафорической картине мира звучание воспринимается как материальный объект, обладающий поверхностью. Звуки отождествляются с объектами, способными излучать свет. Архаичная дихотомия «свет/тьма» концептуализирует высоту звучания: «Из под пальцев правой руки, светло звеня, тревожной стаей полетели странно прозрачные крики струн и закачались, забились, как испуганные птицы, на темном фоне низких нот» (Горький «Мать»).

Звуковой образ, уподобляясь окрашенной поверхности объекта, вербально создает свою специфическую окраску, тембр: «Флейты звук, зоревой, голубой. Так по-детскому ласково-малый, Барабана глухой перебой, – Звук литавр, торжествующе-алый» (Бальмонт «В дымке»). Однако провести какие-то аналогии и систематизировать метафоры на основе колоративного признака представляется достаточно трудным. Ю. Рагс и Е. Назайкинский, изучающие музыку с точки зрения физики, объясняют это тем, что «в самом выборе конкретных цветовых оттенков и в соответствиях отдельных тонов цветового спектра звукам наблюдается полный субъективизм. Статистика показывает, что нет ни одного звукового соответствия, которое было бы одинаково свойственно восприятию большинства людей, ассоциирующих звуки с цветом»⁹.

Звук как любой визуально воспринимаемый предмет способен отражать свет, что, возможно,

связано с интенсивностью звучания: «...каждый инструмент играл свое и, не доиграв еще мотива, сливался с другим, начинавшим почти то же, и с третьим, и с четвертым, и все они сливались в одно и опять разбежались, и опять сливались то в торжественно церковное, то в ярко блестящее и победное» (Толстой «Война и мир»). По мнению Н.А. Мишанкиной, «блестящее» звучание может актуализировать негативную реакцию слушателя, так как «слишком яркий свет, блеск, резкость создают эффект ослепления»¹⁰.

Базируясь на метонимическом переносе, визуальный образ металла служит смысловой сферой для создания тембра струнных музыкальных инструментов: «...дрожит металлический голос мандолины» (Горький «Сказки об Италии»). Метафора может не осложняться метонимией. Серебряное звучание в метафоре сравнивается с негромким звуком высокого тона изделия из серебра: «Иль голосом серебряным волынка Вдали поет о вечере разлук» (Ахматова «Этические мотивы»).

Концептуальная номинация «золотой» может основываться не только на типе звучания металла, но и на его «драгоценности». «Характеристика в данном случае дается не через дескриптивные признаки, а через отнесенность к «образцовым» объектам – золотое звучание обладает всеми качествами, относящими его к классу редких, дорогих, не встречающихся в обыденной жизни объектов»¹¹. В русской литературе подобным статусом наделяется тембр колоколов: «Проводила друга до передней. Постояла в золотой пыли. С колоколенки соседней Звучи важные текли (Ахматова «Проводила друга до передней...»). Можно предположить, что использование данного метафорического концепта объясняется главным назначением колоколов – участием в церковном богослужении. Колокольный звон традиционно осмысливается как акустическая манифестация трансцендентального опыта, переживания соприкосновения с духовной реальностью, как одна из символических форм, выражающих энергичное присутствие Божественной благодати в мире.

Природные минералы, активно используемые человеком в быту, представляют музыкальное звучание редким и уникальным: «Звук арфы – серебристо-голубой. Всклик скрипки – блеск алмаза хрусталистый (Бальмонт «Зовы звуков»).

Длительность звука пропорционально зависит от совокупного размера объекта, реализуясь в метафорической паре «большой/маленький». Чем больше размер объекта, тем дольше длится нота: «Инструмент повторил мелодию слов с настойчивой точностью, женщина снова запела, и вновь голос ее подхватили струны и опять слились в одну ноту, бесконечную, как степная дорога» (Горький «На Чангуле»).

Оппозиция «легкий/тяжелый» связана с музыкальной высотой. «Как обладающее незначитель-

ным весом оценивается звучание высокого тона. Низкий звук, напротив, ассоциативно связан с ощущением веса, превышающего норму»¹²: «На дороге бубенец зазвякал – Памятен нам этот легкий звук» (Ахматова «Каждый день по-новому тревожен»); «...из подвалов и дворов вырывался хриплый рев полонеза из оперы «Евгений Онегин». И далее на всем его трудном пути невыразимо почему-то мучил вездесущий оркестр, под аккомпанемент которого тяжелый бас пел о своей любви к Татьяне» (Булгаков «Мастер и Маргарита»).

Музыкальное звучание, связанное с эмоциональным воздействием, передается метафорой, соотносимой с температурой. Положительной коннотацией наделяется метафорически теплое звучание: «Когда два голоса, рыдая и тоскуя, влились в тишину и свежесть вечера, – вокруг стало как будто теплее и лучше» (Горький «Фома Гордеев»). Посредством номинаций, связанных с ощущением высокой температуры, оценивается проявление неконтролируемой силы эмоций: «И вот на эстраду, колеблюмую костром оркестра, вывалился живот» (Маяковский «Война и мир»). Отсутствие или слабая выраженность эмоций, напротив, соотносятся с областью низких температур: «И холодный визг хохочущих клавиш, как визг заплясавших метелей, и холодный гром, пролитый в замирающий шепот, и колко плясущие форто дисканта звучали из глубины лабиринта, как прелестная, колдовская грусть» (Белый «Кубок метелей»).

В некоторых случаях в метафоре, репрезентирующей музыку, проявляются вкусовые способности человека. Однако концептуализация в этом случае не отличается разнообразием. Возможно, причина кроется в том, что вкус считается периферийной перцепцией. «До сих пор психологам неизвестно, как именно химическая стимуляция органов вкуса преобразуется в электрические сигналы, поступающие в мозг»¹³. Самая разнообразная палитра вкуса связана с ощущением сладости и опьяняющими свойствами хмеля, которые передают удовольствие от восприятия музыки: «...сладкая, страстная мелодия с первого звука охватывала сердце» (Тургенев «Дворянское гнездо»); «Дрогнув, брызнув звуком, дружным С колокольчиком поддужным, С голубицей голубец, Бубенец и бубенец К шее конской припадают. Хмелем звончатым блистают...» (Бальмонт «Бубенцы»).

Обоняние дает человеку по сравнению с другими органами физического восприятия меньше всего информации, что объясняет малую продуктивность музыкальных метафор с исходным смыслом «Запах»: «Поют, и – в мастерской как будто веет свежий ветер широкого поля, ... песню разрывают похабные грязно догадливые слова. В запахи поля вторгается гнилой запах темного подвала тесного двора» (Горький «Хозяин»).

Зеленые страницы

Как отмечает Л.Л. Гервер, «мир музыки тесно взаимодействует с миром как таковым и является одним из его подобий»¹⁴, поэтому не менее важным при концептуализации звучания становится фрейм-источник «Мир природы».

Авторы русской художественной речи используют вертикальную ориентированность окружающего мира для представления диапазона музыкального звука. Данная концептуализация является одной из древних, так как еще в античной мифологии «граница между струнной и духовой музыкой соответствовала разграничению между богами небесными и подземными»¹⁵. Следовательно, низкая высота звучания строится по подобию нижнего яруса мироздания, вызывая ассоциации с землей и подземельем: «Пристанище! поют тромбоны Подземным зовом темноты» (Кузмин «Вот после ржавых львов и рева...»).

Звуки верхнего регистра моделируются в ярус неба и его светил: «Звук разрастался вглубь, взрастал он в вышину, Порвал и раздробил кругом он тишину – Невыносимое росло везде рыданье, В свидетельницы брал он бледную Луну. Она, молчащая, вливалась в ту струну...» (Бальмонт «Ночная струна»).

Разнонаправленное движение мелодии связано с восприятием неконтролируемого движения объекта: звучание уподобляется полету птицы: «Мелодия песни была не уловима, как полет ласточки; она также нервно и слепо металась в тишине, неожиданно опускаясь до тихого стопа и тотчас взлетая высоко, звонким криком отчаяния, испуга и страсти» (Горький «На Чангуле»).

Рамки звучания могут быть метафорически расширены до уровня космоса, актуализируя гармонию и совершенство музыкального звучания, так как еще в архаичном мире «гармония как следование друг за другом элементов мелодии являлась образом связи между всеми космическими явлениями»: «И, клавишами тихо шевеля, Я обращаю это в звуки. Это Воздействуют магнитные поля Иных миров, летящих в бездне где-то» (Мартынов «Рояль»).

Концептуальная связь «Звучание – природная стихия», выстраивая музыку горизонтально, создает эмоциональный фон темпа allegro: «Сбитая прическа, туча препирательств, И сплошной поток шопеновских этюдов...» (Пастернак «Сон в летнюю ночь»).

Фрейм-источник «Мир человека» позволяет реализовать характеристики мелодии, оживляя этимологию этого музыкального термина: первоначально слово «мелодия» «обозначало часть тела, а также тело как сочлененное органическое целое»¹⁶.

Концептуальная метафора с исходным смыслом «Жизненный цикл» выделяет интонационный рисунок мелодии, включающий динамические оттенки crescendo и diminuendo, в лексико-семантических значениях которых лежит сте-

пень количественной трансформации. Crescendo – метафорический рост, постепенное увеличение жизненной силы: «И сначала издали послышались голоса мужские, потом женские. Голоса росли, росли в равномерном торжественном усилии» (Толстой «Война и мир»). Diminuendo – медленная смерть: «...сладкая, страстная мелодия с первого звука охватывала сердце; она вся сияла, вся томилась вдохновением, она росла и таяла ... и уходила умирать в небеса» (Тургенев «Дворянское гнездо»).

Физиологические процессы дыхания, сердцебиения, дрожи образно репрезентируют ритм, поскольку он «обнажает скрытые процессы внутренней жизни человеческого организма»¹⁷: «Карнавальная полночь римской И не пахнет. Навев Херувимской У закрытых церковей дрожит» (Ахматова «Решка»). Двигательная активность живого существа акцентирует внимание на оттенках музыкального темпа. Andante – это ходьба: «Ворочая балки, как слон, И освобождаясь от бревен, Хорал выходил, как Самсон, Из кладки, где был замурован» (Пастернак «Упрек не успел потускнеть»). Allegro – это бег: «Тема приближалась к органному пункту, шумно развивая неслыханную, угрожающую скорость. Она благополучно пронеслась мимо последнего звена секвенции, от доминанты ее отделяло несколько шагов...» (Пастернак «История одной контроктавы»).

От «физиологического состояния» мелодии зависит гармония звучания. Музыкальное звучание через метафору может обладать здоровьем: «Некрасивая девушка с разбитым голосом начинала ... овладевать ею (песней). Но уже и голос певицы не звучал как разбитый: он согрелся и окреп» (Тургенев «Накануне»). Отрицательная коннотация морбиальной метафоры связана чаще всего с низким качеством исполнения: «Первым на эстраду явился флейтист чахоточного вида и престарательно проплывал ... то бишь! просвистал пьеску тоже чахоточного свойства...» (Тургенев «Клара Милич»).

Исходный смысл «Душевное состояние», как мы предполагаем, репрезентирует лад. Минорные мелодии выражают грустную, эгегическую окраску: «Скучные песни, грустные звуки, Дайте свободно вздохнуть. Вы мне приносите тяжкие муки, Больно терзаете грудь...» (Есенин «Звуки печали»). Метафорически определяя мажор, авторы русской литературы используют противоположный семантический потенциал: «...подголоски его ликующей инвенции, которые прыгали промеж расходящихся и кидались им на грудь... в полном исступлении от радости...» (Пастернак «История одной контроктавы»).

Концептуальная метафора с исходным смыслом «Звуки человеческой речи» реализует динамику музыкального звучания: pianissimo (очень тихо) – шепот: «Музыка, вливаясь в каменную пещеру под лестницей, ... гудела, манила, ласко-

вый шепот ее вторгался в голову...» (Горький «О тараканах»), forte (громко) – крик: «А когда геликон – меднорожий, потный, крикнул ...» (Маяковский «Скрипка и немножко нервно»). Возможен прием sforgzando (указывает на выделение какой-либо ноты или аккорда), который выражен резким неожиданным выкриком: «Проведет, бывало, по струнам смычком – и вздрогнет у тебя сердце, проведет еще раз – и замрет оно, слушая. ...Вот тебе сейчас кто-то стонет горько... Плачет девушка, провожая добра молодца! Добрый молодец кличет девушку в степь. И вдруг – гей! Гроном гремит вольная, живая песня...» (Горький «Макар Чудра»).

Таким образом, проведенное исследование показывает закономерную зависимость метафорического отражения музыкальных свойств от сущности фрейма-источника. В частности, было установлено, что концептуальные конструкции «Звучание музыки – мир артефактов» и «Звучание музыки – мир природы» фокусируют внимание читателя преимущественно на музыкальных особенностях отдельных звуков: высоте, громкости, тембре и длительности. Метафорическая модель «Звучание музыки – мир человека» концептуально создает характеристики мелодии: динамику звучания, ритм, темп и лад.

Образное обозначение создателя музыки в рамках художественной речи представлено лишь посредством 35 метафорических словообразований. Тем не менее, в концептуальной структуре можно моделировать типичный образ музыканта, реализованный в следующих моделях:

Музыкант – представитель духовного пространства;

Музыкант – представитель физико-геометрического пространства.

Фрейм-источник «Представитель духовного пространства» концептуализирует незаурядные способности музыканта, отождествляя его с Высшим разумом: «Какая смелость и какая стройность! Ты, Моцарт, бог, и сам того не знаешь...» (Пушкин «Моцарт и Сальери»).

В художественной картине мира известные музыканты не только наделяются властью Бога, но и в зависимости от создаваемой музыки участвуют в мироздании. В подобных случаях, чтобы понять сущность некоторых метафор, необходимо обратиться к мифологическим истокам. В частности, в древнем мире музыка считалась разрушительной стихией. Эллины боялись флейты и фригийского лада, считая его опасным и разрушительным. С приходом христианства происходит утверждение приоритета личности, торжество свободного человека, что «зовет его к радости, как это лучше всего демонстрирует Бетховен в своей последней симфонии»¹⁸: «О Дионис, как муж наивный И благородный, как дитя, Ты перенес свой жребий дивный, То негодюя, то шутя!» (Мандельштам «Ода Бетховену»). Скрыбин же, по мнению русских по-

этов, «обрывает бетховенскую традицию. Он вносит в музыку дух греческой трагедии, он отказывается от голоса (личного начала), предпочитая ему сирену пианизма. Из музыки уходит личность, снова уступая место хаосу»¹⁹. Вяч. Вс. Иванов в своих статьях «Орфей» и «Национальное и вселенское в творчестве Скрябина» пишет об известном русском музыканте: «Чтобы не быть смытым волнами хаоса, он должен сызнова искать предел в себе самом», а затем, называя его Орфеем, добавляет: «Орфей – начало строя в хаосе; заклинатель хаоса и его освободитель в строе».

Однако можно предположить, что метафорическая модель «Музыкант – это Бог» гиперболична, так как еще в древнем Китае считали, что творец – «лишь средство трансляции божественного откровения»²⁰. Следовательно, более правдоподобной представляется концептуальная метафора с исходным смыслом «Служитель Бога»: «Внизу – ни ночи нет, ни дня, Внизу – на выступе оркестра, Как жрец, качается маэстро» (Заболоцкий «Фокстрот»).

В духовном пространстве метафорической картины мира музыкант приобретает не только сакральный облик, но становится художественным персонажем: «Разве руки мои – кувалды? Десять пальцев – мой табунок! И вскочил, отряхивая фалды, Мастер Генрих, конек-горбунок» (Мандельштам «Рояль»).

Принадлежность музыканта физико-геометрическому пространству, которое существует как «объективная данность»²¹ и включает как научные, так и бытовые представления о живой и неживой природе, позволяет отразить особенности его незаурядной внешности и внутреннего мира. В частности, «источником эстетического наслаждения может быть не только слышимая музыка, но и вся «видимая» сторона ее исполнения: облик оркестрантов, их лица, фигуры, одежда»²². Данный аспект воссоздается при помощи зооморфных метафор, настраивая читателя на ироническое восприятие: «Выходит музыкантов стая, И кто-то, фраком отлетая, В чехол слагает свой кларнет... Пустеет зал и гаснет свет...» (Белый «Первое свидание»).

Внутреннее состояние музыканта отличает повышенная эмоциональность: слышимый и переживаемый мир для него (зачастую помимо его воли) наполнен предчувствуемой музыкой. В языковой картине мира исполнитель отождествляется с огнем или бурей, поскольку «чувство-пожар и чувство-буря могут быть объединены в общий образ стихии, разрушительных сил природы..., в которых акцентируется неконтролируемая сила природы эмоций, их стихийность, спонтанность, независимость от воли и сознания (разума) человека»²³: «И сквозь покой пространства мирового До самых звезд прошел девятый вал... Откройся, мысль! Стань музыкою, слово, Ударь в сердца, чтоб мир торжествовал!» (Заболоцкий «Бетхо-

Зеленые страницы

вен»); «То серым, что пронизительно остер, Рас-
троган слух и сладко онедужен. Он греет нас, и
потому нам нужен, Таланта ветром взбодренный
костер» (Северянин «Бизе»).

Недосыгаемость и, одновременно, обречен-
ность творца музыки на одиночество вызывают
ассоциации с космосом, которое является «дале-
ким для человека пространством, наполненным
свободными и независимыми от человека телами
(Солнце, Луна, звезды и др.)»²⁴: «Когда и правая и
левая рука Через волшебство поют на клавишах
двухцветных, И звездной росой обрызгана тоска,
И колокольчики журчат в мечтах рассветных, –
Тогда священна ты, – ты не одна из нас, А ты как
солнца луч в движении тумана, И голос сердца
ты, и листьев ты рассказ, И в роще дремлющей
идущая Диана. Всего острее поет в тебе одна
струна, Чрез грезу Шумана и зыбкий стон Шопе-
на. Безумие луны! И вся ты – как луна, Когда вски-
пит волна, но падает, как пена» (Бальмонт «Му-
зыка»).

Таким образом, метафорический образ музы-
канта в русском национальном сознании совмещает
талант, богатый внутренний мир и неординарный
внешний облик. Музыкант предстает как посредник
между двумя противоположными полями: матери-
альным (физико-геометрическим) и духовным.

Итак, исследование показывает, что в метафо-
рической картине мира «Звучание музыки» моде-
лями музыкальной сферы являются цвет, качество,
размер, вес, температура, вкус, запах (фрейм «Мир
артефактов»); вертикальная и горизонтальная ори-
ентированность окружающего мира (фрейм «Мир
природы»); жизненные циклы, физиологические
процессы, здоровье, душевное состояние, челове-
ческая речь (фрейм «Мир человека»). В результате
концептуально создается эмоциональный фон, а
также воспроизводятся основные свойства звука и
мелодии.

В пределах микроконцепта «Музыкант» реа-
лизуются модели «Музыкант – представитель ду-
ховного пространства» и «Музыкант – представи-
тель физико-геометрического пространства», по-
зволяющие раскрыть неординарный образ творца
музыки.

Сопоставляя в рамках сферы «Музыка» базис-
ные фреймы-мишени «Звучание музыки» и «Му-
зыкант», обращаем внимание на их неодинаковую
частотность, возможно, обусловленную их раз-
личной значимостью в ментальном представлении
поэтов и писателей. Наименьшая частотность
фрейма-мишени «Музыкант», вероятно, отражает
посредническую функцию исполнителя во взаи-
моотношении Человека и Музыки.

¹ Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chi-
cago, 1980.

² Баранов А.Н. Метафорические модели как дис-
курсивные практики // Известия АН. Сер. Литера-
туры и языка. 2004. Т.63. № 1.

³ Будаев Э.В. Чудинов А.П. Метафора в политиче-
ском интердискурсе. Екатеринбург, 2006.

⁴ Феденева Ю.Б. Моделирующая функция метафо-
ры в агитационно-политических текстах 90-х гг.
XX века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ека-
теринбург, 1998.

⁵ Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в совре-
менной политической коммуникации: Моногра-
фия. Екатеринбург, 2003.

⁶ Тарасова И.А. Фреймовый анализ в исследовании
идиостилей // Филологические науки. 2004. № 4.
С. 42.

⁷ Мишанкина Н.А. Метафорические модели звуча-
ния // Аксиология в языке и тексте. Томск, 2005.
С. 166.

⁸ Мечковская Н.Б. Семиотика: Язык. Природа.
Культура. М., 2004. С. 100.

⁹ Рагс Ю., Назайкинский Е.О художественных воз-
можностях синтеза музыки и цвета // Музыкальное
искусство и наука. Выпуск 1. М., 1970. С. 171.

¹⁰ Мишанкина Н.А. С. 173.

¹¹ Мишанкина Н.А. С. 178–179.

¹² Мишанкина Н.А. С. 191.

¹³ Рузин И.Г. Когнитивные стратегии именования:
модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоня-
ние, вкус) и их выражение в языке // Вопросы язы-
кознания. 1994. № 6. С. 32.

¹⁴ Гервер Л.Л. Музыка и музыкальная мифология в
творчестве русских поэтов (первые десятилетия
XX века). М., 2001. С. 52.

¹⁵ Гервер Л.Л. С. 64.

¹⁶ Музыкальная энциклопедия. Гл. ред. Ю. В. Кел-
дыш. Т.3. М., 1974. С. 511.

¹⁷ Кодуэлл К. Иллюзия и действительность. Об
истоках поэзии. М., 1969. С. 311.

¹⁸ Платек Я. Верьте музыке! М., 1989. С. 102.

¹⁹ Платек Я. С. 102.

²⁰ Петренко В.Ф. Основы психосемантики. СПб.,
2005. С. 324.

²¹ Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкуль-
турная коммуникация (на материале креолизованных
текстов). М., 2003. С. 42.

²² Мечковская Н.Б. С. 103.

²³ Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.
С. 394.

²⁴ Бабенко Л.Г. Филологический анализ текста.
Основы теории, принципы и аспекты анализа. М.,
Екатеринбург. 2004. С. 174.

Поступила в редакцию 28 ноября 2008 г.

ШОУ-БИЗНЕС КАК СФЕРА-МАГНИТ ДЛЯ РЕЛИГИОЗНОЙ МЕТАФОРЫ

С.Я. Колтышева

Статья посвящена когнитивному анализу шоу-дискурса через призму религиозной метафоры, образованной по модели «Шоу-бизнес – это религия». Когнитивный анализ позволяет выявить прагматический потенциал и динамику представленной модели и функции метафоры, которые она выполняет в шоу-дискурсе.

Ключевые слова: практический потенциал, динамика, религиозные концепты, концептуальная картина мира, коннотативное значение, дискурс.

Когнитивная лингвистика – научное направление, «в центре внимания которого находится язык как общий когнитивный механизм»¹ и когниция «в ее языковом отражении»². Когнитивная лингвистика, возникшая в США (Дж. Лакофф, М. Джонсон, Р. Лангакер, Л. Талми, У. Чейф, Р. Джэкендофф, М. Тернер, Ч. Филлмор, Ж. Фоконье и др.), представляет собой совокупность исследовательских программ, объединяемых набором постулатов общего характера и общей целью исследовать корреляции взаимодействия языка и мышления (языковых и когнитивных структур). Значительное распространение, дальнейшее развитие и свою интерпретацию когнитивная лингвистика получила в российской науке (Н.Д. Арутюнова, А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский, Н.Н. Болдырев, В.И. Карасик, В.З. Демьянков, Е.С. Кубрякова, Ю.Н. Караулов, В.В. Петров, Е.В. Рахилина, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, А.П. Чудинов и др.).

Центральное место в когнитивной лингвистике занимает проблема категоризации окружающей действительности, главную роль в которой играет метафора как проявление аналоговых возможностей человеческого разума. Метафору в современной когнитивистике принято определять как *(основную) ментальную операцию над концептуальными структурами (доменами, фреймами, гештальтами, ментальными пространствами и др.), как способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира*. Исследование теории концептуальной метафоры, составление классификаций и описание функционирования метафорических моделей, актуализированных в различных дискурсах, относится к числу наиболее перспективных направлений в современной когнитивной лингвистике. Концептуальная система человека преимущественно метафорична. Человек не только выражает свои мысли при помощи метафор, но и мыслит метафорами, познает при помощи метафор тот мир, в котором он живет, а также стремится в процессе коммуникативной деятельности преобразовать существующую в сознании адресата языковую картину мира³.

В современной лингвистике выделяется два основных направления описания закономерностей метафорического моделирования действительности:

теория регулярной многозначности, разрабатываемая отечественными языковедами в рамках структурно-семантического описания языка (Ю.Д. Апресян, Д.Н. Шмелев, Н.В. Багичева, Л.В. Балашова, Н.И. Бахмутова, Л.А. Новиков, И.А. Стернин, А.П. Чудинов и др.), и теория концептуальной метафоры, возникшая в США как направление когнитивной лингвистики (Дж. Лакофф, М. Джонсон и др.) и успешно развиваемая в России⁴. Эти два направления имеют общие точки соприкосновения. В своем исследовании мы опираемся на теорию концептуальной метафоры (описание фреймо-слотовой структуры метафорической модели).

Задачей данного исследования является анализ реализации и функционирования религиозной метафоры в российском шоу-дискурсе, её роли в преобразовании концептуальной картины мира автора и адресата.

Базой для данного исследования послужили 1600 словоупотреблений из 457 текстов, опубликованных в российских СМИ за период 2001–2007гг. Опираясь на собранные данные, можно сделать вывод о том, что доминантными сферами-источниками метафорической экспансии в сферу-мишень «Шоу-бизнес» в российском медедискурсе являются следующие: «Праздничное застолье» (254 словоупотребления/ 15,9%), «Царство животных» (246 словоупотреблений/ 15,4%), «Человеческий организм» (218 словоупотреблений/ 13,6%), «Непрекращающаяся война» (193 словоупотребления/ 12,06%), «Религия (культ)» (188 словоупотреблений/ 11,8%). *Метафорическая модель «Шоу-бизнес – это религия» является одной из продуктивных и динамичных моделей, что объясняется богатой историей и традициями различных религиозных вероучений, их мощным влиянием на массовое сознание людей, их идеологической направленностью.*

Шоу-бизнес – это сфера-мишень, реципиентная сфера в модели «Шоу-бизнес – это религия». Шоу-бизнес является одним из ярких феноменов современного общества. Его значение не ограничивается рамками культурного процесса. Являясь одним из важных элементов современной социальной жизни, он становится своего рода индикатором

тором происходящих в обществе процессов, он воздействует на мировосприятие практически всех слоев общества: от детей до стариков, от совсем неграмотной части населения до интеллектуальной элиты. Шоу-бизнес – относительно новое явление для России, возникшее в эпоху постсоветской действительности. Термином «шоу-бизнес» мы определяем сферу деятельности исполнителей и организаторов концертных выступлений, насыщенных зрелищными эффектами, результатом которой направлен на реализацию в массовой аудитории и получение коммерческой выгоды⁵.

Религия является сферой-донором, источником метафорической экспансии в шоу-мишене шоу-бизнес. Религия – одна из форм общественного сознания – совокупность мистических представлений, покоящихся на вере в сверхъестественные силы и существа (богов, духов), которые являются предметом поклонения⁶. Фрэнк Джеффкинс и Дэниэл Ядин рассматривают религию как один из древнейших типов коммуникации и утверждают, что священные книги основных мировых религий содержат в той или иной форме публичных рилейшнз (PR), так как древние писцы именно с его помощью старались добиться понимания своих верований⁷. Религия представляет собой социальный институт, это своего рода, «государство в государстве», которое ведет бесконечную борьбу за власть над массовым сознанием.

В метафорической модели «Шоу-бизнес – это религия», как и в реальной религиозной картине мира, присутствуют боги и демоны, праведники и грешники, божья благодать и наказание за грехи, религиозные ритуалы, религиозная литература, путь праведников и путь грешников. Данная метафорическая модель насчитывает 188 словоупотреблений, что составляет 11,8% от общего корпуса метафор. Структурно в данной модели можно выделить 7 фреймов.

Чем детальнее структурирована понятийная сфера-источник, чем больше номинативные возможности понятийной сферы-донора, тем больше потенциал метафорической модели.

1. Фрейм. Мир светлых сил

В представленной метафорической модели изначально заложена диалектика добра и зла, божественного и человеческого. Данный фрейм является одним из самых продуктивных в модели «Шоу-бизнес – это религия» (22 словоупотребления / 11,7%). Это связано с историческими, культурными, религиозными и экстралингвистическими факторами. Боги, как бы они не назывались в разных конфессиях, являются высшей силой, способной карать и награждать, «эталоном», «абсолютом», высшей ступенью совершенствования. Христос, Будда, Мухаммед – пророки, посланники воли божьей на земле, посредники между людьми и богом. Когда автор высказывания метафорически отождествляет кого-то с богом, этим он подчеркивает значимость и статус героев высказыва-

ния, отношение к ним со стороны публики. В данном фрейме превалируют субстантивные метафоры. Здесь метафора выполняет номинативную, идеологическую и характеризующую функции.

Слот 1.1 Пантеон богов (Олимп богов)

Телевизионщики разных стран, разного цвета кожи и разного вероисповедания на самом деле молятся одному богу – Рейтингу [Е. Фомина, Телесемь Челябинск № 36 (230), 3.09.2006].

Ещё там есть богиня прайм-тайма. Кем она приходится Рейтингу – матерью, дочкой, женой, сестрой или просто подругой, отечественной мифологии неизвестно [Е. Фомина, Телесемь Челябинск № 36 (230), 3.09.2006].

В конце августа разнокалиберный русский бомонд завершил летние каникулы посещением Imperia Show... в знаменитом на весь мир сардинском клубе «Billionaire», где собираются небожители со всего света [С.Никитин, Экспресс газета № 37 (606), 2006]. Данные примеры окрашены положительной коннотацией, но с определенной долей иронии. Здесь также наблюдается явление персонализации, когда рейтинг отождествляется с богом, здесь используется онтологическая метафора. Автором используется троп – сравнение, когда представители шоу-бизнеса сравниваются с богами, с небожителями.

Тогда я думала, что это нормальные отношения «певец-продюсер». Он знает, как меня поднять на Олимп... [Валерия, «Жизнь» № 4, 30.08.2006].

Союз Глории Пирес (американская актриса) и её мужа-музыканта Орlando Мораэса – самый прочный в звездном пантеоне [С.Никитин, Экспресс газета №35, август 2006]. В данных двух примерах автор апеллирует к хорошо известной адресату прецедентной ситуации (к римской мифологии и представлению о богах).

На теле-олимпе живут свои боги. Вот, что пишет о них газета «Телесемь»:

Сергей Майоров, ведущий программы «Истории в деталях» – Меркурий, он хитрый и оперативный [Е. Фомина, Телесемь Челябинск № 36 (230), 3.09.2006].

Владимир Тишко, ведущий программы «Москва: инструкция по применению» – Дионис, бог виноделия. Кто дружит с Дионисом, тот часто роняет еду на одежду – и тут появляется он (Тишко) [Е. Фомина, Телесемь Челябинск № 36 (230), 3.09.2006].

Анфиса Чехова, ведущая программы «Секс с Анфисой Чеховой» – Афродита [Е. Фомина, Телесемь Челябинск № 36 (230), 3.09.2006].

Павел Михайлов, ведущий «Утро начинается...» («Восточный экспресс») – Зевс, он самый главный [Е. Фомина, Телесемь Челябинск № 36 (230), 3.09.2006].

Валерия в свою очередь продолжала, как Амур стрелами, сразать сердца публики... [А. Гаспарян, МК№ 101, 24.11.2006]. Здесь

наблюдается «вкрапление» автором аллюзивных антропонимов, связанных с мифологией древнего Рима, в сочетании с тропом – сравнение. Все это обращено к концептуальному, культурному опыту читателя и придает высказыванию яркую эмоционально-экспрессивную окраску, что усиливает воздействие на читателя.

Аллу тогда называли лучшей актрисой не потому, что она превзошла Джульетту Мазину или, скажем Татьяну Самойлову, а потому как была мегазвездой со звездой, божеством, которому слепо поклонялись [А. Гаспарян, МК№ 133, 21.06.2002]. В данном примере лексема *божество* выражает концепты «*бог*», «*эталон*», «*идеал*», «*высшая сила*», «*предмет поклонения*», «*властитель*» в сочетании с положительной коннотацией и тропом – гипербола привлекает внимание читателя и усиливает воздействие на него.

Слот 1.2 Святые (Великомученики)

Алла великомученица [А. Гаспарян, МК№ 234, 24.10.2003].

Рождество Пугачево [А. Гаспарян, МК№ 087, 22.04.2005].

То, что день рождения Блистательной (А. Пугачевой) – суций праздник для геев России, – древняя аксиома. Любят они её ... по-ценячьки преданно, боготворят, аки Марию Магдалену [А. Гаспарян, МК№ 087, 22.04.2005].

Теперь Игорь Наджиев готов распять себя на MTV [А. Гаспарян, МК№ 040, 23.02.2007].

Элтон пудрится в гримерке, Элтон выходит отсюда и начинает продираться сквозь толпу журналистов, поклонников и прочих обитателей закулисья... и идет на сцену, прямо как на Голгофу [А. Гаспарян, МК№ 012, 18.01.2002].

В данных примерах вновь прослеживается интенция автора привлечь внимание адресата и усилить воздействие на него за счет использования хорошо известных прецедентных ситуаций (библейских сюжетов) и прецедентных имен (библейских героев). Используется коннотация с положительным вектором в сочетании с большой долей иронии. Автор прибегает к использованию такой стилистической фигуры как сравнение.

Слот 1.3 Верующие

В течение 2 часов 40 минут на сцену выходили люди, исповедующие религию Блюза, каждый по своему [М. Пушкина, МК№228, 7.10.2005]. В данном примере положительная коннотация в сочетании с определенной долей иронии усиливают эмоционально-экспрессивную окраску высказывания и воздействие на адресата.

2. Фрейм. Демонический мир.

Слот 2.1 Демоны и падшие ангелы

Они, безусловно, нашли друг друга. Старейший рок-демон, Эдмунд Шклярский и мрачная рок-звезда в самом соку Вадик Самойлов [А. Гаспарян, МК№ 059, 19.03.2004]. Здесь автор использует коннотацию с отрицательным вектором в сочетании с тропом – гипербола, апеллирует

к прецедентному имени (библейскому персонажу) тем самым, привлекая и удерживая внимание адресата и воздействуя на его сознание.

В Америке «дитя порока» первым делом посетил свой любимый бутик известной фирмы [К. Порохова, «Жизнь», 3.10.2006]. Данная метафора основана на фразеологизме, автор также использует негативную коннотацию в сочетании с тропом – сравнение.

«Грустный ангел», как обычно, веселился и язвил [Л. Милевская, МК№ 24, 3.07.2004]. В данном высказывании автор вновь обращается к библейскому персонажу (ангелу). Высказывание окрашено негативной коннотацией в сочетании с иронией.

Программа с названием из Феллини, призванная давать дамам советы от бизнес-леди (Лариса Кривоцова), белокурой бестии (Дана Борисова) и умной женицины (Елены Мальшевой), с самого начала напоминала цирк [Н. Борисова, МК№ 008, 15.01.2004].

...«вычеркнутые» выступили с эксклюзивным интервью, а сама Исчадие Ада (А. Пугачева) молчала, как рыба, воды в рот набравшая [А. Гаспарян, МК№ 286, 16.12.2005].

Светлана Конеген – чудовище из преисподней [А. Мельман, МК№ 290, 28.12.2001]. В данных двух примерах автор апеллирует к хорошо известным прецедентным именам, представляющим собой библейские фразеологизмы. Высказывания обладают ярко выраженной негативной коннотацией в сочетании с большой долей иронии, автор также использует троп – гипербола с целью утрировать черты героев, что производит сильное эмоционально-экспрессивное впечатление на читателя.

Слот 2.2 Грешники

Этот образ грешницы всё крепче прирастает к Мадонне [Н. Разина, «Жизнь» № 4, 30.08.2006]. В данном примере вновь наблюдается обращение автора к библейскому персонажу (грешницы, намек на Марию Магдалену) в сочетании с негативной коннотацией и иронией.

3. Фрейм. Культовые ритуалы.

Данный фрейм является самым продуктивным в данной модели (25словоупотреблений/ 13,3%). Это объясняется тем, что *религиозные ритуалы являются – языком общения человека с богом, орудием и средством достижения целей*. Здесь наблюдается использование глагольных, субстантивных, адъективных метафор. В представленных примерах метафора выполняет номинативную, идеологическую и характеризующую функции.

Слот 3.1 Проповедничество

Возможно, эта тайная (вечеринка гр. «Blug») вечеря и стала началом истории брит-попа [И. Легостаев, МК№ 216, 23.09.2005]. Данное высказывание окрашено негативной коннотацией в сочетании с иронией. Автор вновь обращается к хорошо известной прецедентной ситуации (биб-

Зеленые страницы

лейскому сюжету), вызывая определенные ассоциации у читателя, привлекая его внимание и воздействуя на его сознание. Здесь также используется такая стилистическая фигура как сравнение.

Покружив некоторое время в эпицентре столичной «плешки», блюзмен и телегуру (Дмитрий Дибров), к несказанной своей радости, услышал в динамике звуки «Марии» (одного из альбомных треков) и понял, что все о'кей [А. Гаспарян, МК№ 047, 01.03.2002]. В данном высказывании автор использует коннотацию с положительным вектором в сочетании с иронией. Лексема *гуру* выражает концепты «просвещение», «познание», «проповедничество», здесь также используется троп – сравнение. Все эти приемы автора придают высказыванию яркую эмоционально-экспрессивную оценку и усиливают воздействие на адресата.

Слот 3.2 Жертвоприношения

Если жертвоприношение понравится Рейтингу, он позаботится, чтобы телевизионщика приласкала богиня прайм-тайма [Е. Фомина, Телесемь Челябинск № 36 (230), 3.09.2006].

Чтобы Рейтинг поднимался всё выше, и выше, и выше, работники ТВ кладут на его алтарь силы, время, талант, здоровье [Е. Фомина, Телесемь Челябинск № 36 (230), 3.09.2006]. В данных двух примерах автор прибегает к коннотации с негативным вектором в сочетании с иронией. В последнем примере представлена метафора основанная на фразеологизме в сочетании с стилистическим приемом – восходящая градация, благодаря чему происходит нарастание производимого высказыванием впечатления на адресата.

Но мало кто знает, что живая легенда (А. Пугачева) шла туда как агнец божий – на заклание, но с твердым намерением оставить народу свое завещание [А. Гаспарян, МК№ 285, 15.12.2006]. Автор вновь «вкрапляет» в высказывание аллюзивный антропоним, ставший фразеологизмом. Высказывание окрашено негативной коннотацией с определенной долей иронии.

Группу «Динамит» принесли в жертву Билану [У. Калашникова, МК№ 044s, 30.10.2005]. Автор снова обращается к хорошо известной прецедентной ситуации (библейскому сюжету). В данном примере используется коннотация с отрицательным вектором в сочетании с иронией.

Слот 3.3 Люди проводящие ритуалы

...в этих стенах, дыша воздухом, который, возможно еще пропитан какими-нибудь микроскопическими бактериями от дыхания Леннона, Старра, Харрисона или Маккартни, наши рок-маги творили свои музыкальные чудеса [А. Гаспарян, МК№ 250, 3.11.2006].

Рассядутся в зале, естественно, первые лица канала: от старого проверенного Д. Диброва, популярного А. Малахова до новой «национальной ведьмы» М. Киселевой [С. Одоевцева, МК№ 289, 27.12.2001]. В данных двух примерах наблюдается негативная коннотация в сочетании с иронией.

Лексемы *маг*, *ведьма* выражают концепты «колдун», «колдовство», «магия», «чародейство», вызывая определенные сакральные ассоциации у читателя и воздействуя на его сознание. Автор обращается к использованию тропа – сравнение в данных примерах.

Пугачева наколдовала Киркорову удачу [А. Гаспарян, МК№ 101, 12.05.2007].

Короли трип-хона колдовали в зале «Олимпийского» – многотысячную толпу качало словно от магических, шаманских манипуляций [К. Деловая, МК№ 007, 14.01.2004].

Прямо черной какой-то магией ворожили публику (братья Миладзе) [А. Гаспарян, И. Легостаев, МК№ 268, 25.11.2005].

Поводом для их (гр. «Король и Шут») последнего панк-шабаша стали выход концертного альбома «Мертвый Анархист» и 12-летие команды [ЗД, МК№ 072, 04.04.2003].

Билан навел порчу на Валерию [А. Гаспарян, МК№ 101, 24.11.2006].

В составе данного слота превалируют глагольные метафоры «наколдовали», «навел порчу», «ворожили», «качало» которые описывают ритуальные действия, производимые над зрителями, соперниками, работающими в области шоу-бизнеса. Большинство высказываний имеют коннотацию с отрицательным вектором в сочетании с иронией, призванных произвести сильное эмоционально-экспрессивное воздействие на читателя.

Слот 3.4 Предметы культа (ритуальные предметы)

Поп-идола Элтона Джона пригласили в Литву, выступить на Дне города Вильнюса [С. Никитин, Экспресс газета № 38 (607), 2006].

На Первом на этот раз отказались от полного иконостаса российских поп-исполнителей... [С. Одоевцева, МК№ 289, 27.12.2001].

В США вышла книга об идолах рок-н-ролла «Hotel California» (так назывался бессмертный хит группы «The Eagles») [С. Никитин, Экспресс газета № 35 (604), 2006].

Лесбо-икона с севера [А. Гаспарян, МК№ 053, 12.03.2004].

Статус гей-иконы у Примадонны (А. Пугачевой) – испокон веков. Сама она от этого не в восторге [А. Гаспарян, МК№ 087, 22.04.2005].

Он (Шевчук) размахивал микрофоном как поп-кадиллом... [www.mk..ru, 21.02.2003].

В составе данного слота превалируют субстантивные метафоры-словосочетания, стилистические неологизмы «поп-идол», «лесбо-икона», «гей-икона», «иконостас-поп-исполнителей», а также метафора-слово «кадилло». Все высказывания окрашены в негативную коннотацию в сочетании с большой долей иронии, практически во всех высказываниях авторами используется троп – гипербола, который преувеличивает значимость представителей шоу-бизнеса. Здесь метафориче-

ски артисты представлены в виде предметов, наделяются их качествами и их значимостью.

Слот 3.5 Религиозное чтиво (литература)

История знает такие религиозные литературные произведения как: Евангелие от Матвея, Евангелие от Луки и т.д. Новое время и новые идолы предлагают «заблудшим овцам» свою религию и свое религиозное «чтиво».

«Откровения» на костях от Мадонны [Н. Разина, «Жизнь» № 4, 30.08.2006].

И к тому же на каждом шагу нарушаю главную заповедь нашего шоу-бизнеса: не показывать публике своих слабостей [С. Конеген, МК№ 290, 28.12.2001]. В данном примере автор использует троп – сравнение в сочетании с негативной коннотацией и иронией, привлекая внимание адресата и воздействуя на его сознание.

4. Фрейм. Паломничество

Паломничество в Петербург [Н. Черных, МК№ 135, 22.06.2004]. Автор прибегает к использованию анаграммы – зашифрованного смысла, к словесной игре.

Слот 4.1 Места паломничества (святые места)

И было, конечно, некое ощущение путешествия во времени и преклонения колена перед Гробом Господним (студии «The Beatles») [А. Гаспарян, МК№ 250, 3.11.2006]. Здесь автор вновь «вкрапляет» в высказывание прецедентное имя и прецедентную ситуацию, основанные на библейском сюжете, хорошо известные читателю, вызывающие определенные религиозные ассоциации у адресата. Автор использует троп – гипербола, что преувеличивает статус и значимость героев высказывания и в сочетании с негативной коннотацией и иронией оказывает сильное эмоционально-экспрессивное воздействие на читателя.

5. Фрейм. Божья благодать и наказание за грехи.

11 сентября Мадонна даст первый и единственный концерт в столице. Меломаны ждут его как манны небесной [Е. Иванова, Комсомольская правда № 117-т/32, 17.08.2006].

... свет прожекторов словно божья благодать пролился на огромный зал «Олимпийского»... [www.mk.ru, 15.02.2006]. В данном примере одно явление *свет* приобретает признаки другого явления *воды* через метафору «пролился». В высказываниях, представленных в данном фрейме наблюдается использование метафоры, основанной на библейском фразеологизме. Высказывания окрашены положительной коннотацией в сочетании с иронией. Авторы используют троп – сравнение. Здесь авторы вновь прибегают к использованию прецедентной ситуации (библейскому сюжету).

В отечественном шоу-бизе наступил Апокалипсис [П. Валеева, Городской Дилижанс № 41(592), 17.10.2007].

То, не шторм нахлынул, то «всадники Апокалипсиса» (гр.Lordi) ворвались на сцену... [www.mk.ru, 21.05.2006].

Сегодня «Метелица» стала «вертепом», последним «Содомом и Гаморой» ночной Москвы... [www.mk.ru, 31.10.2006].

В данных высказываниях авторы апеллируют к хорошо известным прецедентным именам (аллюзивным антропонимам) и к прецедентным ситуациям, основанным на библейском сюжете. Автор использует троп – гиперболу, «утрирует» возникшую ситуацию, тем самым увеличивает впечатление от высказывания. Метафора «всадники Апокалипсиса» выражает концепт «предвестники» конца света, что усиливает эмоционально-экспрессивное воздействие, производимое на адресата. Здесь используется коннотация с отрицательным вектором в сочетании с иронией.

...фонограмме грозит жестокая инквизиция [www.mk.ru, 10.08.2007].

Московская дума объявила крестовый поход против исполнителей под фонограмму... [www.mk.ru, 10.08.2007].

В данных примерах вновь наблюдается использование хорошо известных прецедентных ситуаций. Лексемы «инквизиция», «крестовый поход» выражают концепты «расправа», «преследование», «гонение», «казнь», все это окрашивает высказывания в негативную коннотацию. Авторы используют троп – сравнение.

6. Фрейм. Жизнь после смерти.

Дело в том, что в довершение собственной реинкарнации В. Пресняков бросил пить [Е. Пряник, МК№291, 29.12.2001].

Реинкарнация Пугачевой свершилась... [А. Гаспарян, МК№ 064, 23.03.2001].

Поэтому, когда заговорили о «воскрешении» т.А.Т.и, о том, что после всех несусветных скандалов...все начинает устаканиваться, девицы вплотную взялись за ум и уже готовят запоздалый второй альбом...[А. Гаспарян, МК№ 274, 02.12.2005]. Лексемы «воскрешение», «реинкарнация» выражают концепты «зарождение», «перерождение», «возвращение», «новая жизнь», что вызывает яркие эмоционально-духовные ассоциации у читателя. Авторы используют троп – сравнение в сочетании с положительной коннотацией и определенной долей иронии. Здесь также наблюдается интенция авторов обратиться к хорошо известным прецедентным ситуациям, основанным на библейском сюжете, на сюжетах, составляющих основу буддистских и индуистских верований.

7. Фрейм. Церковная иерархия

В офисе «Первого русского радио», на котором теперь трудится г-н Новгородцев, радио-патриарх высказал свое отношение к некоторым «Brit's» – фаворитам [А. Гаспарян, И. Легостаев, МК№ 052, 03.07.2001].

Зеленые страницы

...поклонники поп-патриарха (Элтона Джона) тоже утирают слезы умиления и утверждают, что парень из бойз-бэнда – ну вылитый Элтон в молодости... [А. Гаспарян, МК № 012, 18.01.2002]. В последних двух примерах автор прибегает к использованию субстантивных метафор-словосочетаний, стилистических неологизмов в сочетании с тропом – гипербола для выражения своего отношения к данным представителям шоу-бизнеса. Высказывания окрашены в коннотацию с положительным вектором в сочетании с иронией. Все используемые стилистические приемы оказывают сильное эмоционально-экспрессивное воздействие на адресата.

Проведенный анализ метафорической модели «Шоу-бизнес – это религия» показал, что в российской прессе наблюдается активное использование религиозных концептов. Как показывают рассмотренные примеры, данная метафорическая модель характеризуется открытостью, способностью ко все более детальному, не имеющему каких-либо границ развертыванию с использованием все новых и новых компонентов. Вместе с тем можно определить типовые направления развертывания данной модели: «Война Добра и Зла», «Паства», «Ступени совершенствования», «Места для проведения ритуалов». Подавляющую долю метафорических словоупотреблений в составе данной модели составляют прецедентные имена (аллюзивные антропонимы) и прецедентные ситуации (121 словоупотребление/ 64,4%), хорошо известные носителям русского языка, вызывая тем самым знакомые ассоциации у читателя.

В текстах российских СМИ, посвященных шоу-бизнесу всегда присутствует определенная коннотация, которая может быть разно-векторной (негативной (уничжительной), положительной). Благодаря различным стилистическим приемам, высказывания о шоу-бизнесе приобретают яркую эмоционально-экспрессивную оценку, становятся более образными, что усиливает воздействие на читателя. В шоу-дискурсе, рассматриваемом через призму религиозной метафоры, как никогда, проявляется её идеологическая (манипулятивная функция).

¹ Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века. М., 1995. С. 239–320.

² Рудакова А.В. Когнитология и когнитивная лингвистика. Воронеж, 2002. С. 78.

³ Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург, 2003. С. 3.

⁴ Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург, 2001. С. 15.

⁵ Третьякова О.В. Современный словарь шоу-бизнеса в структурно-семантическом и функциональном аспектах. М., 2006. С. 5.

⁶ Ожегов С.И. Словарь русского языка. Екатеринбург, 1994. С. 588.

⁷ Джефкинс Ф., Ядин Д. Паблик рилейшнз. М., 2003. С. 2.

Поступила в редакцию 30 августа 2007 г.

ВНЕШНИЙ ВИД КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПОЭТИЧЕСКОГО ОБРАЗА МУЖЧИНЫ (ПО ДАННЫМ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ЛИРИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ А. АХМАТОВОЙ И М. ЦВЕТАЕВОЙ)

А.А. Коробейникова

Рассматриваются лексические составляющие образа мужчины, попадающие в поле поэтического зрения А. Ахматовой и М. Цветаевой и формирующие представления о внешности объекта поэтического высказывания. Автор анализирует текстовые репрезентанты внешности поэтического образа мужчины, находит общее и различное в текстовом воплощении А. Ахматовой и М. Цветаевой образа лирического героя.

Ключевые слова: А. Ахматова, гендерная лингвистика, лирический герой, поэтический образ мужчины, поэтический текст, текстовые репрезентанты внешности, М. Цветаева.

Одной из характерных черт современного теоретического языкознания является расширение сферы исследования

Антропоцентризм как один из приоритетных принципов современного научного лингвистического исследования знаменует, по выражению Е. Кубряковой, «тенденцию поставить человека во главу угла во всех теоретических предпосылках». Таким образом, человек оказывается не просто вовлеченным в анализ тех или иных явлений, но определяет «перспективы этого анализа и его конечные цели»¹. В данной работе антропоцентризм используется как принцип исследования «человека в языке», конкретнее – мужчины в поэтических текстах, созданных авторами-женщинами.

Работы, посвященные проблеме «человек в литературном творчестве», особенно актуальны в настоящее время, о чем свидетельствуют многочисленные лингвистические исследования (Балакина², Коновалова³, Кукес⁴, Лю Хуан Син⁵, Суркова⁶, Пушкирь⁷ и другие). Л. Чурилина объясняет этот интерес «обращением к художественному тексту как к миру, «сотворенному» писателем, как к аналогу мира реального, а к персонажу, «живущему» в этом мире, как к «модели человека»⁸.

Неотъемлемой индивидуальной характеристикой человека является пол. По-новому взглянуть на феномен пола позволяет применение гендерного подхода к языку. А. Кирилина отмечает в современной отечественной науке «бурный рост интереса к лингвистической составляющей гендерных исследований»⁹. Данное мнение подтверждается многочисленными работами, посвященными изучению гендерного параметра в языке и речи (Антинескул¹⁰, Витлицкая¹¹, Вишнякова¹², Гриценко¹³, Кирилина¹⁴, Коновалова¹⁵, Кукес¹⁶, Тарасова¹⁷, Черкун¹⁸ и мн. др.).

В ходе изучения указанных научных трудов стало очевидно, что поэтические тексты в качестве исследуемого материала в них не используются, мы решили восполнить этот пробел.

Целью данной статьи является рассмотрение текстового воплощения внешности мужчины как лирического героя поэзии А. Ахматовой и М. Цветаевой, являющимися, по выражению И. Савкиной, «канонизированными женскими авторскими фигурами»¹⁹.

Обозначенные объект (лирика А. Ахматовой и М. Цветаевой) и предмет (поэтический образ мужчины) исследования позволяют заключить, что наша работа входит в группу проблем, изучаемых гендерной лингвистикой, поскольку изучается «язык и отражение в нем пола»²⁰.

Рассматривая направления современной отечественной гендерной лингвистики в статье «Лингвистические гендерные исследования»²¹, соавторы А. Кирилина и М. Томская выделяют в числе прочих особое направление, которое составляют мужские исследования. Исследования маскулинности призваны дать ответ на следующие вопросы: как конструируется обществом мужественность, какие типы мужественности существуют в данной культуре в данное время, как это сказывается на поведении людей, каковы нормы и требования к мужчинам? Мы полагаем, что результаты анализа лирических текстов указанных поэтов позволят конкретизировать содержание концепта маскулинность (мужественность) в русском языке и культуре.

Материалом исследования послужили стихи А. Ахматовой (1909–1917), опубликованные в сборнике «Лирика»²² и стихи М. Цветаевой (1908–1922), опубликованные в «Сочинениях...»²³. В очерке «Нездешний вечер» М. Цветаева вспоминает первое чтение своих стихов в окружении петербургских поэтов: «Всем своим существом чую напряженное – неизбежное – при каждой моей строке – сравнение нас (а в ком и – стравиливание): не только Ахматовой и меня, а петербургской поэзии и московской»²⁴. Наблюдение поэты во многом объясняет причины последующего частого сравнения критиками ее творчества и А.

Зеленые страницы

Ахматовой. Выбор стихов именно этих поэтов обусловлен тенденцией к поиску в произведениях современных женских авторов ахматовского или цветаевского начала. Так, В. Корнилов в критической статье «В женщинах крепче заряд...», анализируя лирику И. Кобыш и Е. Крюковой, сравнивает их с парой Ахматова – Цветаева²⁵. Л. Костюков в публикации «Я вам пишу – чего же боле...» пишет: «До сих пор в лице Петрушевской, Нины Садур, Татьяны Толстой, Токаревой, Горлановой мы встречались с некоторой постцветаевской ситуацией, экспансивным, активным, по существу мужским началом, для разнообразия облеченным в юбку и то не всегда»²⁶.

В процессе анализа языка поэзии указанных авторов мы использовали данные нескольких гуманитарных наук – литературоведения, психологии и лингвокультурологии, поскольку гендерная лингвистика как междисциплинарное исследование позволяет нам это сделать.

В трактовке Л. Гинзбург, понятие «литературный персонаж» – это «серия последовательных появлений или упоминаний одного лица. Изображение его слов, действий, внешних черт, внутренних состояний, повествование о связанных с ним событиях»²⁷. В числе элементов, способствующих изображению «литературного персонажа» указывается и внешность.

Существует мнение, что внешний вид играет первостепенную роль при определении пола человека. Дж. Лорбер пишет: «В большинстве случаев мы в состоянии с первого взгляда установить принадлежность человека к определённому полу»²⁸. Не менее известный автор Н. Вулф, развенчивая миф о красоте женщины, отмечает: «Многие стыдятся признать, что обыденные вещи – внешний вид, тело, лицо, волосы, одежда – значат так много»²⁹.

В исследовании Е. Ильина «Образы мужчин и женщин в массовом сознании», к нашему удивлению, отсутствуют реакции-прилагательные со значением «внешний вид»³⁰. Означает ли это, что люди перестали обращать внимание на внешность противоположного пола?

По данным РАС реакция *мужчина* получена на следующие стимулы в числе прочих: красавец (48), высокий (32), элегантный (31), коренастый (27), привлекательный (25), полный (22), бородастый (19), седой (12), стройный (11), лысый (10), загорелый, усатый (8), крупный (7), брюнет, симпатичный (5), нарядный, невысокий, некрасивый (4), бледный, заросший, изящный, кудрявый, небольшой, приземистый, хромой (2), великан, гигант, горбатый, громадный, кучерявый, спортивный, толстый, урод (1)³¹. Таким образом, данные РАС подтверждают мнение Дж. Лорбер и Н. Вулф о том, что внешний вид является важным фактором в формировании образа человека, в частности мужчины.

В. Маслова, размышляя о значимости человека, пишет: «В центре мира стоит человек как личность, имеющая тело, душу, речь»³². В числе составляющих внешнего облика человека исследовательница указывает голову и ее части (глаза, волосы, нос, бороду, губы). Добавим данное утверждение наблюдениями психологов, а именно: все движения мышц лица (мимика) скоординированы при выражении шести основных эмоциональных состояний (гнева, радости, страха, страдания, удивления и отвращения). По мнению ученых, любой человек независимо от национальности, культуры, в которой он вырос, достаточно точно может интерпретировать мимические коды (положение рта, губы, форма глаз, яркость глаз, положение бровей, уголки бровей, лоб и в целом подвижность лица и его частей) вышеперечисленных эмоциональных состояний³³. Для интерпретации мимических кодов эмоциональных состояний лирических героев станем использовать схему, разработанную В. Лабунской³⁴. Отметим, что взгляд (визуальный контакт) тесно связан с мимикой и составляет исключительно важную часть общения.

Глаза считаются важнейшей частью лица, так как посредством органов зрения воспринимается большая часть знаний о мире. Рассмотрим, каким образом представлена эта составляющая внешности мужчины в лирике А. Ахматовой и М. Цветаевой. Для большей наглядности представим материал в табл. 1. В первом столбце укажем ситуацию визуального контакта лирических героев, во втором и третьем столбцах укажем текстовые репрезентанты внешности лирического героя, конкретнее – глаза/ взгляд в поэтическом микроконтексте.

Как видим, о физическом и эмоциональном состоянии мужчины, его чувствах и отношении к женщине можно судить по направлению взгляда, поэтому часто описывается ситуация, когда герои смотрят друг на друга. Подчеркнем, что визуальный контакт, представленный поэтессами, свидетельствует о расположенности или нерасположенности к общению (Ср.: *Кто молод – с милой говорит, Ей в губы дышит, в глаза глядит... и Ушёл, глядит в глаза другие...*).

По результатам психологических исследований³⁵, если на нас смотрят мало, то мы имеем все основания полагать, что к нам или к тому, что мы говорим и делаем, относятся плохо. Рассматривая ситуацию «его» нежелания смотреть «ей» в глаза, описанную А. Ахматовой, можно предположить, что причина кроется в угаснувшем чувстве: *Не любишь, не хочешь смотреть?* В стихах М. Цветаевой эту же ситуацию иногда (в зависимости от того, кому посвящено стихотворение) можно объяснить скромностью и робостью лирического героя, которые так высоко ценила поэтесса в людях. Любопытное примечание: психологами доказана взаимосвязь между взглядом и процессом формирования высказывания. Когда человек формулиру-

ет мысль, то смотрит в сторону, когда мысль полностью готова, – на собеседника³⁶. Это очень свойственно так называемым «сценам объяснения» между мужчиной и женщиной.

Вернемся к строкам А. Ахматовой: *И глаза, глядевшие тускло, Не сводил с моего кольца; Потускнели и, кажется, стали уже Зрачки ослепительных глаз...* Через описание формы и яркости глаз, то есть взгляда героя, точно передано его эмоциональное состояние. Такие мимические коды как «глаза тусклые», «глаза сужены», «глаза блестят» выражают презрение, страдание и

гнев. Конечно, поэтесса не была знакома со схемой мимических кодов эмоциональных состояний, разработанной В. Лабунской, и вместе с тем, очевидно, что она хорошо знает описываемого героя, настолько легко и верно ею «прочитаны» его «мимические послания». Верно говорят, что глаза – зеркало души: психологи установили, что расширение и сужение зрачков не поддается сознательному контролю человека. При постоянном освещении зрачки могут расширяться или сужаться в зависимости от настроения. Не случайно поэтесса именно по зрачкам пытается опреде-

Таблица 1

Признак (ситуация)	Текстовые репрезентанты внешности лирического героя	
	А. Ахматова	М. Цветаева
Направление взгляда: она на него	Поглядела в глаза его Я его узнала по глазам Тот же взгляд	Я отроку взглянула в очи
Направление взгляда: он на неё	А взгляды его – как лучи. Я только вздрогнула: этот Может меня приручить	Впервые глазами волчьими Ты нацелился мне в лицо
	Так на наездниц смотрят стройных... Лишь смех в глазах его спокойных Под лёгким золотом ресниц И глаза, глядевшие тускло, <i>Не сводил с моего кольца</i>	Вчера ещё в глаза глядел, А нынче – всё косится в сторону
	Как я знаю эти упорные, Ненасытные взгляды твои	
Его нежелание смотреть на неё	Не любишь, не хочешь смотреть?	В глазах, упорствующих в пол, Застенчивость хороших семей
	Ушёл, глядит в глаза другие	Ресницы, ресницы, Склоненные ниц
	И дал мне три гвоздики, Не подымая глаз	И отвернув куда-то взгляд горячий
	Только глаза подымать не смей	Вчера ещё в глаза глядел, А нынче – всё косится в сторону

Таблица 2

Тропы	Текстовые репрезентанты внешности лирического героя	
	А. Ахматова	М. Цветаева
Эпитеты	Гляди весёлыми глазами	Глазами волчьими
	<i>Потускнели и, кажется, стали уже Зрачки ослепительных глаз</i>	Взгляд пронзителен и робок
	Сильней всего на свете Лучи спокойных глаз	Взгляд горячий
	Как я знаю эти упорные, Ненасытные взгляды твои	Очи, не числящиеся в ночах ничьих ещё... Его глаза – прекрасно бесполезны Нагловзорый (о Пушкине)
Сравнение	А глаза синей, чем лёд	Под крыльями раскинутых бровей – Две бездны
	И загадочных, древних ликов На меня поглядели очи	И чьи глаза, как бриллианты, <i>На сердце вырезали след</i>
	Только глаза подымать не смей, Жизнь мою храня. Первых фиалок они светлей	
	А взгляды его – как лучи	
	На глаза осторожной кошки Похожи твои глаза	
Метафора	–	Пустоты отроческих глаз Пустыни карие – твои глаза

Зеленые страницы

лить (описать) эмоциональное состояние мужчины (лирического героя).

Подчеркнем, что многим критикам начала XX века сборники А. Ахматовой напоминали русский психологический роман. Современник поэтессы О. Мандельштам так писал о предельно лаконичном языке поэтессы: «Ахматова принесла в русскую лирику всю огромную сложность и психологическое богатство русского романа девятнадцатого века»³⁷.

С любовью описывая мужа, М. Цветаева пишет: *Под крыльями раскинутых бровей – Две бездны...* В переводе на язык психологов это означает то, что мимические конфигурации «брови подняты вверх», «внутренние уголки бровей подняты вверх» свидетельствуют о выражаемом удивлении и радости. Остается заключить, что выбранные поэтессами эпитеты усиливают и подчеркивают эмоциональное состояние лирического героя и его внешние данные порой с документальной точностью. К примеру, зная, что Сергей Эфрон, как и Марина и Анастасия Цветаевы, был близорук, становится понятным выбор эпитета *прекрасно бесполезны* (о глазах).

Различное цветообозначение глаз в текстах поэтесс свидетельствует о важности этого фактора в репрезентации поэтического образа мужчины. В стихах поэтесс встречаются следующие обозначения цвета глаз: *Покорно мне воображение В изображении серых глаз; Но мне понятен серых глаз испуг; И со мной сероглазый жених; Для того ль сияла сила В голубых твоих глазах; Любо мне от глаз твоих зелёных Ос весёлых отгонять* (А. Ахматова); *И синий взгляд пронзителен и робок; Пустыни карие – твои глаза* (М. Цветаева).

Изобразительно-выразительные средства языка, способствующие созданию поэтического образа мужчины, представим в . 2.

Значительное место в лексической структуре стихов отводится описанию губ и это не просто совпадение. Как доказали психологи, основную информативную нагрузку в мимике несут брови и область вокруг рта, то есть губы. Улыбкой можно ранить, обидеть, выразить почтение, обрадовать и т.д. Представим, как, описывая такую важную составляющую внешности – губы (улыбку), поэтессы представляют ее воздействие на лирическую героиню. Также рассмотрим эпитеты, используемые поэтессами для создания художественного образа лирического героя. Обратимся к лексическому материалу, представленному в табл. 3.

Разнообразные улыбки мужчины, представленные главным образом в лирике А. Ахматовой, чаще всего оказывают негативное воздействие на героиню. В этой связи представляет интерес исследование шуток и юмора у мужчин и женщин, описанное в работе И. Коноваленко «Роль гендерного

фактора в коммуникативном поведении женщин и мужчин». Учеными получены следующие результаты: улыбка и шутки у женщин служат для интеграции участников коммуникационного процесса в группы, для имидж-потребности пойти навстречу партнёру по разговору, создать гармонию, кооперативный климат разговора. Улыбка и смех у мужчин, напротив, указывают на выражение социального контроля³⁸. Из таблицы видно, что в ахматовской поэзии мужская улыбка прописана более детально, чем в цветаевской. Объяснение этому может служить, по нашему мнению, только личное мировосприятие авторов.

Обратимся к описанию такой не менее важной составляющей поэтического образа мужчины, как волосы (табл. 4).

Очевидно, в текстах А. Ахматовой цвет волос мужчины – несущественная деталь, вероятно указывающая на возраст: «темный локон» → молодой мужчина, «седой» → зрелый мужчина.

Примечательно, что в стихотворении М. Цветаевой «Откуда такая нежность?», обращенном к О. Мандельштаму, автор пишет: «Не первые – эти кудри разглаживаю...». Однако на фотографии того времени Осип Мандельштам не просто не кудрявый, а – лысоватый. Скорее всего, упомянутые кудри также указывают на молодой возраст мужчины.

Известно также, что сама Марина Цветаева мечтала иметь кудри и даже по чьему-то совету брила голову, чтобы отрастающие волосы могли виться. По этой причине она вынуждена была носить «очень не шедший ей чёрный шелковый чепец с маленькой оборкой»³⁹, о котором упомянул потом в своём стихотворении М. Волошин: *Отчего скрывает чепчик чёрный Чистый лоб, а на глазах – очки? Может быть, считая, что кудри – это красиво, М. Цветаева наделяла ими описываемых мужчин, приукрашивая их внешность?*

В целом лицо лирического героя в ранней лирике А. Ахматовой и М. Цветаевой – это очень информативная деталь поэтического образа мужчины. В стихотворении М. Цветаевой образ любимого мужчины (мужа, С. Эфрона) представлен предельно чётко, с документальной точностью: *Его чрезмерно узкое лицо Подобно шпаге. Безмолвен рот его, углами вниз, Мучительно-великолепны брови. В его лице трагически слились Две древних крови. Он тонок первой тонкостью ветвей. Его глаза – прекрасно бесполезны! Под крыльями раскинутых бровей – Две бездны.* По воспоминаниям А. Цветаевой, сестры поэтессы, юный Серёжа выглядел так: «У него узкое лицо, тёмный разлёт бровей и под ними такие огромные, совершенно невероятные по красоте и величине глаза. Они серо-зеленоватые и сияют добротой и счастьем»⁴⁰.

Таблица 3

Признак	Текстовые репрезентанты внешности лирического героя	
	А. Ахматова	М. Цветаева
Эпитеты	<i>Я для сравнения слов не найду –</i> Так твои губы нежны	Безмолвен рот его, углами вниз
	Мне лобы <i>Твои сухие, розовые губы</i>	Губы Знавала – темней твоих
	С улыбкой неживой, Друг шепчет	
	Улыбнулся спокойно и жутко	
	Но зачем улыбкой странною И застывшей улыбаемся?	
	Озарила тень улыбки	
Воздействие на неё	Как улыбкой сердце больно ранишь	
	Милым простила губам Я их жестокою шутку	
	Улыбнётся мне ль твоё лицо?	
	Как велит простая учтивость, Подошёл ко мне, улыбнулся	

Таблица 4

Признак	Средства апелляции	
	А. Ахматова	М. Цветаева
Цвет; вьются/ не вьются	Те же волосы льняные	Чтоб голову свою, в шальных кудрях
	Тёмный локон – знаешь, чей?	Что означает, толкователь снов, Твоих кудрей довременная проседь?
	Ты не был седым и грустным	Волосом он рыж, Голова тюльпана!
		Не первые – эти кудри Разглаживаю...
		С рыжекудрым, розовым <i>Развесёлым озарём.</i>

Антропоцентрический принцип, избранный для анализа лексической структуры лирического текста, позволяет заключить, что сема «внешность» является важным параметром, способствующим конструированию поэтического образа мужчины в творчестве А. Ахматовой и М. Цветаевой. Образ лирического героя представлен разнообразными номинациями, описывающими глаза, губы и волосы. Наиболее типичными для описания внешности литературного героя являются номинации, указывающие не на красоту лица, а на мимические конфигурации, которые, в свою очередь, выражают определенное эмоциональное состояние персонажа-мужчины.

Указанные составляющие внешнего облика мужчины, то есть глаза, волосы и губы, репрезентируются поэтессами по-разному. При описании глаз А. Ахматова акцентирует внимание на направлении взгляда, а М. Цветаева обращает внимание на их выразительность. Для А. Ахматовой волосы – несущественная деталь внешности, скорее указывающая на возраст мужчины. М. Цветаева же, напротив, подчеркивает эстетическое впечатление от этой составляющей. Что касается губ, то в семиотической поэтике А. Ахматовой, это в первую очередь объект, выражающий эмо-

циональное состояние героя, а не орган речи. В лирике М. Цветаевой этот компонент внешности не является знаковым, поэтому описанию губ уделяется гораздо меньше внимания.

В заключение отметим, что исследование поэтического образа мужчины в лирике А. Ахматовой и М. Цветаевой позволяет конкретизировать содержание концепта «маскулинность» в русском языке и культуре, а также способствует развитию такого нового направления гендерной лингвистики как исследование маскулинности.

¹ Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа)// Язык и наука конца 20 века: Сб. статей. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. С. 212.

² Балакина Л.В. Проявление гендерного фактора в художественном тексте: Дис. ... к.филол.н.: 10.02.01, 10.02.19. Орел, 2005. С. 303.

³ Коновалова С.А. Гендерная специфика выражения предикативных отношений в тексте русской народной волшебной сказки: Автореф. дис. к.филол.н.: спец. 10.02.19. М., 2005. С. 24.

⁴ Кукес А.А. Гендерная саморефлексия в женской автобиографической прозе XX века (Переходный

- возраст как тема и образ; Лу Андреас-Саломе, Маргерит Дюрас, Криста Вольф, Ольга Войнов: Дис. ... к.филол.н.: 10.01.03. М., 2003. С. 148.
- ⁵ Лю Хуан-Син. Женские образы в прозе Чехова: Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 2002. С. 165.
- ⁶ Суркова Е.В. Гендерные особенности авторской репрезентации эмоций персонажей (На материале современной массовой литературы России и Германии): Дис. ... к.филол.н.: 10.02.20. Волгоград, 2005. С. 191.
- ⁷ Пушкарь Г.А. Типология и поэтика женской прозы: гендерный аспект: на материале рассказов Т. Толстой, Л. Петрушевской, Л. Улицкой: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к.филол.н.: 10.01.01. Ставрополь, 2007. С. 22.
- ⁸ Чурилина Л.Н. Антропоцентризм художественного текста как принцип организации его лексической структуры: Дис. ... д.филол.н. СПб, 2002. С. 7.
- ⁹ Кирилина А.В. Гендерные исследования в лингвистических дисциплинах// Гендер и язык/ московский гос. лингвистический ун-т; Лаборатория гендерных исследований. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 7.
- ¹⁰ Антинескул О.Л. Гендер как параметр текстообразования: Дис. ... к.филол.н.: 10.02.19. Пермь, 2000. С. 222.
- ¹¹ Витлицкая Е.В. Лингвистическая репрезентация гендерных стереотипов в рекламе: (на материале англояз. и русскояз. текстов): Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к.филол.н.: 10.02.19 Волгоград, 2005. С. 19.
- ¹² Вишнякова Ю.В. Лингвокультурологическое описание гендера в лексикографии (На материале анализа мифологических персонажей): Дис. ... к.филол.н.: 10.02.19 Ярославль, 2006. С. 211.
- ¹³ Гриценко Е.С. Язык как средство конструирования гендера: Дис. ... д.филол.наук.: 10.02.19 Н. Новгород, 2005. С. 405.
- ¹⁴ Кирилина А.В. Гендерные аспекты языка и коммуникации. М. С. 369.
- ¹⁵ Коновалова С.А. Гендерная специфика выражения предикативных отношений в тексте русской народной волшебной сказки: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к.филол.н.: спец. 10.02.19 Москва, 2005. С. 24.
- ¹⁶ Кулес А.А. Гендерная саморефлексия в женской автобиографической прозе XX века (Переходный возраст как тема и образ; Лу Андреас-Саломе, Маргерит Дюрас, Криста Вольф, Ольга Войнов: Дис. ... к.филол.н.: 10.01.03 Москва, 2003. С. 148.
- ¹⁷ Тарасова О.Н. Гендерная специфика поведения человека в аспекте взаимодействия вербальных и невербальных компонентов коммуникации: На материале англоязычных художественных текстов: Автореф.дис. ... к.филол. н.: 10.02.04, 10.02.19. Иваново, 2006. С. 21.
- ¹⁸ Черкун, Е.Ю. Особенности гендерной спецификации видов публицистического текста (на материале немецкого языка) Дис. ... к.филол.н.: 10.02.04 Иркутск, 2007. С. 207.
- ¹⁹ Савкина И. Зеркало треснуло (современная литературная критика и женская литература)// Гендерные исследования, 2003. № 9. С. 88.
- ²⁰ Кирилина А.В. Лингвистическая гендерология (гендерная лингвистика)// Словарь гендерных терминов. М.: Информация XXI век, 2002. С. 139.
- ²¹ Кирилина А.В. Лингвистические гендерные исследования//Отечественные записки, 2005. №2. С. 61.
- ²² Ахматова А.А. Лирика. Сост. и подгот. текста В. Черных; Худож. И. Махов. М.: Худож. лит., 1989.
- ²³ Цветаева М. Сочинения. В 2 т. Т.1. Стихотворения; Поэмы; Драм. Произведения. Мн., 1988. С. 542.
- ²⁴ Цит. по Басинский П.В., Федякин С.Р. Русская литература конца XIX – начала XX века и первой эмиграции. М.: Академия, 2000. С. 373.
- ²⁵ Корнилов Вл. В женщинах крепче заряд...// Дружба народов № 3. 1996. С. 184–188.
- ²⁶ Костюков Л. Я вам пишу – чего же боле...// Дружба народов № 8. 2000. С. 208.
- ²⁷ Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. М., 1999. С. 244.
- ²⁸ Лорбер Дж. Пол как социальная категория// Основы гендерных исследований: хрестоматия/ отв ред. О.А. Воронина. М.: Моск. центр гендерных исследований 2001. С. 73.
- ²⁹ Вулф Н. Миф о красоте. Как представления о красоте используются против женщин// Основы гендерных исследований: хрестоматия/ Отв ред. О.А. Воронина. М.: Моск. центр гендерных исследований, 2001. С. 262.
- ³⁰ Ильин Е.П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины, 2003. Интернет-публикация. http://www.i-u.ru/biblio/archive/ilin_dif.
- ³¹ Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т.1. От стимула к реакции: Ок. 7000/ Под ред. Ю.Н. Караулова. М., 2002. С. 442.
- ³² Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2004. С. 133.
- ³³ Блум Ф., Лейзерсон Л. Мозг, разум и поведение. Гл. VI. Эмоции. М.: Мир, 1998.
- ³⁴ Лабунская В.А. Мимические коды эмоциональных состояний. Табл.7.1. // Психология и этика делового общения. М., 2003. С. 140.
- ³⁵ Там же. С. 140.
- ³⁶ Там же. С. 141.
- ³⁷ Цит. по: Басинский П.В., Федякин С.Р. Русская литература конца XIX – начала XX века и первой эмиграции. М.: Академия, 2000. С. 210.
- ³⁸ Коноваленко И.В. Роль гендерного фактора в коммуникативном поведении женщин и мужчин: Дис. ... к.филол.н. Омск 2003. С. 26.
- ³⁹ Цветаева А. Воспоминания. М.: Советский писатель, 1974. С. 384.
- ⁴⁰ Там же. С. 415.

Поступила в редакцию 20 марта 2008 г.

ТЕХНОЛОГИИ РАЗВИТИЯ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

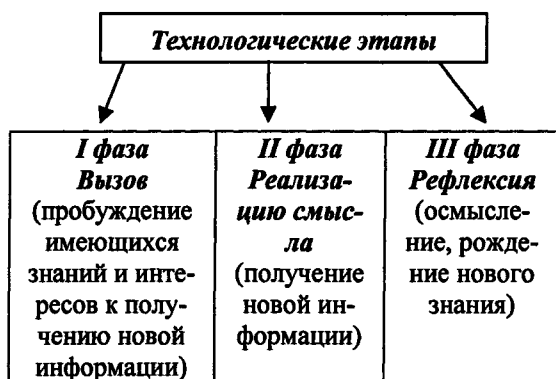
Л.Л. Ткачева

Освещаются вопросы развития критического мышления через письмо и чтение: рассматриваются и описываются три фазы развития критического мышления, анализируются типы вопросов, способствующих развитию данного вида мышления.

Ключевые слова: критическое мышление, педагогическая технология, вызов, реализация смысла, рефлексия, типы вопросов.

Идея обучения критическому мышлению далеко не нова. Она восходит к идеям древнегреческих ученых и философов. Уже в 4 веке до нашей эры, Сократ прибегал к развитию критического мышления посредством особых вопросов, чтобы заставить говорящего думать. Такие вопросы стимулировали общение между учителем и обучающимися, а также заставляли последнего защищать свою точку зрения. Например: «Вы считаете, что человека всегда должен быть правдивым. А что если неправда спасет чью-то жизнь? Следует из этого, что правда важнее жизни?»

Для того, чтобы развивать критическое мышление, необходимо создание и применение специальных методических инструментов. Одним из эффективных инструментов может являться разработанная американскими педагогами Дж. Стил, К. Мередитом, Ч. Темплом и С. Уолтером педагогическая технология развития критического мышления посредством чтения и письма (см. рисунок).

Три фазы технологии развития критического мышления

Иногда сам преподаватель решает, какие задачи должны решать его студенты, не принимая во внимание их истинные интересы. Данная же технология заставляет самих студентов решать, думать, принимать участие в работе, ставящей своей целью актуализацию собственного опыта. Итак, на этапе *Вызова*:

1. Студенты могут высказывать свою точку зрения по поводу изучаемой темы, без боязни ошибиться и быть исправленным преподавателем.

2. Высказывания фиксируются, любое из них будет важным для дальнейшей работы. На этом этапе нет «правильных» или «неправильных» высказываний.

3. Целесообразно сочетать индивидуальную и групповую работу. Индивидуальная работа позволит каждому студенту актуализировать свои знания и опыт. Групповая работа позволяет услышать другие мнения, изложить свою точку зрения без риска ошибиться. Обмен мнениями может способствовать выработке новых идей, которые могут явиться неожиданными и продуктивными. Работа в небольших группах позволит снять страх у некоторых студентов и чувствовать себя более комфортно.

Данная технология может оказаться очень эффективной на практических занятиях английского языка по аспекту «Домашнее чтение». Не секрет, что данный вид работ не всегда используется преподавателями. Некоторые ограничиваются пересказом прочитанных фактов и описанием героев такими, какими они представлены в художественных произведениях. Именно на этапе *Вызова* можно повысить у студентов интерес к прочитанному, стимулируя их участие, их идеи и активность.

На этапе *Реализации смысла* студенты непосредственно знакомятся с новой информацией. Ч. Темпл и его коллеги отмечают: «Хорошие учащиеся, хорошие читатели отслеживают свое понимание, встречаясь с новой информацией. Хорошие читатели перечитывают кусок текста в том случае, если они перестают его понимать. Хорошие слушатели, воспринимая сообщение, обычно задают вопросы или записывают, что они не поняли для прояснения в будущем»¹. Данное высказывание четко выражает принцип работы в процессе реализации смысловой стадии.

Итак, на данной стадии студенты:

1. Осуществляют контакт с новой информацией.
2. Пытаются сопоставить эту информацию с уже имеющимися знаниями и опытом.
3. Готовятся к анализу и обсуждению прочитанного.

Зеленые страницы

На этом этапе роль преподавателя состоит в том, что он предлагает различные приемы для вдумчивого чтения и размышления о прочитанном.

Роберт Бустром в книге «Развитие творческого и критического мышления» отмечает: «Рефлексия – особый вид мышления... Рефлексивное мышление значит фокусирование вашего внимания. Оно означает тщательное взвешивание, оценку и выбор»². В процессе рефлексии та информация, которая была новой, становится присвоенной, превращается в собственное знание. Если посмотреть в целом, то можно проследить, что рефлексия пронизывает все три фазы работы, но на последней стадии она становится основной целью деятельности студентов и преподавателя. Нужно стимулировать студентов выражать новые идеи и информацию собственными словами, чтобы они самостоятельно выстраивали причинно-следственные связи прочитанного. Так как многими психологами замечено, что студенты помнят лучше всего то, что они поняли в собственном контексте, выражая это своими собственными словами. Такое понимание носит долгосрочный характер. Каким же образом преподаватель может стимулировать рефлексии? Б. Блум считал, что таким действенным механизмом могут быть вопросы. Он систематизировал возможные типы вопросов в соответствии с компонентами когнитивной деятельности.

1. Вопросы формального уровня – это простые вопросы, ответы на которые предполагают воспроизведение информации. Однако данные вопросы не стимулируют развитие навыков критического мышления, способствуя лишь тренировке памяти.

2. Вопросы на перевод – это вопросы, предлагающие трансформацию студентами информации в других образах. Ответ на вопросы данного типа подразумевают формулировку услышанной или прочитанной информации своими словами, соотнесение новой информации с уже знакомыми образами.

3. Вопросы на интерпретацию – это вопросы, которые позволяют прояснить понимание взаимосвязей между идеями, фактами или ценностями. Эти вопросы стимулируют мыслительную деятельность.

4. Вопросы на применение – это вопросы, которые дают возможность студентом перенести полученные знания на новые учебные условия.

5. Эти вопросы достаточно сложны, так как подразумевают нестандартные решения.

6. Вопросы на анализ – вопросы, требующие прояснения причин и следствий, вопросы планирования.

7. Вопросы на синтез – это вопросы, связанные с творческим решением проблем на основе оригинального мышления. В отличие от вопросов на применение, для решения проблем в данном случае недостаточно имеющейся информации.

8. Вопросы на оценку требуют вынесения собственных суждений о рабочей информации или собственное ее видение³.

Нужно отметить, что вопросы, заданные преподавателем, – это не просто способ стимулирования активности процесса рефлексии, но это также и способ показать студентам путь к самостоятельной рефлексии. Побуждение студентов к постановке вопросов – наиболее важная и одновременно наиболее трудная задача преподавателя в процессе обучения. И чтобы добиться положительных результатов в этом виде деятельности, требуется кропотливая и систематическая работа, как со стороны преподавателя, так и со стороны студентов.

Таким образом, мы придерживаемся мнения, что данная технология является одной из наиболее эффективной для проведения практических занятий по аспекту «Домашнее чтение». Если следовать трем предложенным фазам в работе с текстом (а именно: вызов, реализация смысла, рефлексия), то мы сможем не только повысить интерес студентов к данному аспекту, но и сможем способствовать развитию навыков критического мышления у студентов. Тем самым мы будем воспитывать молодых специалистов, способных принимать взвешенные и компетентные решения, исходя не только из ежеминутной целесообразности, но руководствуясь доводами логики и критики, культурными традициями и разумом.

¹ Стил Дж. Л., Мередит К., Темпл Ч., Уолтер С. Основы критического мышления: междисциплинарная программа. Пособие I. М.: Изд-во «ИОО», 1997.

² Бустром Р. Развитие творческого и критического мышления. М.: Изд-во «ИОО», 2000.

³ Bloom, B.C. Taxonomy of educational objectives: The classification of educational goals. New York: Longman, 1956.

Поступила в редакцию 28 ноября 2007 г.

SUMMARY

Kozhaeva O.S. The comparative-typological researches on the contemporary stage of the linguistics' development.

The present article is devoted to the necessity to teach future Russian language teachers comparative linguistics and the place of contemporary comparative linguistics in modern language science.

Keywords: comparative linguistics, cognitive linguistics, comparative-typological approach, methods of education.

Kuznetsova L.V., Kuznetsova L.M. Theoretical questions of comparative researches of typology of tense systems.

Wide development of comparative and typological researches is characteristic for modern theoretical linguistics. Systematic structure is one of the most essential objective features of language functioning. Without solving of the problem of language grammar systematic structure scientific comparison of grammatical systems of various languages is impossible. The solving of problems of comparative character is crucial for improvement of language teaching techniques, for the theory of translation, language contacts etc.

Keywords: Linguistics, language grammatical system, systematic structure, verb.

Chernikova E.M. Borrowings of theonyms and demonyms in indoeuropean languages.

In the article were considered the main ways of borrowings of theonyms and demonyms in indoeuropean languages, it was made in the diachronical aspect; as well In the article was explored the interinfluence of ancient indoeuropean and semito-hamitic cultures. The study touches the indoeuropean cultures from the second millennium b.c. up to the beginning of the second millennium a.d.

Keywords: Theonym, demonym, borrowing, indoeuropean, pheonician, old greek, roman, old egyptian, iranian, indian, russian, the god, religion, culture.

Babenko L.G., Pjzunova M.V. Communicative act and speech act in the structure of speech genre «declaration of love» based on the Galsworthy's work of art «The Forsyte saga».

The article is devoted to the research of distinction in a discourse interpretation which comes to light from the comparison of a descriptive potential of speech act and a communicative act. This distinction is illustrated on the dialogue which is taken from Galsworthy's work of art «The Forsyte Saga». At the analysis of the discourse in the theory of speech act Searle's classification is used. The classification offered by I.N. Borisova is applied at the interpretation of the discourse from the point of view of a communicative act.

KEYWORDS: communication act, speech act, discourse, the theory of communication acts.

Vdovina O.A. Lexico-grammatical peculiarities of the texts on International Relations in didactics.

In this article the attempt to combine the results of the linguistic analysis of the texts on International Relations (their lexico-grammatical peculiarities) with the practice of teaching English to the students of the International Relations Faculties (testing) has been made. The main emphasis has been placed on the necessity to take into consideration

the specific character of the texts of the respective register when compiling a test for the LSP course in International Relations.

Keywords: texts on International Relations, linguistic analysis, lexico-grammatical peculiarities, LSP, register, translation, testing.

Miniar-Beloroutcheva A.P., Plotnikova A. The Magic World of G.R.R. Tolkien and Beowulf.

In his trilogy G.R.R. Tolkien created his own world full of magic. Having mixed all the mythological genres he invented his own unique mythological world. G.R.R. Tolkien, professor of Oxford University, was inspired by the Anglo-Saxon epic Beowulf when he was writing his own epic work of art. In his immortal work The Lord of the Ring G.R.R. Tolkien frequently alluded and quoted Beowulf. All the parallel plots of these two books are cited in this article. Beside a story line G.R.R. Tolkien drew onomastic analogues between his novel and Beowulf.

Keywords: Parallel plots, onomastic analogies, vertical context, mythological allusions, and literary allusions.

Serebryakova A.Y. Linguistic features of the texts by I. Kant.

This article speaks about linguistic features of the texts by I. Kant and factors stipulating these features. Distinctive features of Kant's style are complexity and variety of syntactic structures, long periods, instability and polysemy of employment of the words etc. Factors stipulating these features are the time when Kant was working, style features of philosophical texts, individuality of philosopher himself.

Keywords: Character of the epoch, style essential quality, instability and polysemy of using terms, variety of syntactic structures, logic-semantic types of sentences, language means of expressing generalization, terms apparatus.

Miniar-Beloroutcheva A.P., Plotnikova A. Evolution of perception of proper names in Western culture.

In the authors of article analyze the evolution of linguistic and philosophical conceptions concerning the nature of a name. These conceptions were put forward by the outstanding foreign philosophers and linguists such as F. de Saussure, A.G. Gardiner, O. Esperson, J.S. Mill, G. Bertelson, and others. In a short, capacious form the authors of the article have managed to set forth the main ideas of the listed linguists and philosophers and conclude that although neither theory gives a definite, accurate and sound answer to the problem what the proper name was and is and how it should be studied, onomastics is, nevertheless, developing in the writer direction.

Keywords: Onomastics, proper name, nature of a name, symbol, sign, name and nomination.

Salimova R.m. Cognitive description of modality in interior monologue.

The article is devoted to the problem of modality of interior monologue. Its cognitive description is brought forward. The analysis of the fiction text extract reveals the functional perspective of personalization.

Keywords: interior monologue, the model of textual information and sense structure, subjective modality, the cognitive model, frame, scenario, scene, the heroes' inner state, the author's alienation.

Summary

Turbina O.A. Social importance reflection of hospitality in Russian paremias.

Hospitality is a complicated moral-religious and social-legal institute based on the human's communication. As the basic concept of the Russian Culture on the language level hospitality finds its expression in the numerous paremias. In the article Russian paremias about hospitality / inhospitality studies as through the reflection in them one of the ancient displays of sociality and as its functions in the rituals of hospitality institute.

Keywords: hospitality / inhospitality, gift, exchange, generosity, prestige, mutuality.

Yunakovskaja A.A. The systematize of the colloquial material with the help of lexicography mean (an example of t. Omsk).

The linguistics researches of the town's speech are topical in the science but the methods of its description are established. One of the ways of its description is lexicographical. On the example of creation of the series of different dictionaries and systematizing language material of one town we may show town's history and its modern state from the linguistics point of view.

Keywords: regional lexicography, conception of the dictionary, types of dictionary: explanatory dictionary, reading book, conception dictionary.

Sheremetyeva S.O., Dyumin N.Y. On a universal lingware platform

The paper describes a model of a universal platform for development and performance of natural language applications. A high-level system description as well as description of system components are given.

Keywords: Computational linguistics, machine translation (MT), natural language processing (NLP), lingware, software development, software development kit (SDK).

Kazakova J.V. A semantic role of adverbial adverbs contains in phraseological units of a modal class.

The article contains data of the analysis of phraseological units of the certain semantical-grammatical class. The author investigates semantic structure of phraseological units with a component an adverb and comes to conclusion, that the adverb introduces an element of the individual value in phraseological value. Clause can be interesting to scientists-philologists, post-graduate students and students-linguists.

Keywords: phraseological units, semantic structure, phraseological units with a component an adverb.

Bluvberg S.V. Specific features of the modern German protestant sermon discourse.

The article is devoted to the problem of discourse in modern linguistics. It contains some specific features of the protestant sermon based on the examples from modern German press.

Keywords: religious discourse, protestant sermon.

Van ness S.R. Nicknames made by means of secondary indirect nomination

Nomination in linguistics is the process of naming, in which three elements correspond to the objects denoted by them. In nomination three sides are distinguished: a named object, a naming subject and language means among which the choice is made. Thus one and the same object can receive different names according to different properties. The laws of nomination are expressed not only in ready-made nominal means of the language, but also in each act of speech, where the nicknaming of objects takes place on the basis of the certain choice of their features.

Keywords: secondary nomination, the inner form, metaphor, metonymy, antonomasia.

Kamysheva S.Y. Metaphoric denoting of music and musicians in fiction.

The article is devoted to the analysis of metaphors with the concept "Music" based on Russian Literature (XIX-XX centuries). The main characteristics of music and peculiar features of musicians are structured according to the cognitive theory of metaphor.

Keywords: metaphor, concept, theory of metaphor.

Koltysheva S.Ya. Entertainment-discourse through the prism of religious metaphor.

The article is devoted to cognitive analysis of Entertainment – discourse through the prism of religious metaphor built on the model «Entertainment is a religion». Cognitive analysis gives the possibility to discover the practical use and dynamics of the represented model and the metaphor functions in Entertainment –discourse.

Keywords: practical potential, dynamic, religious concepts, conceptual picture of the world, discourse.

Korobejnikova A.A. Appearance as a constituent of the male poetic image (based on the Akhmatova and Tsvetaeva's structure of poetic).

The article deals with lexical components of the male poetic image which form the notion of the appearance in the poetic utterance and are targeted as key ones in the poetic vision of A. Akhmatova and M. Tsvetaeva. The author of the article analyses text representants of appearance of a male poetic image finds similarities and commonalities in the text image.

Keywords: A. Akhmatova, gender linguistics, male poetic image, text representants of appearance, M. Tsvetaeva.

Tkacheva L.L. Technologies of critical thinking development.

The article dwells upon the development of critical thinking skills through writing and reading; it describes three phases of critical thinking development and analyses the types of questions contributing to this type of thinking.

Keywords: critical thinking, pedagogical technology, challenge, realization of the meaning, reflection, types of questions.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Блуверг Симон Викторович, аспирант, старший преподаватель кафедры иностранных языков Московского государственного педагогического университета. E-mail: drolgask@gmail.com

Bluverg Simon Viktorovich, post-graduate student, senior teacher of the Moscow State Pedagogical University. E-mail: drolgask@gmail.com

Бабенко Людмила Григорьевна, доктор филологических наук, профессор Уральского государственного университета.

Babenko Ludmila Grigor'evna, Ural State University, Professor of Contemporary Russian language department. Doctor of Philological Science. E-mail: lgbabenko@yandex.ru

Ван Несс Светлана Рамильевна, аспирант кафедры английской филологии ФРГФ Башкирского государственного университета. E-mail: sveta-y@inbox.ru

Van Ness Svetlana Ramilyevna, postgraduate student of the English philology Department Bashkir State University. Occupation: The Bashkir Institute of Social Technologies (branch) of the Academy of Labor and Social Relations, assistant professor of the foreign languages chair. E-mail: sveta-y@inbox.ru

Вдовина Ольга Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка №5 МГИМО (У) МИД России. E-mail: senator.71@mail.ru

Vdovina Olga Alexandrovna, PhD, Associate Professor of the English Language Department 7 at Moscow State Institute of International Relations (University) – MGIMO(U).

Дюмин Никита Юрьевич, студент факультета лингвистики ЮУрГУ, специальность «Теоретическая и прикладная лингвистика».

Dyumin Nikita Yurievich, South Ural State University, student of the Linguistic Faculty.

Захарова Татьяна Владимировна, соискатель кафедры общей лингвистики ЮУрГУ. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор О.А. Турбина.

Zaharova Tatyana Vladimirovna, South Ural State University competitor of General Linguistics Department. Scientific adviser – O.A. Turbina.

Казакова Юлия Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры культуры речи и профессионального общения ЮУрГУ.

Kazakova Julia Viktorovna, South-Ural State University, Candidate of philological science, Assistant professor at the department of Speech culture and professional communication of the Faculty of Linguistics.

Камышева Ольга Сергеевна, ассистент кафедры английского языка и методики его преподавания Шадринского государственного педагогического института, аспирант УрГПУ.

Kamysheva Olga Sergeevna, post-graduate student of the Ural State Pedagogical University, Scientific adviser – A.P. Chudinov, professor, doctor of philological science.

Кожаева Ольга Станиславовна, кандидат филологических наук, доцент общеуниверситетской кафедры иностранных языков Московского государственного педагогического университета.

Kozhaeva Olga Stanislavovna, Moscow State Pedagogical University, the candidate of science in linguistics, assistant professor of the foreign languages Department.

Колтышева Светлана Яковлевна, преподаватель кафедры английского языка ЮУрГУ, аспирант, научный руководитель – доктор филологических наук, профессор А.П. Чудинов.

Koltysheva Svetlana Yakovlevna, South Ural State University, teacher of the English language department. Post graduate student, scientific adviser – A.P. Chudinov, professor, doctor of philological science. E-mail: legend74@mail.ru

Коробейникова Анна Александровна, соискатель кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного университета. научный руководитель – доктор филологических наук, профессор В.Ю. Прокофьева. E-mail: SSSR2004@yandex.ru

Korobejnikova Anna Alexsandrovna, Orenburg State University, Russian Language and Methods of Teaching department, post graduate (Orenburg State University). Scientific Supervisor – Prof. Prokofeva Victoria Yurjevna, PhD (Russian philology).

Кузнецова Лилия Васильевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры социально-гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Ростовского института физкультуры, спорта и туризма. E-mail: lilavas@yandex.ru

Kuznetsova Liliya Vasilevna, Rostovsky Institute of Physical culture, Sport and Tourism, Doctor of philological science, Assistant professor of the Socio-humanities and Natural sciences disciplines department. E-mail: lilavas@yandex.ru

Миньяр-Белоручева Алла Петровна, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. e-mail: ostvera@yandex.ru.

Miniar-Beloroutcheva Alla Petrovna, professor of the Department of Foreign Languages of the History Faculty at Moscow State University. Author of more than 100 scholarly works and manuals.

Плотникова Анна Викторовна, преподаватель английского языка Московского государственного университета.

Plotnikova Anna, Moscow State University, the teacher of the English language, Sociological faculty.

Сведения об авторах

Ползунова Марина Владимировна, старший преподаватель кафедры иностранных языков Озёрского технологического института (филиала) «Московского инженерно-физического института (государственного университета)», соискатель УрГУ. E-mail: M.Polzunova@kiya.oti.ru.

Polzunova Marina Vladimirovna, Ozersk Technological Institute, senior teacher of the foreign languages department. Scientific adviser – L.G. Babenko.

Салимова Римма Мидхатовна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английской филологии Башкирского государственного университета. E-mail: risal@list.ru

Salimova Rimma Midkhatovna. Bashkir State University, The School of Roman and Germanic Philology, The candidate of science in linguistics, Assistant professor of English philology department

Серебрякова Анна Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры социально-правовых и гуманитарных наук филиала ЮУрГУ в г. Златоусте. E-mail: serebrjakova_a@mail.ru

Serebrykova Anna Yurievna, South Ural State University, Zlatoust Branch, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Department of Social-Law sciences and Humanities. E-mail: serebrjakova_a@mail.ru

Ткачева Людмила Леонидовна, аспирант кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации ЮУрГУ, научный руководитель – доктор педагогических наук, профессор И.А. Цатурова. E-mail: tl173@mail.ru.

Tkacheva Ludmila Leonidovna, South Ural State University, post-graduate of the department of linguistic and

cross-cultural communication. Scientific adviser – Tzaturova I.A., doctor, professor of pedagogical science. E-mail: tl173@mail.ru

Турбина Ольга Александровна, доктор филологических наук, профессор, зав.кафедрой общей лингвистики ЮУрГУ. E-mail: toa@susu.ac.ru

Turbina Olga Alexandrovna, South Ural State University, Head of General Linguistics Department, Professor, Doctor of Philological Science. E-mail: toa@susu.ac.ru

Черникова Елена Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общей лингвистики ЮУрГУ.

Chernikova Elena Mihaylovna, South Ural State University, The candidate of philological science, Assistant professor of the General Linguistic department. E-mail: acvos@chelcom.ru

Шереметьева Светлана Олеговна, доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации ЮУрГУ.

Sheremetyeva Svetlana Olegovna, South Ural State University, doctor of philological science, professor of the department of linguistic and cross-cultural communication.

Юнаковская Алла Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник кафедры исторического языкознания Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: istyaz@gmail.com

Yunakovskaja Alla Anatol'evna, Omsk State University, the candidate of philological science, assistant professor of the historical linguistics department.

**ВЕСТНИК
ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

№ 16 (116) 2008

**Серия
«ЛИНГВИСТИКА»
Выпуск 7**

Издательство Южно-Уральского государственного университета

Подписано в печать 07.07.2008. Формат 60×84 1/8. Печать трафаретная.
Усл. печ. л. 11,62. Уч.-изд. л. 12,5. Тираж 500 экз. Заказ 284/298.

Отпечатано в типографии Издательства ЮУрГУ. 454080, г. Челябинск, пр. им. В.И. Ленина, 76.